

ISSN 2541-8874

ВЕСТНИК

**Восточно-Сибирского государственного
института культуры**

2022/1(21)

Улан-Удэ

Министерство культуры Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный
институт культуры»

В Е С Т Н И К
Восточно-Сибирского государственного
института культуры

Научный журнал по искусствоведению, культурологии,
историческим наукам

№ 1(21)

Улан-Удэ
Издательско-полиграфический комплекс
ФГБОУ ВО ВСГИК
2022

Учредитель: ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры»

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77 – 74824 от 21 января 2019 г.
Федеральная служба по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Журнал включен в систему РИНЦ

Редакционная коллегия

Р. И. Пшеничникова, профессор, академик МАН ВШ (гл. редактор);
Е. Ю. Перова, канд. эконом. наук, доцент (зам. гл. редактора);
И. С. Цыремпилова, д-р ист. наук, профессор (зам. гл. редактора);
Е. В. Банзаракцаева, канд. ист. наук, доцент (отв. секретарь);
М. В. Амгаланова д-р культурологии, доцент; И. Б. Батуева, д-р ист. наук,
профессор; Т. Н. Бояк, д-р социол. наук, профессор; Н. Ж. Дагбаева, д-р
пед. наук, профессор; Н. Б. Дашиева, д-р ист. наук, профессор;
С. А. Езова, канд. пед. наук, профессор; В. В. Номогоева, д-р ист. наук,
доцент; А. М. Плеханова, д-р ист. наук, доцент; З. А. Серебрякова, д-р фило-
лол. наук, доцент; С. Г. Степанова, канд. пед. наук, доцент; Е. В. Сундуева,
д-р филол. наук, доцент; С. П. Татарова, д-р социол. наук, профессор;
Л. М. Хобракова, канд. филол. наук, доцент; А. В. Чебунин, д-р филос.
наук, профессор.

В Е С Т Н И К Восточно-Сибирского государственного института культуры : научный журнал по искусствоведению, культурологии, историческим наукам. – Улан-Удэ : Издательско-полиграфический комплекс ВСГИК, 2022. – № 1(21). – 140 с.

Адрес издателя, редакции и типографии ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры»
670031, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, д. 1.
Телефон: (3012) 23-29-83; e-mail: vestnikvsgik@mail.ru

Выход в свет 06.05.2022. 70x108 1/16. Усл. печ. л. 12,25. Уч.-изд. л. 7,95.
Тираж 500 экз. Заказ № 2537. Цена свободная.
Отпечатано в Издательско-полиграфическом комплексе ФГБОУ ВО
ВСГИК 670031, г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, 1.

© ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры», 2022.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ	5
Болхосоев С. Б. КРАТКИЙ ОЧЕРК ПОЛУКОЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ ПРЕДБАЙКАЛЬСКИХ БУРЯТ (КОНЕЦ XIX – СЕРЕДИНА XX ВВ.)	5
Махачкеева Г. В. К ВОПРОСУ О НОРМАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ТОПОНИМОВ (НА МАТЕРИАЛАХ ДРЕВНИХ ВОСТОЧНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ)	14
Ваганова Е. В., Бутакова В. Д. ЗНАМЕНСКИЙ ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ ГОРОДА ИРКУТСК КАК ОБЪЕКТ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ	24
Костров А. В., Гурова Е. Н. СТАРОБРЯДЧЕСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ ИРКУТСКОГО ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ	33
Костров А. В., Галданова Ю. Ю. КОЛЛЕКЦИЯ ЖЕНСКИХ ГОЛОВНЫХ УБОРОВ СТАРОБРЯДЦЕВ- СЕМЕЙСКИХ В СОБРАНИИ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ НАРОДОВ ЗАБАЙКАЛЬЯ	42
Эрдынеева С. Э. МУЗЕИ И МУЗЕЙНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ДОКУМЕНТАХ ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА КСЕНИИ МАКСИМОВНЫ ГЕРАСИМОВОЙ	51
ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ	57
Дубровин А. Н. УИЛЬЯМ УОЛТОН. «ПЯТЬ БАГАТЕЛЕЙ». РАЗВИТИЕ ЦИКЛА И ОСОБЕННОСТИ КОМПОЗИТОРСКОЙ ТЕХНИКИ	57
Ткачев В. В. ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ СОБРАНИЙ ПРЕДМЕТОВ ИСКУССТВА ИРКУТЯНАМИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. (НА МАТЕРИАЛАХ ФОНДОВ ИРКУТСКИХ КОЛЛЕКЦИОНЕРОВ)	69
КУЛЬТУРОЛОГИЯ	78
Нимаева И. Б. ПРОБЛЕМЫ ДОБРА И ЗЛА В ПРОЗАИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ	78
Матвеева Е. В. МОДЕЛЬ ИГРОВОГО ПРОСТРАНСТВА: ПРЕДПОСЫЛКИ И НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ	84
Харитонова С. А. НАРОДНЫЕ ИГРЫ И СОВРЕМЕННЫЙ РЕБЕНОК	92
Неманова Э. А. РОЛЬ НАРОДНОГО ТЕАТРА В ЖИЗНИ СЕЛЬСКОГО ОБЩЕСТВА БУРЯТИИ	100

Маловичко Е. В. ФАКТОРЫ СОХРАНЕНИЯ ЧИТАТЕЛЬСКИХ КАРТОЧНЫХ КАТАЛОГОВ МУНИЦИПАЛЬНЫХ БИБЛИОТЕК В ЭКСПЕРТНЫХ ОЦЕНКАХ _____	105
Езова С. А. РЕФЛЕКСИЯ АВТОРСКИХ ПУБЛИКАЦИЙ И СТАТЕЙ УЧЕНИКОВ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «БИБЛИОПАНОРАМА» (2009-2020 гг.) _____	114
<i>ОБРАЗОВАНИЕ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА</i> _____	120
Редько Т. Л., Сергеева Е. Б. ОРГАНИЗАЦИЯ ИНКЛЮЗИВНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ В ВУЗЕ КУЛЬТУРЫ _____	120
Арбатская О. А. ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЦИФРОВОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ В ПОДГОТОВКЕ КАДРОВ ДЛЯ СФЕРЫ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА _____	129
<i>СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ</i> _____	137

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

DOI 10.31443/2541-8874-2022-1-21-5-13

УДК 39(=512.31)“19/20”

Болхосоев С. Б.

КРАТКИЙ ОЧЕРК ПОЛУКОЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ ПРЕДБАЙКАЛЬСКИХ БУРЯТ (КОНЕЦ XIX – СЕРЕДИНА XX вв.)

Статья посвящена исследованию некоторых аспектов традиционной культуры бурят Предбайкалья. На основе опубликованных источников и этнографических полевых материалов рассматриваются особенности и истоки полукочевой традиции, существовавшей у западных бурят до середины XX в.

Ключевые слова: буряты, кочевая культура, традиция, скотоводческое хозяйство, ландшафт.

Bolkhosoev S. B.

BRIEF ESSAY OF THE SEMI-NOMADIC CULTURE OF THE PREBAIKALIA BURYATS (THE END OF THE XIX – MIDDLE OF THE XX CENTURIES)

The article is devoted to the study of some aspects of the Buryats' traditional culture of Prebaikalia. On the basis of the published sources and ethnographic field materials, the features and origin of the semi-nomadic tradition that existed among the Western Buryats until the middle of the XX century are considered.

Keywords: the Buryats, nomadic culture, tradition, cattle breeding, landscape.

Традиционная культура бурят представляла собой сложную и самобытную систему, которая сложилась в ходе длительного развития в определенных природных и социально-исторических условиях. Основой ее функционирования выступала кочевая культура, под которой следует понимать специфический хозяйственно-культурный тип, связанный с особым образом жизни скотоводческой общности, со своим видением мира, ценностями и т.п. В определенном

смысле кочевая культура представляла собой уклад жизни народа, разводившего домашних животных (лошадей, крупный рогатый скот, овец, коз, верблюдов) для обеспечения своей жизнедеятельности. Кочуя вместе со своим скотом, буряты освоили значительные территории по обе стороны озера Байкал. Занимая в основном степные участки освоенных земель, они выработали определенную систему перекочевков – от полукочевой/двухразовой схемы

передвижения в одних районах проживания, до кочевой/многократной смены местопребывания в других частях этнической территории. При этом перекочевки производились в пределах четко очерченной территории, принадлежащей родовой группе.

Следует отметить, что кочевая традиция бурят во многом определялась средой обитания, различие которой обусловлено региональными особенностями природно-климатических условий Предбайкалья и Забайкалья. Кроме того, на кочевой уклад жизни бурят оказал большое влияние социально-экономический и политический фактор, связанный с вхождением Восточной Сибири в состав Российского государства в XVII-XVIII вв. Заселение русскими Прибайкалья, культивирование ими земледельческой культуры, сужение кочевых территорий, к которому добавился прирост населения, требовали изменения схемы и амплитуды перекочевков. Происходит их ограничение, которое в большей степени коснулось предбайкальских групп бурят. Распространяется форма кочевания зимник-летник [11, с. 119-121]. Однако отметим, что многие ученые склоняются к мысли, что такая форма перекочевков является наследием курумчинской культуры (VI-XV вв.), создавшей основу полуседлого хозяйства западных бурят [8, с. 219]. Вывод исследователей заключается в том, что традиция двухразовой перекочевки является исконной для западных бурят и автохтонной по своему происхождению. Напротив, оппоненты видят в этой традиции

неразрывную связь с кочевой культурой номадов Центральной Азии [8, с. 220], которая основана на таборной и циклической форме кочевания. При первой скотоводы перемещались почти каждый месяц, а при второй регулярные перекочевки были связаны с сезонами года: зимник – летник – осенник – весенник [11, с. 119-120].

Таким образом, данные типы кочевой традиции также обнаруживаются в истории предбайкальских бурят. Имеющиеся архивные материалы позволяют утверждать, что наряду с полукочевым типом скотоводства, значительное место занимало и кочевое скотоводство, достаточно близкое к центрально-азиатскому.

Разумеется, неправильно полагать, что два типа скотоводства в хозяйстве предбайкальских бурят в прошлом существовали независимо друг от друга. В зависимости от внешних обстоятельств полукочевой тип хозяйства мог переходить в кочевой и наоборот. Вдобавок кочевой тип представлял собой четырехразовый сезонный характер кочевания [5, с. 25-26]. Что касается таборной формы перекочевков, то, к сожалению, материалы по хозяйству предбайкальских бурят не позволяют уверенно говорить о ее существовании в прошлом. Однако в тех же материалах сообщается о сведениях общей ориентации их традиции на полукочевой тип, который, начиная с XVII в., явно наблюдается в хозяйстве предбайкальских бурят [5, с. 25-26].

Традиционная система полукочевого типа имела свои

особенности, которые определили специфику уклада жизни, материальной и духовной культуры предбайкальских бурят. С одной стороны, выходят из употребления войлочные юрты, как признак кочевого типа и повсеместная замена ее деревянной/бревенчатой юртой или домом. С другой стороны, амплитуда перекочевков снижается от четырехразовой системы (зимник – летник – осенник – весенник) до трехразовой (зимник – летник – осенник) и двухразовой (зимник – летник). Примечательно, что последние две системы перекочевков функционировали вплоть до середины XX в. Например, это сообщается в материалах известного исследователя бурятской этнографии нач. XX в. Б.Э. Петри: *«Буряты живут зимою на зимниках, где у них находятся их теплые зимние жилища, постройки для скота и утуги; место для зимника выбирается где-нибудь по долине реки, чтобы удобно было провести оросительную систему и разбить утуги. Почва не должна быть солонцовая и поверхность холмистая или бугристая. Здесь буряты проводят зиму, осень и весну. Летом они откочевывают в другое свое поселение – летники, где у них выстроены более легкие и прохладные постройки для себя; скот же летом находится круглые сутки под открытым небом. Наиболее благоприятным местом для летников считается солончаковая степь, которая особенно полезна для скота, т.к. кроме соли дает ему еще свою траву, питательность которой значительно превышает питательность лесной*

или луговой травы. Кроме этих двух мест обитания, обязательных в круговороте хозяйства всех кочующих бурят, в некоторых местах имеются еще осенники» [2, с. 298]. Как отмечает ученый, это связано с многочисленностью скота или же малонаселенностью местности, а также плохим травостоем. Поэтому бурятам приходилось чаще менять пастбища и, вследствие этого, и местожительство [2, с. 298].

Также можно добавить, что еще одной причиной трехразовых кочевков являлось содержание в хозяйстве многочисленного табуна лошадей. Согласно нашим полевым этнографическим материалам, например, кудинские буряты из местностей Бозо и Баянгазуй, разводившие большое поголовье лошадей (от пятисот голов), кочевали три раза в год. Порядок выглядел таким образом, к примеру, баянгазуйцы на зимник (*үбэлэй хуури/үбэлжөөн*) прикочевывали в конце ноября, пребывали там два месяца (декабрь и январь), в начале февраля откочевывали на осенник (*намари хуури/намаржаан*), где находились до конца мая, а потом совершали перекочевку на летник (*нажари хуури/зуһалан*) и жили там до конца августа. Затем обратно переселялись на осенник и проводили там время с сентября до конца ноября и далее все повторялось. И такая система кочевания сохранялась до середины XX века. При этом общая протяженность этих кочевков составляла примерно от 60 до 80 км. В сравнении с этим расстояние зимник-летник (т.е. от

зимника до летника и обратно) составляло от 4 до 25 км.

Добавим к этому то, что бозойцы кочевали из Кудинской долины (зимник, осенник) в Идинскую (летник) и обратно, и это являлось самой протяженной по расстоянию перекочевкой среди кудинских бурят, которые отразили это в поговорке: *Хараазгайн нуугаа үгой бахна үгой, Бозойн яба үгой газар үгой* «Нет столба, на котором не садилась бы ласточка, нет земли, где бы не кочевали бозойцы».

Немногом меньшее расстояние проходили баянгазуйцы, у которых кочевья располагались в Муринской (зимник), Ишинской (осенник) и Кудинской (летник) долинах. Не лишним будет также указать, что центром хозяйственной жизни баянгазуйцев являлся осенник, нежели зимник, который, как правило, у большинства кудинских бурят становился местом основного кочевья. Думаем, что это было обусловлено связью с сакральными центрами родовых групп, местами захоронений предков и членов рода.

Хотелось бы отметить еще один интересный аспект кочевой культуры, связанный с традиционным жилищем – юртой. Особенность заключается в том, что количество стен многоугольного деревянного жилища предбайкальских бурят варьировалось в зависимости от кочевых стойбищ. Например, об этом сообщает Б.Э. Петри, правда, ограничившись сведениями, касаемых только летней и зимней юрты: «Восьмистенная юрта ставится на летниках», а

«Юрты семистенного типа ставятся лишь на зимниках» (как самые теплые из вариаций традиционного жилища бурят) [2, с. 304]. Что касается юрты, устанавливаемой на осенниках, то сведений на этот счет ученый, увы, не оставил. Можно предположить, что она представляла собой ту же семистенную юрту, поскольку как более теплое жилище, была рассчитана на холодный (осенний) период. Или же была шестистенной юртой, «компактной», соответственно, хорошо удерживающей тепло. Как пишет Петри, она меньше по размеру и ниже, чем восьмистенная юрта и к тому же встречается преимущественно на о. Ольхон и по побережью Байкала [2, с. 304].

В связи с этим, нельзя не отметить, что трехразовое кочевание также обнаруживается у приольхонских бурят – алагуевцев, живущих в долине р. Бугульдейка. Согласно материалам Ц. Жамцарано, «у них есть *нажиржаан, убуулжоон* и *намаржаан* (летнее, зимнее, осеннее стойбище)» [4, с. 42]. К сожалению, ученый обошелся лишь этим кратким сообщением, не дающим полной картины кочевой традиции алагуевцев. Тем не менее, даже из этого материала следует, что еще в начале XX в. некоторые бурятские группы Предбайкалья сохраняли многообразные перекочевки, напоминающие в урезанной форме четырехразовый классический тип кочевой культуры. При этом традиция демонстрирует специфику кочевых жилищ с указанием на сезонную привязку, что является особенным

элементом западно-бурятской полукочевой культуры XIX-XX вв.

Вместе с тем при изучении рассматриваемой темы необходимо учитывать родоплеменной состав западных бурят и их расселение. Как известно, предбайкальские буряты делились на такие племена как булагаты, хонгодоры и эхириты. Первые проживали в Приангарье, вторые – в Восточном Присаянье, а третьи – в Верхоленье. Каждый из этих районов Предбайкалья отличался своим природным

ландшафтом, позволявшим вести определенный тип кочевков. Полагаем, что в Приангарье, располагающим самой большой по площади степной зоной Предбайкалья, функционировала в прошлом традиция исконно кочевой культуры. Именно на периферии Приангарья до середины XX в. сохранялись ее элементы в виде трехразового кочевания. К тому же исконная кочевая традиция, с которой были знакомы булагаты, находит свое отражение в фольклоре:

*Эдэгэ бэлэгээр үбэльжөө хэбэ,
Ухэр Манхайгаар намаржаа хэбэ,
Талын хээрээр хабаржаа хэбэ,
Нахюу хээрээр намаржаа хэбэ*
[1, Л. 237].

«Возле Эдэгэ Бэлена зимнее кочевье устроили,
Возле Ухэр Манхая осенью кочевали,
В просторную степь весной откочевали,
В степной долине осенью пребывали».

Заметим, в тексте отсутствует упоминание летнего кочевья *зуһалаан*, которое по логике должно быть вместо повторяющегося осенника (*намаржаа*). Возможно, что это опечатка ученого или оплошность информатора. Тем не менее, это говорит о том, что булагаты в прошлом кочевали многократно, и племенные кочевья начинались со священных гор Эдэгэ Бэлен и Ухэр Манхай. Кроме того, булагаты принадлежали к той традиции кочевников, которые в прошлом были преимущественно коневодами. Наследием коневодческой культуры булагатов является образ небесного божества, покровителя и творца лошадей в

тэнгрианском пантеоне племени. Имя тэнгрия – Ухаа Солбон [9, с. 74-75]. Он один из главных почитаемых божеств и сын верховного небожителя Эсэгэ Малана. Еще в начале XX в. булагаты совершали ритуалы, посвященные этому покровителю табунного хозяйства. Например, в летний период божееству совершали жертвоприношение девятью котлами молочной водки *тарасуна* и посвящали коня соловой или чубарой масти [9, с. 77; 13 с. 244]. При этом отметим, что среди других бурятских племен (хонгодоров, эхиритов) подобный обычай отсутствовал [1, Л. 80].

Из этого следует, что в своей основе скотоводческое хозяйство хонгодоров и эхиритов не было коневодческим, а ориентировалось на разведение других видов домашних животных. Причем в видовом отношении скота, разводимого, к примеру, хонгодорами, доминировал крупный рогатый скот. Это было связано с местами их расселения, где территории, предназначенные для их сезонных перекочевков, были ограничены. И это обстоятельство обусловило сравнительно малую подвижность скотоводческого хозяйства присаянских бурят. В их стаде преобладал крупный рогатый скот, менее приспособленный к зимней тебеневке и длительным переходам. С другой стороны, это было обусловлено устоявшейся традицией, по своему происхождению близкой к хозяйственно-культурному типу скотоводов горно-таежной зоны [7, с. 21, 71].

Иллюстрацией данного типа, например, является скотоводческая культура дархатов – монголов, кочевавших в районе оз. Хубсугул, по соседству с присаянскими хонгодорами. Основой их хозяйства было разведение яков и мелкого рогатого скота, и кочевали два раза в год (с зимника на летник и обратно) [12, с. 30-31]. Это дает основу для предположения, что хонгодоры не автохтоны Предбайкалья, а мигранты из другого района Центральной Азии. Скорее всего, их истоки связаны с северо-западной Монголией, известной многими горными системами (Хангай, Хан Хухэй, Алтай и т.д.) и нередко в литературе называемой

горной страной, где в силу особенности рельефа сложился тот тип скотоводческой кочевой культуры, которая переключается с традицией хонгодоров. Функционированию данной кочевой культуры соответствовали схожие с горной зоной Монголии природно-климатические условия Восточного Присаянья [7, с. 63, 71].

Что касается эхиритов, расселенных в притаежной зоне, то у них преобладал полукочевой тип скотоводческого хозяйства, с содержанием больших стад крупного рогатого скота [7, с. 59]. Дополнялось это также другими видами домашних животных, еще охотой, собирательством и рыболовством. В XIX в. добавилась культура земледелия, привнесенная русскими переселенцами. Нововведение также имело распространение у других групп предбайкальских бурят [6, с. 123].

В отношении истоков происхождения полукочевого типа эхиритской традиции, следует сказать, что они были обусловлены природно-географическим фактором и фактором этнокультурной преемственности. По первому фактору отметим, что районы расселения эхиритов характеризуются наличием сравнительно небольших зон степей и остепненных участков, окруженных тайгой. Ограниченность пастбищных угодий, не способствующей подвижному кочевому укладу, свойственного для коневодов, оказала влияние на выбор традицией эхиритов разведения именно крупного рогатого скота. Второй фактор, полагаем, связан с наследием курумчинской

культуры. Ее ученые связывают с тюркоязычными курыканами, населявшими Предбайкалье во второй половине I тыс. н. э. Как пишет археолог Б.Б. Дашибалов, в многоотраслевом хозяйстве курыкан, сочетавшем как производящие, так и присваивающие отрасли, существенное место занимало скотоводство с сезонным выпасом скота на летних и зимних пастбищах [3, с. 137-144]. В данном случае также уместно напомнить, что участие тюркоязычного компонента в этногенезе эхиритов является достаточно известным фактом. Это подтверждает, например, родовой состав, особенности языка, мифология, культы и автохтонность племени [10, с. 52-55].

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Кочевой и полукочевой уклад скотоводческого хозяйства предбайкальских бурят, зафиксированный в письменных источниках XVII-XVIII вв. после вхождения Бурятии в состав России, и сохранившийся только в

виде полукочевой традиции в конце XX – середине XX в., является результатом влияния разных факторов (политических, социальных, экономических и т.д.). В то же время полукочевая культура не только является результатом этих факторов, но и наследием культуры средневековых насельников Предбайкалья – курумчинцев, а также связана с традициями населения северо-западной Монголии. Что касается кочевого типа культуры предбайкальских бурят, то его истоки связаны с номадами центрально-азиатских степей. Они, по всей видимости, проникали в Предбайкалье во времена могущества центральноазиатских держав XIII-XVII вв. При этом необходимо отметить, что мигрировали в основном коневоды [8, с. 128], которые в процессе адаптации к местным условиям выработали цикличный тип кочевой культуры, и табунное скотоводство являлось основой их хозяйства, унаследованное бурятами.

Примечания

1. Балдаев С. П. Генеалогия, легенды и предания ольхонских бурят. 1946 г. // Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 882. Л. 80, 237.
2. Вселенная сибирского шамана. История. Легенды. Обряды : Репринтное издание работ Б. Э. Петри по этнографии из собрания Иркутского областного краеведческого музея. Иркутск : Репроцентр А1, 2014. 328 с.
3. Дашибалов Б. Б. Археологические памятники курыкан и хори. Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 1995. 191 с.
4. Жамцарано Ц. Путевые дневники. 1903-1907 гг. / сост.: Ц. П. Ванчикова, В. Ц. Лыскова, И. В. Кульганек. Улан-Удэ : Респ. тип., 2011. 264 с.
5. История Бурятии : в 3 т. Т. 2. XVII– начало XX вв. Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 2011. 624 с.

6. История Усть-Ордынского Бурятского автономного округа / отв. ред. Л. М. Дамешек. М. : Прогресс, 1995. 544 с.

7. Маншеев Д. М. Традиционное скотоводческое хозяйство бурят Восточного Присяянья (конец XIX – начало XX вв.). Улан-Удэ : Изд-во ВСГТУ, 2006. 208 с.

8. Маншеев Д. М. Генезис традиционной системы хозяйствования скотоводов северо-востока Центральной Азии // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. № 8. С. 216-220.

9. Михайлов В. А. Религиозная мифология. Улан-Удэ : Соел, 1996. 112 с.

10. Павлов В. Е. Вариативность уранического пантеона западных бурят и этническая история Предбайкалья // Этническая культура: история и современность. М. ; Улан-Удэ : Изд.-полигр. комплекс ВСГАКИ, 2002. С. 32-62.

11. Санданов Ю. Б. Номадное хозяйство у бурят XVIII – начале XX в. // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 7. С. 119-124.

12. Санжеев Г. Д. Дархаты : этнографический отчет о поездке в Монголию в 1927 году. Л. : АН СССР, 1930. 69 с.

13. Хангалов М. Н. Собрание сочинений. Т. 1. Улан-Удэ : Респ. тип., 2004. 508 с.

References

1. Baldaev S. P. Genealogija, legendy i predanija ol'khonskikh burjat. 1946 g. [Genealogy, legends and traditions of the Olkhon Buryats. 1946] // Centr vostochnykh rukopisej i ksilografov Instituta mongolovedenija, buddologii i tibetologii SO RAN [Center of Oriental manuscripts and xylographs of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS]. F. 36, Inv. 1, C. 882. L. 80, 237. [In Russ.].

2. Vselennaja sibirskogo shamana. Istorija. Legendy. Obrjady. Reprint-noje izdanije работ В. Е. Петри по этнографии из собрания Иркутского областного краеведческого музея [The Siberian shaman's universe. History. Legends. Rituals : Reprint edition of B. E. Petri's works on ethnography from the collection of the Irkutsk regional museum of local history]. Irkutsk, 2014, 328 p. [In Russ.].

3. Dashibalov B. B. Arkheologičeskije pamjatniki kurykan i khori [Archaeological monuments of the Kurykans and Khori]. Ulan-Ude, 1995. 191 p. [In Russ.].

4. Zhamtsarano Ts. Putevyje dnevniki. 1903–1907 gg. [Travel diaries. 1903-1907] / comp. by: Ts. P. Vanchikova, V. Ts. Lyksokova, I. V. Kulganek. Ulan-Ude, 2011. 264 p. [In Russ.].

5. Istorija Burjatii : v 3 t. Т. 2. XVII– nachalo XX vv. [History of Buryatia in 3 v. Vol. 2. XVII– beginning of the XX centuries]. Ulan-Ude, 2011. 624 p. [In Russ.].

6. Istorija Ust'-Ordynskogo Burjatskogo avtonomnogo okruga [History of the Ust-Ordynsky Buryat autonomous okrug] / chief editor L. M. Dameshek. M., 1995. 544 p. [In Russ.].

7. Mansheev D. M. Tradicionnoje skotovodcheskoje khozjajstvo buryat Vostochnogo Prisajan'ja (konec XIX – nachalo XX vv.) [The traditional cattle breeding of the Buryats of the Eastern Prisayanye (late XIX – early XX centuries)]. Ulan-Ude, 2006. 208 p. [In Russ.].

8. Mansheev D. M. Genezis tradicionnoj sistemy khozjajstvovanija skotovodov severo-vostoka Central'noj Azii [Genesis of traditional system of cattle breeders' householding of the northeast of Central Asia] // Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Buryat State University]. 2010, Vol. 8. 216-220 pp. [In Russ.].

9. Mikhailov V. A. Religioznaja mifologija [Religious mythology]. Ulan-Ude, 1996. 112 p. [In Russ.].

10. Pavlov V. E. Variativnost' uranicheskogo panteona zapadnykh burjat i etnicheskaja istorija Predbajkalja [Variety of the Uranic pantheon of the Western Buryats and ethnic history of Prebaikalia] // Etnicheskaja kul'tura: istorija i sovremennost' [Ethnic culture: history and modernity]. Moscow, 2002. Pp. 32-62. [In Russ.].

11. Sandanov Yu. B. Nomadnoje khozjajstvo u buryat XVIII–nachale XX v. [The Buryats' nomadic householding in the XVIII–beginning of the XX century // Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Buryat State University]. 2015, Vol. 7. Pp. 119-124 pp. [In Russ.].

12. Sanzheev G. D. Darkhaty : etnograficheskij otchjet o poezdke v Mongoliju v 1927 godu [The Darkhats: ethnographic report about a journey to Mongolia in 1927]. L., 1930, 69 p. [In Russ.].

13. Khangalov M. N. Sobranije sochinenij [Collection of works]. V.1. Ulan-Ude, 2004. 508 p. [In Russ.].

Махачкеева Г. В.

К ВОПРОСУ О НОРМАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ТОПОНИМОВ (НА МАТЕРИАЛАХ ДРЕВНИХ ВОСТОЧНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ)

Для обоснования необходимости активизации решения проблемы нормализации в отечественной топонимике автор предлагает рассмотреть новые подходы с точки зрения древних бурятских воззрений, согласующихся с некоторыми современными философскими взглядами.

Ключевые слова: топонимика, оним, микротопоним, антропоним, ономастика, брендинг, гидроним, топообъекты.

Makhachkeeva G. V.

TO THE ISSUE OF NORMALIZATION OF NATIONAL TOPONYMS (BASED ON THE ANCIENT ORIENTAL VIEWS)

To substantiate the necessity of activization of solving the problem of normalization in the national toponymy in Russia, the author suggests considering new approaches in terms of the ancient Buryat views, consistent with some modern philosophical views.

Keywords: toponymy, onym, microtoponym, anthroponym, onomastics, branding, hydronym, toponymic objects.

Топонимия никогда не возникает случайно. Она отражает историю освоения окружающей среды этносами, свидетельствуя об особенностях местности и событиях. Эксплицитно или имплицитно маркируя территорию, топонимы являются памятниками устного народного творчества этноса и заслуживают бережного отношения. Защита исторических названий географических объектов от видоизменений признана в мире важной задачей, решением которой занимается группа экспертов ООН по географическим названиям [1]. В России в 1997 г. был принят Федеральный Закон №152 «О

наименованиях географических объектов», согласно которому с 2009 г. работу по нормализации ведет Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестр) [2, с. 13]. По мнению исследователей, сегодня в отечественной топонимике актуальны следующие аспекты: соблюдение правил орфографии русского и языков народов Российской Федерации в написании топонимов с учетом сложившихся традиций в употреблении названий местным населением, особенностей региональной топонимической системы и специфики топонимической лексики [3, с. 129].

Региональная топонимия имеет свою давнюю историю. Первая публикация К. К. Кокоулина, посвящённая озеру Байкал, появилась в Известиях ВСОРГО в 1905 г. В 1934 г. впервые В. Л. Егоровым был издан Словарь географических терминов. Послевоенный период характеризуется появлением трудов Г. Г. Кузьминой и М. Н. Мельхеева. Современный этап был ознаменован значительной деятельностью основателя научной школы региональной ономастики Л. В. Шулуновой. Тогда было начато системное научное изучение онимов, составной частью которой являются топонимы. Топонимика Предбайкалья исследована С. А. Гурулёвым. В целом собрана необходимая региональная информация, в основном представляющая топонимы во всей полноте лингвистических характеристик. Вместе с тем, не все названия удалось объяснить, требуются дополнительные этимологические исследования. Кроме того, проблема правильного написания актуальна для всех онимов, то есть имен собственных, но законы о нормализации касаются только географических названий. Как известно, большая часть национальных топонимов была занесена в официальные источники в адаптированном виде в русской транслитерации еще в XVII-XVIII вв., и с тех пор ситуация не менялась.

Рассмотрим это на примере географических названий Аларского района Иркутской области: *ОлзоБи* (досл. *олзо* – прибыль, доход; *би* – есть)). Удачно выбранное название в официальных

документах записано как *Алзобей*, окказионально на местном наречии звучащее как *Ользобэ*, с отрицательной частицей *бэ*, что в корне меняет смысловую нагрузку и означает уже «прибыли нет»; *Ольторог* островок, записан как *Алтарик*; *Хэбхульта* болотистая падь – *Апхульта* [4, с. 19, 21]; *Буурхи* (имя основателя) – *Буркав*; *Зуун модон* (досл. сто верст) – *Зоны*; *Хээр Булаг* родник в поле – *Кербулак*; *Хэрхэ* – *Киркей*. Видимо, топоним возник от слова *хээрэ*, что означает «необжитые места» или «степь, поле»; *Хыйта(н)* – обширные, приподнятые степные пространства вдали от леса – *Куйта* [4, с. 42]; *Хухэ нуур* синее озеро – *Кукунур*; *Хундэлэн* поперечный, в смысле «поперечная долина» – *Кундулун*; *Хурхад* (улус рода *хурхад*) – *Куркат*; *Нэгэдэ(л)* единение, объединение – *Ныгда*. Видимо, подразумевалось объединение родов, мелких поселений; *Шулуутэй* каменистый – *Шалоты*; *Ханьян* (имя родоначальника) – *Хадахан*. Эти примеры свидетельствуют о фонетической адаптации бурятских слов в русском.

Исследователями выявлено, что определённая закономерность наблюдается при передаче бурятских названий с начальным *х*, который чаще реализуется в качестве *к* [5, с. 146]. На примере Аларского района это выглядит так: *Хээр Булаг* – *Кербулак*, *Хэрхэ* – *Киркей*, *Хухэ нуур* – *Кукунур*, *Хурхад* – *Куркат*, *Хыйтан* – *Куйта* и т.д. Также известно, что искажения при передаче иноязычных топонимов приводят к разным «домысливаниям», народной этимологии [6].

Так, в Алари река Булун (*булун(э)* в переводе с тюркского «округлый залив», «излучина реки») стала называться Белая. Этот гидроним местные жители интерпретируют по-разному, связывая то с горными породами белого цвета на берегах, то со временем года, когда увидели реку первые русские казаки [4, с. 24]. Кроме того, есть проблема с онимами и внутри поселений, а также с микропонимами (родники, леса, рощи, поля и т.д.).

Анализ показывает, что адаптация привела к полному исчезновению смысла рассмотренных топонимов: видоизменённые названия являют собой отличающуюся от исконного имени мотивировку или просто бессмысленный набор букв, тем самым, нарушая осмысление ономастического пространства. А ведь «всякое переименование топообъекта – это потеря информации» [7, с. 7]. По архаическим воззрениям бурят, это ведет к потере заложенной в слове энергии. Согласно распространенной у аларцев метафоре *хэлэхээрэ болодог* (досл. *как говорят, так и будет*), искаженное собственное имя с заменой изначально заложенного позитивного смысла на негативный транслирует в пространство отрицательную энергию, что влечет за собой разрушительный шлейф. Возможно, это одна из отправных точек наблюдаемого сегодня кризисного состояния вышеназванных топообъектов. В то же время иная ситуация в селах, где названия не искажались: *Аляты* (по названию оз. *Алят* – шаловливое озеро); *Бахтай* –

замечательное место; *Нарены, нарин-гол* – узкая долина [4, с. 23].

Как видим, состояние ареальной топонимики сегодня демонстрирует необходимость анализа и восстановления народных названий с учётом диалектных особенностей. Ситуация в целом характерна для национальных регионов страны [8]. Например, ошибочное написание отмечается примерно в 7-10 % топонимов карельского реестра, но попытки решения задач интеграции национальных названий в официальное русское употребление и местными жителями, и научным сообществом не приводят к успеху [9]. Изменяется топонимика в наши дни и в Бурятии: только выступление общественности остановило попытку переименовать высшую точку Икатского хребта в Баргузинском районе с эвенкийским названием Укун-мокикта на «Пик 75-летия Победы» [10]. В Тункинском районе Субургыгын аршан для привлечения туристов переименован в Чашу девственности [11]. Таких примеров много.

Итак, эти факты говорят о том, что вопросу, находящемуся в зоне внимания мирового сообщества с 70-х годов XX в., в России не уделяется должного внимания. Возможно, причина кроется в том, что нет в нашем обществе идеологии примата соответствия нормам унификации вообще и как определителю характера пространства, в частности.

Анализ вышеизложенных локальных онимов, проведенный в ходе исследования, позволил выявить причинно-следственные

связи явлений для осмысления определяющих исторических процессов. Основой для выводов стали положения мировоззренческих позиций некоторых современных лингвистов, философов, интерпретирующие освоение пространства через энергию слова, силу которого человечество осознавало с момента своего появления: «В начале было слово...» [12, с. 929].

Изложенный материал представляется в ином свете, если рассмотреть его в контексте оригинальных взглядов современного философа, члена Союза писателей России Е. Д. Марченко. По её мнению, буквенные скрижали, несущие важную смысловую нагрузку, в момент произнесения или написания выделяют соответствующий энерго- и информопоток [13]. Автором теории разработана методика, определяющая энерго- и информопотенциал слова. Анализ топонимов, проведенный на основании этой методики, выявил значительную энергоёмкость исконных названий, по сравнению с их искаженными вариантами. Размышления Е. Д. Марченко соотносятся с народной мудростью, а значит с массовым сознанием: «Как ты лодку назовешь, так она и поплывет». И если в ситуации с топонимами действие этой метафоры принято объяснять социально-экономическими и политическими причинами, то особенно наглядно ее демонстрируют примеры в других направлениях ономастики.

Так, заставляют задуматься повторяющиеся трагические события с неудачными онимами в современной России: пожары в

развлекательных заведениях с нуждающимися в комментариях названиями «Хромая лошадь», «Зимняя вишня» (как известно, зимняя вишня имеет не совсем привлекательный вид), трагедия с самолетом компании «Когалымавиа» (на языке ханты *когалым* означает «гиблое место») [14]. Жители современного г. Улан-Удэ еще помнят события, связанные с кафе «Шальная ложка», построенном в «Гостиных рядах», историческом центре города. Заведение несколько лет лихорадило из-за борьбы с органами надзора, протестных акций, голодовок, судебных тяжб, обращений к Президенту республики, пока, полностью оправдав свое «шаловое» имя, оно не было снесено самим же предпринимателем. Возможно, во многом трагедии связаны с названиями, транслирующими негативный месседж.

Ярко оттеняют проблему нормализации и антропонимы. Многие народы с древности придавали важное значение имени человека. Об этом свидетельствуют традиции бурят в имя-наречении, сохранившиеся до наших дней. Так, практиковались уничижительные, «плохие» имена, призванные оградить ребенка от воздействия злых духов: Баха (Лягушка), Тэхэ (Козёл) и т.д. По мере взросления ребенка имя ему заменялось. Трансформацию этих так называемых «охранных» имен можно наблюдать в современных западнобурятских фамилиях.

Особое отношение у бурят наблюдается к громким именам (Алдар – слава, Гэсэр – имя

эпического героя и т. д.), поскольку не каждому по силам выдержать груз предназначения. Когда человек не соответствует такому имени, его преследуют неудачи, в бурятской традиции называемые *нэрэдэ дарагдаха* (досл. быть подавленным именем). Известно, что при смене имени ситуация выправляется. Здесь уместно привести пример с известным бурятским спортсменом Бэликом Галановым. По совету лам он выбрал имя Тамир, которое переводится как «твердый, железный, сильный духом», после чего его карьера стремительно взлетела [15]. Также вместе с именем иногда меняется и фамилия: в случае, если род обречен на вырождение. Чтобы избежать негативного жизненного сценария, обращается внимание на совместимость фамилии, имени и отчества, смысловые значения которых не должны совпадать. В противном случае их взаимодействие приводит к нейтрализации друг друга, отчего уменьшаются потенциальные возможности человека. К примеру, такой эффект может дать сочетание Тамир Хабаев, где слова *тамир* и *хаба* в одном из своих вариантов имеют одно и то же значение – «сила», «мощь». Показательно, что такие же культурные параллели в традициях именнаречения обнаруживаются у других восточных народов: якутов, кыргызов, татар, башкир, казахов, китайцев и т.д. [16; 17; 18]. Например, китайцы верят в сакральную связь между именем и его носителем. Они считают, что имя не должно вызывать дурных ассоциаций: кроме хорошего значения, оно

и звучать, и написано должно быть красиво [18].

Как видим, люди издревле придавали важное значение главной ценности собственного имени – информативности [7, с. 27]. Из этого следует, что именно данный фактор и формирует энергетический ресурс любого онима. Так, вероятно, объясняется устойчивость древних бурятских, а также в целом восточных, традиций, основанных на многовековых наблюдениях, определивших мировоззренческие особенности. Также обнаруживается их взаимосвязь с положениями, выдвинутыми современными лингвистами и философами.

В свете этих размышлений особенный смысл и актуальность приобретают слова В. Даля: «С языком, с человеческим словом, с речью безнаказанно шутить нельзя; словесная речь человека – это видимая, осязаемая связь, союзное звено между телом и духом» [19, с. 2]. Такого же мнения и современные исследователи: «Креативная мощь слова ничуть не уменьшилась со времен творения Завета. Речь идет о древнейшей гуманитарной технологии – магии названия. Размышления о том, что вначале все-таки было Дело-то, для чего и нашлось Слово – лишь отчасти верны, поскольку именно слово отбирает приоритеты среди кишащих дел» [20, с. 47].

О том, что размышления Е. Д. Марченко «интересны в отличии от закостенелой, практически мертвой академической мысли» и «могут, если не встряхнуть

академическую философию и науку, то хотя бы вызвать дискуссию, полемику, обмен мнениями», говорит доктор философских наук С. Д. Мезенцев [21, с. 6]. Конечно, можно с предубеждением относиться к такого рода современным теориям, но в то же время нельзя не признать присутствие в данной идее рационального зерна, учитывая, что название должно быть исконным, поскольку народом изначально в него был вложен определенный смысл.

Кроме того, топонимы, также, как и вся ономастика в целом, имеют немаловажное значение в активно развивающемся историко-культурном брендинге территории – современной деловой философии, заключающейся в создании и поддержании притягательности и престижа местности. Впервые идея моделирования этнокультурных образов в России была выдвинута В. А. Тишковым. Основной идеей является мысль о том, что «нет культуры вне пространства, а пространство есть всегда культурно осмысливаемая субстанция» [22, с. 108]. Хотя ономастика, как таковая, напрямую в концепции этнокультурного брендинга не упоминается, ономастическая составляющая присутствует в ней незримо, играя важную роль. Поскольку речь идет об освоении пространства, игнорировать её в определении уникальности территории, выявлении преимуществ и недостатков места невозможно. Она присутствует в символике, лексических технологиях, материальных и нематериальных предметах, т.е. информационных

носителях. Следовательно, требует осмысленного подхода к освоению местности с точки зрения ономастических задач в целом, и топонимических, в частности. Это позволит увеличить потенциальные возможности для множества других замыслов: развития этнических культур; сохранения культурно-исторического наследия народов в условиях глобализации; решения экологических проблем; стимулирования инновационного развития регионов и т.д. [22, с. 12].

В плане нормализации показателен пример Казахстана, где многим объектам возвратили древние названия. Так, были широко распространены следующие искажения исконных топонимов: переименование (например, *Жайык* – в Урал, р. *Шынгырлау* – в Утва и т.д.); ненаучная транслитерация и транскрипция на русский язык (например, *Шымкент* – в Чимкент и т.д.); калькированное использование на русском языке (например, с. *Аксу* превратилось в Белые Воды, с. *Карасу* – в Черную Речку, пик *Кокше* – в Синюху и т.д.); прибавление русских определений казахским названиям (реки *Улькен Алматы*, *Кishi Алматы* стали Большая и Малая Алматинка и т.д.); прибавление окончаний, не свойственных казахскому языку (например, *Каркаралы*, *Кокшетау* на Каркаралинск, Кокчетав и т.д.) [23].

Таким образом, рассмотренный материал отражает актуальные проблемы российской топонимики, где процесс исправления транслитерационных ошибок идёт замедленными темпами. Для его

активизации требуются качественно новые подходы. В связи с этим в данной работе предложено, наряду с нормализацией форм написания топонимов, обратить внимание и на их смысловое значение. Это суждение основано на положениях древних восточных воззрений, совпадающих с современными философскими взглядами. Кажущиеся на первый взгляд экстравагантными, они акцентируют внимание на главной ценности топонимов – содержащемся в них смысле, а значит их энергетическом ресурсе. В связи с этим сделанные выводы, не вступая в противоречие с уже существующими

методами, могут служить в качестве дополнения для осмысления остроты проблемы и более расширенного научного обоснования, на основании которого можно пересмотреть современные топонимы. Это должен быть процесс их уточнения и приведения в соответствие со смысловыми значениями с учетом локальных языковых особенностей. Восстановление неискажённых самобытных топонимов позволит значительно расширить разрешающую способность инновационного подхода к брендингу территорий и создания их привлекательного имиджа.

Примечания

1. Группа экспертов ООН по географическим названиям. URL: <https://www.un.org/ru/ecosoc/geo/group.shtml> (дата обращения: 22.02.2022).
2. Дамбуев И. А. Нормализация топонимов в Республике Бурятия // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. Т. 14, № 2. С. 13-20.
3. Дамбуев И. А. О результатах нормализации топонимов в Российской Федерации (2011-2013 гг.) // Вестник КИГИ РАН. 2014. № 2. С. 125-129.
4. Мельхеев М. Н. Географические названия Восточной Сибири. Иркутская и Читинская области. Иркутск, 1969. 120 с.
5. Шулунова Л. В. Взаимодействие русского и бурятского языков в топонимии Предбайкалья (на материале ойконимов) // Тюркология – 88 : тезисы докл. V всесоюз. Тюрколог. конф. Фрунзе. 1988. 668 с.
6. Целебровская Е. И. Проблема описания современной топонимии юга Красноярского края. URL: <https://www.gramota.net/articles/issnpdf> (дата обращения: 02.02.2021).
7. Шулунова Л. В. Бурятская ономастика : автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.16. Улан-Удэ, 1995. 32 с.
8. Ганиева И. Я. Проблемы исследования топонимов в разносистемных языках. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-issledovaniya-toponimov-v-raznosistemnyh-yazykah> (дата обращения: 02.02.2021).
9. Муллонен И. И., Захарова Е. В. Проблемы интеграции прибалтийско-финских топонимов в официальное русское употребление. URL:

https://inslav.ru/sites/default/files/eoemullonen_zakharova.pdf (дата обращения: 03.02.2021).

10. В Бурятии Икатский хребет решили переименовать на «Пик 75-летия Победы». URL: <https://burunen.ru/news/culture/76880-v-buryatii-ikatskiy-khrebet-reshili-pereimenovat-na-pik-75-letiya-pobedy//> (дата обращения: 29.08.2021).

11. Шаглахаев Д. Хиналгатай аяншалганууд... // Ньютаг хэлэн / Диалекты Улан-Удэ. 2020. № 32. С. 3.

12. Библия. СПб.: Свет на Востоке, 2000. 1135 с.

13. Лучезарнова Е. Д. Ритмика для события. СПб., 2018. 175 с.

14. Саркисов Д. Моногород для жизни. URL: <https://lenta.ru/articles/2017/10/23/kogalym/> (дата обращения: 03.02.2020).

15. Синьков А. Сигнал вес лекарствами и пролетел с Олимпиадой. URL: <https://www.irk.kp.ru/daily/> (дата обращения: 07.03.2021).

16. Сапалова Д. У. Традиционная родильная обрядность якутов и кыргызов URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/traditsionnaya-rodilnaya-obryadnost-yakutov-i-kyrgyzov> (дата обращения: 27.03.2021).

17. Кычкина Д. С. Репрезентация семантического поля «Природа» в китайских и якутских антропонимах. URL: <https://nauchkor.ru/uploads/documents/pdf> (дата обращения: 27.03.2021).

18. Иванова А. М., Хазиева-Демирбаш Г. С. Сравнительно-сопоставительный анализ охранительных имен в тюркских языках. URL: <https://cyberleninka.ru/search> (дата обращения: 27.03.2021).

19. Даль В. И. Толковый словарь русского языка. М., 2010. 896 с.

20. Головнев А. В. Этничность и идентичность на Урале // Уральский исторический вестник. 2011. № 2 (31). С. 40-49.

21. Лучезарнова Е. Д. Размышления и афоризмы. М., 2016. 255 с.

22. Малькова В. К., Тишков В. А. Культура и пространство. Кн. 2. Историко-культурные бренды территорий, регионов и мест. М., 2010. 182 с.

23. Абдрахманов С., Макенова А. Суверенному Казахстану – суверенная топонимика. URL: <http://mysl.kazgazeta.kz/news/1621> (дата обращения: 07.02.2021).

References

1. Grupa ekspertov OON po geograficheskim nazvaniyam [The United Nations group of experts on geographical names]. URL: <https://https://www.un.org/ru/ecosoc/geo/group.shtml> (22.02.2022). [In Russ.]

2. Dambuev I. A. Normalizacija toponimov v Respublike Burjatija [Normalization of toponyms in the Republic of Buryatia] // Vestnik NGU. Serija: Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija [Vestnik NSU. Series: Linguistics and intercultural communication]. 2016. Vol. 14, № 2. Pp. 13–20. [In Russ.].

3. Dambuev I. A. O rezul'tatakh normalizacii toponimov v Rossijskoj Federacii (2011-2013 gg.) [About the results of normalization of toponyms in

the Russian Federation (2011-2013)] // Vestnik KIGI RAN [Oriental Studies]. 2014. № 2. Pp. 125-129. [In Russ.].

4. Melkheev M. N. Geograficheskiye nazvaniya Vostochnoj Sibiri. Irkutskaja i Chitinskaja oblasti [Geographical names of Eastern Siberia. The Irkutsk and Chita regions]. Irkutsk, 1969. 120 p. [In Russ.].

5. Shulunova L. V. Vzaimodejstvije russkogo i burjatskogo jazykov v toponimii Predbajkal'ja (na materiale ojkonomimov) [Interaction of the Russian and Buryat languages in the toponymy of Pribaikalia (on the materials of oikonyms)] // Tjurkologija – 88 : tezisy dokl. V vsesojuz. tjurkologicheskoy konf. [Turkology – 88 : abstracts of the reports of the V All-Union Turkolog. conf.]. Frunze, 1988. 668 p. [In Russ.].

6. Tselebrovskaya E. I. Problema opisanija sovremennoj toponimii juga Krasnojarskogo kraja [The problem of describing the modern toponymy of the south of the Krasnoyarsk region]. URL: <https://www.gramota.net/articles/issnpdf> (02.02.2021). [In Russ.].

7. Shulunova L. V. Burjatskaja onomastika: avtoref. dis. ...dokt. filol. nauk: 10.02.16 [The Buryat onomastics: dissertation thesis ... doctor of philological science: 10.02.16]. Ulan-Ude, 1995. 32 p. [In Russ.].

8. Ganieva I. Ya. Problemy issledovanija toponimov v raznosistemnykh jazykakh [Problems of the study of toponyms in the languages with different systems]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-issledovaniya-toponimov-v-raznosistemnyh-yazykah> (02.02.2021). [In Russ.].

9. Mullonen I. I., Zakharova E. V. Problemy integracii pribaltijsko-finskikh toponimov v oficial'noje russkoje upotreblenije [The problem of integration of the Baltic-Finnish toponyms into the official Russian usage]. URL: https://inslav.ru/sites/default/files/eoemullonen_zakharova.pdf/ (03.02.2021). [In Russ.]

10. V Burjatii Ikatskij khrebet reshili pereimenovat' na «Pik 75-letija Pobedy» [It was decided to rename the Ikat ridge into the "Peak of the 75th anniversary of Victory"]. URL: <https://burunen.ru/news/culture/76880-v-buryatii-ikatskiy-khrebet-reshili-pereimenovat-na-pik-75-letiya-pobedy/> (29.08.2021). [In Russ.]

11. Shaglakhaev D. Хиналгатай аяншалганууд... // Нютаг хэлэн / Dialects of Ulan-Ude. 2020. № 32. P. 3. [In Buryat].

12. Biblija [The Bible]. St.-P., 2000. 1135 p. [In Russ.]

13. Luchezarnova E. D. Ritmika dlja sobytija [Rhythmic for event]. St.-P., 2018. 175 p. [In Russ.].

14. Sarkisov D. Monogorod dlja zhizni [A monotown for life]. URL: <https://lenta.ru/articles/2017/10/23/kogalym/> (03.02.2020). [In Russ.]

15. Sinkov A. Sognal ves lekarstvami i proletel s Olimpiadoj [Lost weight with the help of drugs and missed the Olympics]. URL: <https://www.irk.kp.ru/daily/> (07.03.2021). [In Russ.]

16. Sapalova D. U. Tradicionnaja roditel'naja obryadnost' jakutov i kyrgyzov [Traditional childbirth ritual of the Yakuts and the Kyrgyz]. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/traditsionnaya-rodilnaya-obryadnost-yakutov-i-kyrgyzov> (27.03.2021). [In Russ.]

17. Kychkina D. S. Reprezentacija semanticheskogo polja «Priroda» v kitajskih i jakutskih antropimakh [Representation of the semantic field "Nature" in the Chinese and Yakut anthroponyms]. URL: <https://nauchkor.ru/uploads/documents/pdf> (27.03.2021). [In Russ.]

18. Ivanova A. M., Khazieva-Demirbash G. S. Sravnitel'no-sopostavitel'nyj analiz okhranitel'nykh imjen v tjurkskikh jazykakh [Comparative analysis of protective names in the Turkic languages]. URL: <https://cyberleninka.ru/search> (27.03.2021). [In Russ.]

19. Dal V. I. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka [The explanatory dictionary of the Russian language]. M., 2010. 896 p. [In Russ.]

20. Golovnev A. V. Etnichnost' i identichnost' na Urale [Ethnicity and identity at the Urals] // Ural'skij istoricheskij vestnik [Ural Historical Bulletin]. 2011. № 2 (31). Pp. 40-49. [In Russ.].

21. Luchezarnova E. D. Razmyshlenija i aforizmy [Reflections and aphorisms]. M., 2016. 255 p. [In Russ.].

22. Malkova V. K., Tishkov V. A. Kul'tura i prostranstvo. Kn. 2. Istoriko-kul'turnyje brendy territorij, regionov i mest [Culture and space. Book 2. Historical and cultural brands of territories, regions and places]. M., 2010. 182 p. [In Russ.].

23. Abdrakhmanov S., Makenova A. Suverenomu Kazakhstanu – suverenaja toponimika [To sovereign Kazakhstan – sovereign toponymy]. URL: <http://mysl.kazgazeta.kz/news/1621/> (07.02.2021). [In Russ.].

Ваганова Е. В., Бутакова В. Д.

ЗНАМЕНСКИЙ ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ ГОРОДА ИРКУТСК КАК ОБЪЕКТ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Статья посвящена изучению истории и современного состояния Знаменского женского монастыря г. Иркутск. Описаны основные исторические этапы в жизни обители, изучены объекты недвижимого наследия, находящиеся на его территории, а также современное состояние и музеефикация монастыря.

Ключевые слова: православие, монастырь, обитель, Знаменский женский монастырь, храм, город Иркутск, культурное наследие, мемориальные объекты, некрополь, музеефикация.

Vaganova Ye. V., Butakova V. D.

THE ZNAMENSKY CONVENT OF IRKUTSK CITY AS AN OBJECT OF CULTURAL HERITAGE

The article is devoted to the study of history and current condition of the Znamensky convent in Irkutsk city. The main historical stages in the life of the monastery have been described here, the objects of immovable heritage located on its territory as well as its current condition and museumification have been studied.

Keywords: Orthodoxy, monastery, abode, Znamensky convent, temple, Irkutsk city, cultural heritage, memorial sites, necropolis, museumification.

Иркутская область была и остаётся одним из важнейших центров православия в Восточной Сибири. Проникновение православия произошло здесь благодаря походам Ермака, вследствие чего началось строительство сибирских городов. Первая церковь была построена в 30-е гг. XVII в. в Якутске; в последующие десять лет храмы строятся в Киренске, Верхоленске, Нерчинске, Илимске, Албазине, Братске [1].

В городе Иркутск первая церковь была построена в 1672 г., и именовалась она как Спасская,

неподалёку от неё в 1693 г. была построена церковь Богоявления. К началу XVIII в. в городе насчитывалось семь, а на территории губернии тридцать восемь православных храмов [2, с. 395].

Во второй половине XVII в. в Восточной Сибири появляются первые монастыри. Так, в 1662 г. староста Иосиф организовал строительство первого монастыря – Якутского Спасского; через год уже начал строиться Киренский Троицкий монастырь. В 1672 г. вблизи к г. Иркутску был основан самый крупный в Восточной

Сибири Иркутский Вознесенский монастырь [3].

В 1693 г. началось строительство первого в Восточной Сибири женского монастыря – Знаменского, именно он стал центром духовной жизни Иркутской губернии. На данный момент, это единственный из сохранившихся монастырей конца XVII в. в Иркутской области [4, с. 92-93].

Иркутский Знаменский женский монастырь начали строить по грамоте, переданной митрополитом Сибирским и Тобольским Павлом. Место под постройку было выбрано на правом берегу р. Ангары, в устье р. Иды [5].

Организатором всех строительных работ стал торговец Влас Сидоров. К 1693 г. были закончены работы по строительству первой деревянной церкви. К сожалению, построенные в 1693 г. и 1727 г. храмы быстро разрушились, и в 1757 г. была заложена каменная церковь во имя Знамения Божией Матери [3].

Первым был освящен Николаевский придел в 1760 г.; в 1787 г. был пристроен Казанский придел; в 1794 г. – Спасо-Преображенский. Настоятельский корпус построен в 1797 г., второй этаж возведен в 1858 г. Монашеские кельи вдоль северной границы монастыря построены на пожертвования купца Н.С. Чупалова в 1818 г. Второй храм, Святых великомучеников Димитрия и Трифона построен и освящен в том же 1818 г. [6, с. 47-48].

В 1886 г. А.Н. Портнова, которая была иркутским меценатом, выделила пятьдесят тысяч рублей

на постройку нового двухэтажного каменного здания для монашеских келий [7, с. 62-65].

В конце XIX в. Иркутскому Знаменскому монастырю принадлежало огромное количество земель. Во владении у него находились: земля в четыре десятины на берегу р. Ангары, шестьдесят десятин сенокосных пашней на территории Большой речки и более ста двадцати десятин на Худяковской даче, где монахини создали пасеку и воскобойню; здесь же находился сад, цветник и поля с пшеницей. На территории монастыря находился скотный двор, огород с теплицами и водопроводом [8]. В обители изготавливались парадные священнические одежды, плащаницы, ризы на иконы; мастерицы шили и гражданскую одежду: наряды для невест, дамские платья, обувь и другое, занимались художественной стежкой одеял [9, с. 118].

С 1872 г. при монастыре была открыта больница, а в 1889 г. создано женское духовное училище. В 1893 г. при монастыре официально была открыта школа для девочек, в которой обучали письму, чтению и церковному пению. В монастыре действовал приют для детей, в котором к 1912 г. содержалось 44 девочки [7, с. 70-72].

В декабре 1919 г. в г. Иркутске эсеровская организация «Политический центр» организовала вооруженное восстание против режима Александра Колчака, и к 5 января 1920 г. полностью захватила город, а уже 24 января власть в Иркутске перешла «в руки» к большевикам. Первым распоряжением новой власти стало закрытие домовых

церквей и расформирование церковных советов. При подготовке обороны, большевики преобразовали храмы и монастыри в боевые укрепления. В ночь с 6 на 7 февраля 1920 г. недалеко от Знаменского монастыря были расстреляны Александр Колчак и Виктор Пепеляев [2, с. 396].

В 1926 г. храм стал приходским, а с 1929 г. начал выполнять функции кафедрального собора, поскольку в городе собор Богоявления закрыли, а Казанский кафедральный собор был уничтожен [10]. В 1934 г. постановлением Президиума городского совета от 11 июля Знаменская церковь была закрыта и отдана под рабочий клуб. Все иконостасы были уничтожены и постепенно здание храма разрушалось [11, с. 25].

В первые годы советской власти были уничтожены наиболее значимые объекты культа; похищено и исчезло огромное количество святынь; расправились со всеми оставшимися священнослужителями в 1937-1938 гг., и таким образом, к 1939 г. Иркутская епархия перестала существовать [12].

В 1945 г. Знаменский храм вновь был отдан епархии, в то время объект находился в плачевном состоянии. При осмотре объекта в октябре 1945 г. был составлен акт: крыша была разобрана, окна были выбиты, печи разрушены, электропроводка отсутствовала, а каменные полы местами сломаны. На территории, примыкающей к монастырю, были разрушены: каменный забор, а также некрополь [13].

Благодаря местным прихожанам удалось сохранить небольшую часть святынь храма. Например, Агриппина Жданова сберегла у себя три антимины, которые ей передал протоиерей Михаил Концевич. В 40-е гг. XX в. она передала один антимины в Михаило-Архангельскую церковь, а два остальных – в Знаменскую. Одна из святынь монастыря – Евангелие 1690 г., подписанное и подаренное монастырю Петром I, до возврата в монастырь хранилось в куче угля [12].

В 1948 г. Знаменской церкви был возвращен статус кафедрального собора; 30 августа 1960 г. комплекс Знаменского монастыря Постановлением Совета Министров РСФСР № 1327 переведен в ранг памятников архитектуры федерального значения и поставлен на государственную охрану [14].

3 сентября 1990 г. в обители были перенесены мощи святого Иннокентия (Кульчицкого), которые были найдены в Ярославле и на поезде перевезены в Иркутск [10]. Полностью монастырь возобновил свою деятельность лишь к середине 90-х гг. XX в. [10].

За свою многовековую историю храмовый комплекс претерпевал большие изменения и в своей архитектуре. Современный вид монастыря сложился в период между XVIII и XIX вв. Первоначальный план имел четырехчастное деление с равномерным расположением вдоль оси восток-запад притвора, трапезной, храма и алтаря. С северной стороны находился Николаевский придел, построенный в 1760 г. [15, с. 508].

Главный престол во имя Знамения Пресвятой Богородицы был освящен в 1762 г. и занимал четвериковое ядро церкви. В 1790 г. пристроен Казанский придел. Отсутствие симметрии и неуравновешенность в планировочной структуре послужило поводом к строительству с северной стороны Преображенского придела в 1794 г. В 1830 г. к паперти церкви было пристроено новое каменное крыльцо с двумя каменными палатками по бокам, и именно в таком виде церковь сохранилась до нашего времени [2, с. 396].

Архитектура церкви во многом похожа на древнерусское зодчество, что явно видно в декоративном оформлении фасадов: спаренные колонки в углах четверика, кудри в обрамлении окон. Вместе с тем памятник несет элементы барокко. Его особенности проявились в орнаментальной обработке поверхностей стен. Использование рельефных композиций, составленных из сочетания простых фигур, развитые карнизные тяги и т.д. [3].

В настоящее время из всех монастырских строений, которые существовали, сохранились лишь Знаменская церковь, царские врата, настоятельские кельи и монастырская ограда. Прямо перед главным входом в обитель построено здание, где размещены покои Владыки Максимилиана и епархиальное управление. Хозяйственные постройки, которые были разбросаны по территории монастыря, объединены в одно двухэтажное здание: склад с церковной атрибутикой, гараж, завод по

производству свечей и трапезная. Обитель содержит и духовно просвещает Иркутскую женскую православную гимназию, детские дома и школы-интернаты [12].

На территории монастыря находится уникальный культурный объект г. Иркутск – это исторический некрополь. Здесь похоронены многие настоятельницы и монахини, например, погребена первая игуменья Акилина.

Свое последнее пристанище на территории монастыря нашли: основатель Русско-Американской компании Г.И. Шелихов, Е.И. Трубецкая с детьми, декабристы Н.А. Панов, П.А. Муханов и В.А. Бечаснов. У стен монастыря были также погребены члены известных купеческих династий Иркутска: Котельниковы, Трапезниковы, Голдобины, Родионовы, Малых и многие другие. Во время советской власти некрополь был уничтожен, а восстановить из него удалось лишь малую часть [16].

На территории некрополя находится могила Григория Ивановича Шелихова, основателя Российско-Американской компании, который был одним из первых исследователей Курильских островов и Аляски [18]. На памятнике деятеля изображены: карта северо-востока Азии и Аляски, якоря, корабельная мачта, песочные часы, паруса, морские канаты, бортжурнал, циркуль, штурманские линейки, также изображения свитка, медали, шпаги, гербовой печати Российского государства – свидетельство высокой оценки трудов Шелихова на пользу Отечества [12].

На территории монастыря, как упоминалось выше, похоронены участники восстания декабристов, а также жена декабриста С.П. Трубецкого, Екатерина Ивановна с детьми. С южной стороны от Знаменской церкви в одной ограде находятся два надгробия. Под одним из них находятся останки Е.И. Трубецкой, которая одной из первых отправилась в Сибирь за своим мужем. Она скончалась в Иркутске 14 октября 1854 г. и похоронена рядом со своими детьми, которые умерли в малолетстве – Владимиром, Никитой и Софьей. В последний путь княгиню провожали друзья семьи, приехавшие из окрестных деревень, а также большое количество горожан [19, с. 224-226]. В 1928 г. на могиле княгини был установлен факт разрушения чугунной ограды у памятника, в 1954 г. была поставлена железная оградка. Все работы выполнялись скульптором Е.К. Андреевым [20, с. 82-95]. На сегодняшний момент памятник является объектом федерального значения.

Неподалёку от могилы Е.И. Трубецкой погребен декабрист Владимир Александрович Бечаснов, который был арестован 24 января 1826 г. и осужден по I разряду на вечную каторгу. В 1839 г. был отправлен на поселение в с. Смоленщина Жилкинской волости Иркутской губернии. Был женат на Анне Пахомовне Кичигиной, в семье было семеро детей [21, с. 23]. Могилу В.А. Бечаснова долго не могли найти. Исследователь Б. Г. Кубалов в свое время не мог разобрать надписи на его могиле. В 1925 г. вокруг неё была

установлена деревянная оградка, в 1974 г. был составлен паспорт на памятник. Объект имеет статус памятника федерального значения [20, с. 85-89, 98].

Напротив входа в церковь похоронены декабристы П.А. Муханов и Н.А. Панов [3]. Пётр Александрович Муханов был арестован 9 января и осуждён на IV разряду на 12 лет каторжных работ. В 1832 г. был переведён на поселение в Братский острог. В 1842 г. был переведён в село Усть-Куда под Иркутском. Последние годы провел в Иркутске, здесь вошёл в круг местной интеллигенции. Был близко знаком с начальницей Девичьего института М.А. Дороховой, намеревался вступить с ней в брак. Скончался от апоплексического удара и похоронен в Знаменском монастыре. Памятник на могиле декабриста охраняется и имеет статус памятника федерального значения [21, с. 123-124].

Николай Алексеевич Панов осужден по I разряду и по конфирмации 1826 г. и приговорен в каторжную работу вечно, впоследствии срок сократили до 20 лет. По указу 1839 г. был обращен на поселение и водворен в с. Михайловское Жилкинской волости Иркутского округа. В 1845 г. Н.А. Панову было разрешено переселиться в с. Урик Кудинской волости Иркутского округа. Умер в Иркутске в доме семьи Волконских, к которым приехал в гости. Похоронен в ограде Знаменском монастыря [21, с. 138]. Могила декабриста изначально располагалась недалеко от могилы П.А. Муханова, однако, в 1936 г. комиссия выяснила, что

памятник находится в совершенно в другом месте. В 1953 г. в процессе реставрации был утерян родной постамент [20, с. 96-97]. В настоящее время памятник является объектом федерального значения.

Также у стен Знаменского монастыря похоронен писатель Валентин Распутин. В. Распутин родился 15 марта 1937 г. в поселке Усть-Уда Иркутской области. В 1939 г. семья переехала в деревню Аталанка, которая в 1960-е гг. попала в зону затопления после строительства Братской ГЭС. Скончался Валентин Распутин 14 марта 2015 г. в г. Москве. Отпевание состоялось сначала в Храме Христа Спасителя, а затем гроб с телом доставили в Иркутск, там был отпет в Знаменском монастыре и захоронен [22].

На территории монастыря захоронен Иннокентий II (Нерунович), который родился в г. Киев и был епископом Иркутским и Нерчинским. Окончив Киевскую духовную академию, он с 1728 г. стал преподавателем Московской славяно-греко-латинской академии; через два года был уже префектом академии и иеромонахом Московского Спасского монастыря. Рукоположен в епископы 25 ноября 1732 г.; через год прибыл в Иркутск, где управлял епархией с 1732 г. по 1747 г. Умер в Братском районе и был похоронен там же. В 60-е гг. XX в. его останки перенесены из зоны затопления Братской ГЭС на Радищевское кладбище, но 14 октября 2001 г. Иннокентий II

перезахоронен уже на территории Знаменского монастыря [17].

Сегодня для большинства людей православные монастыри являются культурными центрами, работают как музеи, становятся объектами паломничества, имеют важное культурное значение. Они призваны различными способами передавать духовный опыт религиозной основы мира и тем самым обеспечивать, развивать и воспитывать традиционные ценности.

Огромное количество храмов и монастырей в разные временные промежутки получили статус государственных музеев и музеев-заповедников, а ведь музейная экспозиция является одной из форм сохранения и показа православного наследия. В настоящее время музеефикация является не только самым важным вариантом сохранения и использования памятников культуры, но и активно содействует органичному соединению памятника с регионом, обществом, средой бытования [6, с. 51].

Знаменский женский монастырь за свою многовековую историю претерпевал огромное количество изменений, его стены помнят и праведных служителей церкви и, людей, отлучённых от церкви, политических ссыльных и т.д. Его роль в формировании мировоззрения народа бесценна, и ставит тем самым более высокую значимость памятника для его сохранения. Сегодня ценность монастыря лишь увеличивается, становясь своего рода одним из самых значимых культовых объектов не только г. Иркутск, но и всего региона.

Примечания

1. Иркутская Епархия. URL: <http://iemp.ru/lenta.php?ID=6512> свободный (дата обращения: 06.12.2021).
2. Калинина И. В. Культурное православное зодчество // Памятники истории и культуры Иркутска. Иркутск, 1993. С. 395-396.
3. Знаменский монастырь URL: http://irkipedia.ru/content/znamenskiy_monastyr (дата обращения: 06.12.2021).
4. Луговская Е. А. История религиозных учреждений Восточной Сибири. Иркутск : Оттиск, 2017. С. 92-93.
5. Дулов А. В. Православная церковь в восточной Сибири в XVII – начале XX веков URL: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/church/ (дата обращения: 06.12.2021).
6. Ваганова Е. В., Апанасенко С. С. Региональный опыт музеефикации православного культурного наследия (по материалам Байкальского региона) // Вестник Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств. 2013. № 2. С. 47-48.
7. Куликаускене Н. В. Духовенство Иркутской епархии и книга в XVIII – XIX вв. // Из истории Иркутской епархии : сб. науч. тр. Иркутск, 1998. С. 57-72.
8. Знамя для атамана Семенова. URL: <http://iemp.ru/statiji/detail.php?ID=1965> (дата обращения: 06.12.2021).
9. Наумова О. Е. Иркутская епархия. XVIII – первая половина XIX века. Иркутск, 1996. С. 118.
10. Русская православная церковь. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1611517.html> (дата обращения: 06.12.2021).
11. Торшина Н. Г. Знаменский монастырь // Земля Иркутская. Иркутск, 1998. С. 25.
12. Знаменский женский монастырь. URL: <https://irgid.ru/gallery/94/> (дата обращения: 06.12.2021).
13. Знаменский епархиальный женский монастырь. URL: <http://znamenskij.pravorg.ru/> (дата обращения: 06.12.2021).
14. Сведения из Единого государственного реестра объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации. URL: <https://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331-egrkn/> (дата обращения: 06.12.2021).
15. Шумяцкий Б. З. Монастыри // Сибирская советская энциклопедия. Т. 3. Новосибирск, 1932. С. 506-508.
16. Вера и жизнь. URL: <https://vericon.ru/ikonostas/znamenskij-sobor-irkutsk.html> (дата обращения: 06.12.2021).
17. Жизнеописание второго епископа иркутского Иннокентия (Неруновича). URL: <https://pravbratsk.ru/22753-2/> (дата обращения: 06.12.2021).
18. Григорий Иванович Шелихов – краткая биография. URL: <https://kratkoebio.ru/grigory-shelikhov/> (дата обращения: 06.12.2021).

19. Сергеев М. Д. С Иркутском связанные судьбы. Иркутск, 1986. С. 224-226.
20. Гаращенко А. Н. Декабристский некрополь в Иркутске: история советского периода (1925–1975 гг.) // Декабристское кольцо : Вестник Иркутского музея декабристов. Вып. 1. Иркутск : Оттиск, 2011. С. 74-116.
21. Нечкина М. В. Декабристы : биографический справочник. М. : Наука, 1988. 446 с.
22. Исторический Иркутск: Знаменское предместье. URL: <https://baikalgo.ru/roads/istoricheskij-irkutsk-znamenskoe-predmeste-chast-i/> (дата обращения: 06.12.2021).

References

1. Irkutskaja Eparkhija [The Irkutsk Eparchy]. URL: <http://iemp.ru/lenta.php?ID=6512>, svobodnyj (06.12.2021). [In Russ.].
2. Kalinina I.V. Kul'tovoje pravoslavnoje zodchestvo [Cult Orthodox architecture] // Pamjatniki istorii i kul'tury Irkutskaja [The monuments of history and culture of Irkutsk]. Irkutsk, 1993. Pp.395-396. [In Russ.].
3. Znamenskij monastyr' [The Znamensky convent]. URL: http://irkipedia.ru/content/znamenskiy_monastyr (06.12.2021). [In Russ.].
4. Lugovskaya Ye.A. Istorija religioznykh uchrezhdenij Vostochnoj Sibiri [History of the religious institutions of Eastern Siberia]. Irkutsk, 2017. Pp. 92-93. [In Russ.].
5. Dulov A.V. Pravoslavnaja cerkov' v vostochnoj Sibiri v XVII – nachale XX vekov [The Orthodox church in Eastern Siberia in the XVII-beginning of the XX centuries]. URL: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/church/ (06.12.2021). [In Russ.].
6. Vaganova E.V., Apanasenko S. S. Regional'nyj opyt muzeifikacii pravoslavnogo kul'turnogo nasledija (po materialam Bajkal'skogo regiona) [The regional experience of museumification of the Orthodox cultural heritage (on the materials of the Baikal region)] // Vestnik Vostochno-Sibirskoj gosudarstvennoj akademii kul'tury i iskusstv [Bulletin of East Siberian state academy of culture and arts]. 2013. Issue 2. Pp. 47-48. [In Russ.].
7. Kulikauskene N.V. Dukhovenstvo Irkutskoj eparhii i kniga v XVIII – XIX vv. [The clergy of the Irkutsk eparchy and book in the XVIII – XIX centuries] // Iz istorii Irkutskoj eparhii: Sb. nauch. tr. [From the history of the Irkutsk eparchy: coll. of scient. articles]. Irkutsk, 1998. Pp.57-72. [In Russ.].
8. Znamja dlja atamana Semjenova [The banner for ataman Semyenov]. URL: <http://iemp.ru/statiji/detail.php?ID=1965> (06.12.2021) [In Russ.].
9. Naumova O. E. Irkutskaja eparkhija. XVIII – pervaja polovina XIX veka [The Irkutsk eparchy. XVIII-the first half of the XIX century]. Irkutsk, 1996. P. 118. [In Russ.].
10. Russkaja pravoslavnaja cerkov' [The Russian Orthodox church]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1611517.html> (06.12.2021) [In Russ.].
11. Torshina N.G. Znamenskij monastyr' [The Znamensky convent] // Zemlja Irkutskaja [The Irkutsk land]. 1998. P. 25. [In Russ.].

12. Znamenskij zhenskij monastyr [The Znamensky convent]. URL: <https://irgid.ru/gallery/94/> (06.12.2021). [In Russ.].
13. Znamenskij eparkhia'nyj zhenskij monastyr' [The Znamensk eparchy convent]. URL: <http://znamenskij.pravorg.ru/> (06.12.2021). [In Russ.].
14. Svedenija iz Edinogo gosudarstvennogo reestra ob'ektov kul'turnogo nasledija (pamjatnikov istorii i kul'tury) narodov Rossijskoj Federacii [Data from the Unified state register of the objects of cultural heritage (monuments of history and culture) of the peoples of the Russian Federation. URL: <https://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331-egrkn/> (06.12.2021). [In Russ.].
15. Shumyatskiy B.Z. Monasteri [Monasteries] // Sibirskaja sovetskaja enciklopedija. T.3 [The Siberian Soviet encyclopedia. V.3]. Novosibirsk, 1932. Pp. 506-508. [In Russ.].
16. Vera i zhizn' [Faith and life]. URL: <https://vericon.ru/ikonostas/znamenskij-sobor-irkutsk.html> (06.12.2021). [In Russ.].
17. Zhizneopisanije vtorogo episkopa irkutskogo Innokentija (Nerunovicha) [Life description of the second bishop of Irkutsk Innokentiy (Nerunovich)]. URL: <https://pravbratsk.ru/22753-2/> (06.12.2021). [In Russ.].
18. Grigorij Ivanovich Shelikhov — kratkaja biografija [Grigoriy Ivanovich Shelikhov – a short biography]. URL: <https://kratkoebio.ru/grigory-shelikhov/> (06.12.2021). [In Russ.].
19. Sergeev M. D. S Irkutskom svjazannyje sud'by [Destinies connected with Irkutsk]. Irkutsk, 1986. Pp. 224-226. [In Russ.].
20. Garashchenko A.N. Dekabristskij nekropol' v Irkutske: istorija sovetskogo perioda (1925–1975 gg.) [The Decembrists' necropolis in Irkutsk: history of the Soviet period (1925–1975) / /Dekabristskoje kol'co: Vestnik Irkutskogo muzeja dekabristov. Vyp 1. [The Decembrists' ring : Bulletin of the Irkutsk museum of the Decembrists. Issue 1]. Irkutsk, 2011. Pp. 74-116. [In Russ.].
21. Nechkina M. V. Dekabristy : biograficheskiy spravocnik [The Decembrists : biography reference book]. M., 1988. [In Russ.].
22. Istoricheskij Irkutsk: Znamenskoje predmest'je [The historical Irkutsk: the Znamensk suburb]. URL: <https://baikalgo.ru/roads/istoricheskij-irkutsk-znamenskoe-predmeste-chast-i/> (06.12.2021) [In Russ.].

Костров А. В., Гурова Е. Н.

СТАРООБРЯДЧЕСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ ИРКУТСКОГО ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

В статье предпринимается аналитический обзор старообрядческой коллекции Иркутского областного краеведческого музея. Рассматривается история формирования и основные содержательные параметры, выявленные в ходе локализации, систематизации, фиксации, описания и изучения этого собрания. Делается вывод, что количество и качество имеющихся предметов позволяет использовать их в качестве информативной источниковой базы при изучении культуры семейского, кержацкого и других старообрядческих сообществ.

Ключевые слова: старообрядчество, старообрядцы, семейские, кержаки, коллекция, Иркутский областной краеведческий музей.

Kostrov A. V., Gurova Ye. N.

THE OLD BELIEVERS' COLLECTION OF THE IRKUTSK REGIONAL MUSEUM OF LOCAL HISTORY

The article attempts to give an analytical review of the Old Believers' collection of the Irkutsk regional museum of local history. The history of formation and main content parameters revealed in the course of localization, systematization, fixation, description and study of this collection are considered. It is concluded that the number and quality of the objects at disposal allow to use them as an informative source basis for studying the culture of the Semeiskiye, Kerzhaks and other Old Believers' communities.

Keywords: old belief, the Old Believers, the Semeiskiye, the Kerzhaks, collection, the Irkutsk regional museum of local history.

Одной из проблем старообрядческой тематики является то, что многие группы и многие вопросы остаются недоисследованными, в то время как «натура» стремительно уходит, а кое-где уже ушла. Поэтому важны свидетельства ушедших и текущей эпох, в том числе отложившиеся в фондах музеев. При этом проблемой многих музейных учреждений является то, что часто старообрядческие

коллекции не локализованы, не систематизированы, не описаны и не изучены. В связи с этим у исследователей ещё много работы в этом направлении. Не является исключением и один из старейших музеев России – Иркутский областной краеведческий музей имени Н.Н. Муравьёва-Амурского (ранее музей Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества), основанный в 1782 г.

После иркутского пожара 1879 г. коллекция собиралась более 140 лет, в том числе в ходе этнографических экспедиций, предпринимаемых его сотрудниками. В частности, в 1920-е гг. А.М. Попова предприняла цикл экспедиций к семейским старообрядцам Забайкалья, а в начале 1990-х гг. О.В. Бычков совершил поездку к старообрядцам, проживающим в штате Орегон (США). Также фонды пополнялись исследователями, не связанными с музеем (например, Г.И. Ильина-Охрименко) и другими частными дарителями. И если обзорные статьи, посвящённые старообрядческим коллекциям таких ведущих хранилищ региона как Музей истории Бурятии им. М.Н. Хангалова, Этнографический музей народов Забайкалья и др. уже имеются в историографии [1-11], то материалы подобного собрания Иркутского областного краеведческого музея (ИОКМ) ещё предстоит ввести в научный оборот.

В 2020 г. в рамках подготовки выставки «Старообрядчество Восточной Сибири: через века сохраняя традиции» началась работа с тематическими материалами Иркутского областного краеведческого музея. Это было логичным продолжением цикла мероприятий, начатых выставкой «Старообрядчество – патриотизм из глубины веков», которая была открыта в Музее истории города Иркутска им. А.М. Сибирякова 5 апреля 2019 г. [12]. До начала поисков в каталоге ИОКМ как «семейские» было атрибутировано 9, а как «старообрядческие» 3 предмета. Естественно, что коллекция

распылена по разным фондам и описание артефактов не всегда отличалось информативностью. В связи с этим предстояла большая работа, направленная на локализацию, систематизацию и модернизацию описания предметов коллекции.

Критериями поиска стали: собиратели, территория и хронология сборов, названия предметов (в том числе аналогии), внешний вид и т.д. В результате локализованы коллекции известных исследователей (А.М. Поповой, Г.И. Ильиной-Охрименко, Р. Морриса), которые нередко не только рассредоточены по разным фондам, но и в каталоге не были подписаны их фондообразователи. В связи с этим приходилось работать с книгами поступлений и коллекционными описями. В результате, на данном этапе, помимо 6 книг и 50 икон (литых или выполненных в стиле «старого письма»), выявлено 187 предметов, имеющих прямое отношение к старообрядческой культуре (то есть всего 243 предмета). Из них 171 имеет отношение к семейским Забайкалья и 16 к несемейским старообрядцам.

Изучение локализованного материала предполагало компаративное соотнесение с аналогичными предметами из других крупных музеев Байкальской Сибири (Этнографический музей народов Забайкалья, Музей истории Бурятии им. М.Н. Хангалова, Музей истории и культуры семейских в с. Тарбагатай и др.), а также с нашими экспедиционными материалами, включающими как предметы и их фото, так и комментарии информантов.

Также мы активно консультировались с музейными работниками (из Иркутска, Улан-Удэ, Красноярска, Екатеринбурга и Санкт-Петербурга) и известными специалистами (Т.Б. Юмсунова-Моррис, Г.И. Ильина-Охрименко). Отдельным видом исследовательской деятельности стало обсуждение в рамках интерактивных экскурсий для экспертов в области народной культуры и музейного дела. Подобные встречи проводились в контексте тематической выставки, которая работала в отделе ИОКМ «Окно в Азию» с декабря 2020 по июль 2021 г. Промежуточные итоги исследования были озвучены в пленарном докладе на VIII Международной научно-практической конференции «Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи», которая проходила в г. Улан-Удэ 17-18 ноября 2021 г.

В ходе работы было выявлено три основных блока предметов. К первому относятся книги и иконы, которые можно назвать общестарообрядческим наследием, так как большая часть подобных артефактов производилась в известных издательских (или книгописных, как подмосковные Гслицы) и иконописных (Поморье, Урал и т. д.) центрах. Продукция этих центров имела хождение по всей России и за её пределами. Их соотношение в собрании, а также выявление немногочисленного аутентичного материала (иконы деревенского письма и др.), созданного местными сибирскими мастерами – это одно из направлений дальнейших исследований. Ко второму блоку

относится предметный мир народной культуры семейских старообрядцев Забайкалья, предки которых мигрировали на территорию Речи Посполитой, а во второй половине XVIII в. были переселены властями Российской империи в Забайкалье. Эта территориально-культурная группа имеет сложную историю формирования и связанную с этим выраженную специфику. Более того, в пространстве Байкальской Сибири это самая многочисленная группа старообрядческого населения, представители которой в основном расселены в пространстве Забайкалья. К третьему блоку можно отнести предметы, которые созданы представителями других (несемейских) старообрядческих групп. Это и кержаки, пришедшие в Сибирь с Поволжья и Урала, и их потомки, эмигрировавшие в послереволюционный период сначала в Китай, а потом в страны Южной и Северной Америки. Сейчас часть из этих староверов реэмигрирует в Россию, в том числе на территорию Иркутской области.

Состав первого блока, в основном сформированного за счёт поступлений от населения Байкальской Сибири, говорит о включённости местного старообрядчества в культурно-информационную коммуникацию дореволюционной России. Содержание же второго и третьего блоков презентует многообразие и богатство этой культуры, имеющей одни основы, но развивающейся под влиянием условий разных регионов и Церквей-согласий.

Второй блок коллекции презентует богатейший срез культуры

семейских Забайкалья, который профессионально собирался в 1920-е, 1960-1970-е и 1990-е гг. Он включает в себя предметы, имеющие отношение к религиозному, хозяйственному, домашнему и общественному, а также детскому быту. Здесь представлены атрибуты культа к которым можно отнести: «лестовки» (глубоко символические молитвенные чётки), «подручники» (стёганые коврики для земных поклонов), «кутейники» (туяса для ритуальной каши «кутьи»), которая у старообрядцев представляет собой варёную пшеницу с мёдом), «карманы» (настенные украшения, маркирующие границы «переднего» угла с иконами) и др. Достаточно большую часть семейского собрания составляет одежда: летняя и зимняя, мужская и женская, взрослая и детская, повседневная, праздничная, моленная, крестная и похоронная. Особенно стоит выделить собрание головных уборов — кичек, позатыльников, кокошников и др. Общее количество головных уборов и их частей составляет 37 единиц хранения. Уникальной «жемчужиной» коллекции, которой может похвастаться далеко не каждый музей, можно назвать похоронный комплекс, привезённый А.М. Поповой из Забайкалья в 1927 г. Он включает в себя основной набор смеретной одежды (кичку, рубаху, сарафан, чулки, калишки) и сопутствующие атрибуты (саван, подушку, гроб-домовину и др.). Собрание одежды дополняется украшениями, которые как покупались на ярмарках (янтарное монисто, стеклянные бусы), так и производились

в семейских деревнях (запонки). Помимо одежды и украшений заметную часть собрания представляют предметы домашнего и хозяйственного быта. К первому можно отнести шитые полотенца, квашник, селенку, туеса, подсамоварник, водянку. Ко второму — прялки («стояк» и «лежак»), гребёнки, швейку, бердо, коромысло, грабли и др. При этом что-то представлено в полный размер, а что-то в виде игровых моделей (детские коромысло и грабли). Дополняет эту часть коллекции игрушки, бытовавшие у семейских в 1920-е гг. (люлька, кукла, самострел, шар для игры, бабки и лодыжки).

В основе третьего блока, включающего полтора десятка предметов, лежит собрание одежды, привезённой О.В. Бычковым от орегонских потомков кержаков и казаков-некрасовцев, которые за границей сохранили общий строй традиционной русской одежды, которую постоянно носят по сей день. Сюда входит лямочный сарафан, горбач, талечка, тканые пояса, а также рабочие (с подоплёкой) и праздничные мужские рубахи русского покроя с вышитой стойкой посредине. При этом здесь есть как рубахи «манчжурцев» и «синцзянцев» (по названию китайских транзитных территорий старообрядческих миграций), так и рубаха «турсан» («турчан» — потомков казаков-некрасовцев, эмигрировавших в XVIII в. на территорию Османской империи, а уже в XX в. переехавших в США и СССР).

Показательно, что в орегонском собрании есть «подручник» (судя по размеру детский), но нет

«лестовки». Очевидно, что американские староверы и в начале 1990-х г. не были готовы отдать важный предмет, имеющий отношение к отправлению культа. Этот сюжет тем примечательней, что и А.М. Попова не смогла получить от семейских в 1920-е гг. целой «лестовки» – ей отдали только фрагмент одной старой, а также пошили по её просьбе наглядную модель (не вполне соответствующую настоящей). И хотя в более позднее время в фонды семейская лестовка поступила, аналогичное поведение забайкальских и американских старообрядцев разных эпох говорит как об одних базовых установках, так и о степени их сохранения в относительно закрытых эмигрантских общинах. Также в орегонском комплекте нет таких важных, и в силу этого «закрытых» атрибутов, как «сасмура» (или «шасмура» – основа головного убора замужней женщины, аналог «кички» у семейских) и моленный кафтан (одевается на рубаху, подпоясанную тканым поясом только для молитвы и других христианских действий), у чего, очевидно, имеются причины того же порядка.

Большую ценность для современных исследователей традиционной культуры имеют комментарии А. М. Поповой, которая была одной из первых выпускниц историко-филологического факультета Иркутского университета и профессионально занималась этнографией. Написанные её рукой коллекционные описи 1920-х гг. открывают тонкости бытования разных предметов [13]. Так, туесок оказывается не просто предметом

посуды, а «кутейником», который использовался только для «кутьи», детская рубашка – «крестильной», которую носили (в том числе в качестве оберега) до года, «покрывальце» – предметом одежды, в который заворачивали ребёнка при походе в храм (что позволяет говорить о наличии моленного комплекса и у младенцев) и т. д. Но и предметы без пространного описания иногда способны сообщить больше, чем текст. Например, структура лицевой части упомянутого детского покрывальца схожа со структурой верхнего поля «подручника», который имеет свою христианскую символику (крест, Христос и евангелисты, 9 чинов ангельских). Таким образом, обращение ребёнка для присутствия на общинном молебне, как и земной поклон во время молитвы, обращает человека к Небу. Много информации даёт похоронный комплекс, анализу которого посвящена наша отдельная статья. Помимо собственно христианских мотивов, в одежде можно найти и отражение синкретизма, а именно нехристианские апотропейные элементы. Например, на одной «кичке» можно видеть плотно воткнутую иглу, а на «запоне» булавку.

В завершении обзора хочется перевести логику в прагматическое русло и ответить на вопрос: что даёт подобная работа? Во-первых, это локализация тематических материалов, поступивших в разное время и выполненных из разных материалов, что, естественно, привело к тому, что они разпылены по разным фондам. Во-вторых, это

систематизация, основанная на базовом знании старообрядческой культуры, имеющей свою выраженную специфику. В-третьих, это экспертное описание предметов, чему, помимо собственных наработок, способствовали: консультации с экспертами в области традиционной культуры и музейного дела, использование «Словаря говоров семейских старообрядцев Забайкалья» [14] для уточнения вариантов названий предметов коллекции, а также целевые экспедиционные выезды (август и ноябрь 2021 г.) и общение с информантами из среды старообрядцев. В-четвёртых, это исследовательская фотофиксация предметов, дающая возможность изучать их и выявлять аналогии без многократного обращения в фонды музея. В-пятых, это понимание не только что есть, но и чего

недостаёт в собрании музея для более объёмной презентации старообрядческой культуры. В результате недостающие компоненты («кацея», «сасмура», моленный кафтан и др.) были нами подарены музею и обогатили его фонды. Всё это позволяет повысить качество информации о предметах коллекции, размещаемой в Госкаталоге и оптимизировать организацию и проведение перспективных выставок. Главным же результатом для науки являются как исследовательские наработки, так и аналитический каталог старообрядческой коллекции Иркутского областного краеведческого музея, который может и должен стать основой для перспективного сводного каталога старообрядческих коллекций музеев Байкальской Сибири.

Примечания

1. Лиханова Г. З. Этнографические коллекции Читинского областного краеведческого музея. Семейские. Чита : Читин. обл. тип., 1989. 119 с.
2. Книги кириллической печати в собрании Музея истории Бурятии им. М. Н. Хангалова : каталог / сост. Очирова Ц.-Х. В. ; науч. ред. Бородихин А. Ю. Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 1999. 120 с.
3. Левитина Л. Ф. Обзор фондовых коллекций по материальной культуре старообрядцев Забайкалья Музея истории Бурятии им. М. Н. Хангалова // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи : материалы 3 междунар. науч.-практ. конф. Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 2001. С. 373-377.
4. Жамбалова С. Г., Жалсараева Н. Б. О Никольской старообрядческой церкви в экспозиции Этнографического музея народов Забайкалья // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи : материалы 3 междунар. науч.-практ. конф. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2001. С. 379-381.
5. Иванова Л. П. Коллекция меднолитой пластики Этнографического музея народов Забайкалья // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи : материалы 3 междунар. науч.-практ. конф. Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 2001. С. 381-383.

6. Коновалова И. В. Иконостасы старообрядцев Забайкалья в собрании Музея истории Бурятии им. М. Н. Хангалова // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи : материалы 3 междунар. науч.-практ. конф. Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 2001. С. 377-379.

7. Саяпарова Е. В. Старообрядческая культура в экспозициях музеев Бурятии (вторая половина XX – начало XXI вв.) // Семейские – староверы Забайкалья: история, культура, современность : материалы междунар. науч.-практ. конф. Улан-Удэ : ИПК ВСГАКИ, 2011. С. 179-185.

8. Гусейнова Т. Н. Традиционная культура семейских Забайкалья и её отражение в музеях (на примере с. Тарбагатай Республики Бурятия) // Семейские – староверы Забайкалья: история, культура, современность : материалы междунар. науч.-практ. конф. Улан-Удэ : ИПК ВСГАКИ, 2011. С. 185-196.

9. Гомбоев Б. Ц. История и культура семейских в экспозициях Национального музея Республики Бурятия // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи : материалы 6 междунар. науч.-практ. конф. Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 2015. С. 337-339.

10. Митыпова Г. С. Музейная архитектура старообрядческой культуры в Бурятии // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи : материалы 6 междунар. науч.-практ. конф. Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 2015. С. 356-360.

11. Семейские. За веру и мужество : каталог выставки в Национальном музее истории Бурятии. Улан-Удэ : НоваПринт, 2015. 31 с.

12. Костров А. В. Старообрядчество Прибайкалья (к выставке «Старообрядчество – патриотизм из глубины веков» МИГИ). Иркутск : Оттиск, 2019. 56 с.

13. Иркутский областной краеведческий музей. Коллекционные описи по русскому населению. №19А. 1920-е гг.

14. Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья / под ред. Т. Б. Юмсуновой. Новосибирск : НИЦ ОИГГМ СО РАН, 1999. 539 с.

References

1. Likhanova G. Z. Etnograficheskiye kolekcii Chitinskogo oblastnogo krajevedcheskogo muzeja. Semejskije [The ethnographic collections of the Chita regional museum of local history]. Chita, 1989. 119 p. [In Russ.].

2. Knigi kirillicheskoj pechati v sobranii Muzeja istorii Burjatii im. M. N. Khangalova : katalog / sost. Ochirova C.-Kh. V., nauch. red. Borodikhin A. Ju. [The Cyrillic script books in the collection of the Museum of history of Buryatia named after M. N. Khangalov: catalogue / comp.by Ochirova Ts.-Kh. V.; scient. ed. Borodikhin A. Yu.]. Novosibirsk, 1999. 120 p. [In Russ.].

3. Levitina L. F. Obzor fondovykh kolekcij po material'noj kul'ture staroobrjadcev Zabajkal'ja Muzeja istorii Burjatii im. M. N. Khangalova [The review of the fund collections on the material culture of the Old Believers of

Transbaikalia of the Museum of history of Buryatia named after M. N. Khangalov] // Staroobryadchestvo: istorija i sovremennost', mestnyje tradicii, russkije i zarubezhnyje svjazi : materialy III mezhdunar. nauch.-prakt. konf. [Old belief: history and modernity, local traditions, Russian and foreign relations : proceedings of the III intern. scient.-pract. conf.]. Ulan-Ude, 2001. Pp. 373-377. [In Russ.].

4. Zhambalova S. G., Zhalsaraeva N. B. O Nikol'skoj staroobryadcheskoj cerkvi v ekspozicii Etnograficheskogo muzeja narodov Zabajkal'ja [About Nikolskaya Old Believers' church in the exposition of the Ethnographic museum of the peoples of Transbaikalia] // Staroobryadchestvo: istorija i sovremennost', mestnye tradicii, russkije i zarubezhnyje svjazi : materialy III mezhdunar. nauch.-prakt. konf. [Old belief: history and modernity, local traditions, Russian and foreign relations : proceedings of the III intern. scient.-pract. conf.]. Ulan-Ude, 2001. Pp. 379-381. [In Russ.].

5. Ivanova L. P. Kollekcija mednolitoj plastiki Etnograficheskogo muzeja narodov Zabajkal'ja [The collection of the copper-cast plastic of the Ethnographic museum of the peoples of Transbaikalia] // Staroobryadchestvo: istorija i sovremennost', mestnyje tradicii, russkije i zarubezhnyje svjazi : materialy III mezhdunar. nauch.-prakt. konf. [Old belief: history and modernity, local traditions, Russian and foreign relations : proceedings of the III intern. scient.-pract. conf.]. Ulan-Ude, 2001. Pp. 381-383. [In Russ.].

6. Konovalova I. V. Ikonostasy staroobryadcev Zabajkal'ja v sobranii Muzeja istorii Burjatii im. M. N. Khangalova [The iconostases of the Old Believers of Transbaikalia in the collection of the Museum of history of Buryatia named after M. N. Khangalov] // Staroobryadchestvo: istorija i sovremennost', mestnyje tradicii, russkije i zarubezhnyje svjazi : materialy III mezhdunar. nauch.-prakt. konf. [Old belief: history and modernity, local traditions, Russian and foreign relations : proceedings of the III intern. scient.-pract. conf.]. Ulan-Ude, 2001. Pp. 377-379. [In Russ.].

7. Sayparova E. V. Staroobryadcheskaja kul'tura v ekspozicijakh muzeev Burjatii (vtoraja polovina XX – nachalo XXI vv.) [The Old Believers' culture in the expositions of the museums of Buryatia (the 2nd half of the XX – beginning of the XXI centuries)] // Semejskije – starovery Zabajkal'ja: istorija, kul'tura, sovremennost' : materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. [The Semeiskiye – the Old Believers of Transbaikalia: history, culture, modernity : proceedings of the intern. scient.-pract. conf.] Ulan-Ude, 2011. Pp. 179-185. [In Russ.].

8. Guseynova T. N. Tradicionnaja kul'tura semejskikh Zabajkal'ja i je otrazhenije v muzejakh (na primere s. Tarbagataj Respubliki Burjatija) [The traditional culture of the Old Believers of Transbaikalia and its reflection in the museums (village Tarbagatai of the Republic of Buryatia as an example)] // Semejskije – starovery Zabajkal'ja: istorija, kul'tura, sovremennost' : materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. [The Semeiskiye – the Old Believers of Transbaikalia: history, culture, modernity : proceedings of the intern. scient.-pract. conf.] Ulan-Ude, 2011. Pp. 185-196. [In Russ.].

9. Gomboev B. Ts. Istorija i kul'tura semejskikh v ekspozicijakh Nacional'nogo muzeja Respubliki Burjatija [The Old Believers' history and culture in the expositions of the National museum of the Republic of Buryatia] // Staroobryadchestvo: istorija i sovremennost', mestnyje tradicii, russkije i zarubezhnyje svjazi : materialy VI mezhdunar. nauch.-prakt. konf. [Old belief: history and modernity, local traditions, Russian and foreign relations : proceedings of the VI intern. scient.-pract. conf.]. Ulan-Ude, 2015. Pp. 337-339. [In Russ.].

10. Mitypova G. S. Muzejnaja arkhitektura staroobryadcheskoi kul'tury v Burjatii [Museum architecture of the Old Believers' culture in Buryatia] // Staroobryadchestvo: istorija i sovremennost', mestnyje tradicii, russkije i zarubezhnyje svjazi : materialy VI mezhdunar. nauch.-prakt. konf. [Old belief: history and modernity, local traditions, Russian and foreign relations : proceedings of the VI intern. scient.-pract. conf.]. Ulan-Ude, 2015. Pp. 356-360. [In Russ.].

11. Semejskije. Za veru i muzhestvo. Katalog vystavki v Nacional'nom muzeje istorii Burjatii [The Semeiskiye. For the faith and courage. The catalogue collection in the National Museum of history of Buryatia]. Ulan-Ude, 2015. 31 p. [In Russ.].

12. Kostrov A. V. Staroobryadchestvo Pribajkal'ja (k vystavke «Staroobryadchestvo – patriotizm iz glubiny vekov» MGI) [The old belief of Transbaikalia (to the exhibition «The old belief – patriotism across the centuries»). Irkutsk, 2019. 56 p. [In Russ.].

13. Irkutskij oblastnoj krajevedcheskij muzej. Kollekcionnyje opisi po russskomu naseleniju №19A. 1920-e gg. [The Irkutsk regional museum of local history. The collection inventories of the Russian population]. № 19A. The 1920s]. [In Russ.].

14. Slovar' govorov staroobryadcev (semejskikh) Zabajkal'ja [The dictionary of the Old Believers' (the Semeiskiye) dialects of Transbaikalia / edited by T. B. Yumsunova. Novosibirsk, 1999. 539 p. [In Russ.].

Костров А. В., Галданова Ю. Ю.

КОЛЛЕКЦИЯ ЖЕНСКИХ ГОЛОВНЫХ УБОРОВ СТАРООБРЯДЦЕВ-СЕМЕЙСКИХ В СОБРАНИИ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ НАРОДОВ ЗАБАЙКАЛЬЯ

В статье предпринимается аналитический обзор коллекции женских головных уборов старообрядцев-семейских, хранящейся в Этнографическом музее народов Забайкалья. Приводятся количественные и качественные параметры этого собрания. В контексте структурного анализа и компаративного соотнесения выявляются специфические черты кичек, кокошников, позатыльников и других компонентов праздничного, обыденного и смеретного комплексов. Делается вывод, что в ходе собирательской деятельности был создан информативный срез этого параметра быта семейских старообрядцев.

Ключевые слова: старообрядчество, старообрядцы, семейские, женская одежда, головной убор, Этнографический музей народов Забайкалья.

Kostrov A. V., Galdanova Yu. Yu.

COLLECTION OF THE WOMEN'S HEADRESSES OF THE OLD BELIEVERS IN THE EXPOSITION OF THE ETHNOGRAPHIC MUSEUM OF THE PEOPLES OF TRANSBAIKALIA

The article attempts to give an analytical review of the collection of the women's headdresses of the Old Believers stored in the Ethnographic Museum of the peoples of Transbaikalia. The quantitative and qualitative parameters of this collection are given in the article. The article reveals the specific features of kichkas, kokoshniks, pozatylnics and other components of the festive, everyday and death complexes in the context of the structural analysis and comparative correlation. The author comes to the conclusion that the information about this parameter of the Old Believers' life has been collected in the course of such an activity.

Keywords: old belief, the Old Believers, women's clothes, headdress, the Ethnographic Museum of the peoples of Transbaikalia.

Этнографический музей народов Забайкалья (ЭМНЗ) является одним из крупнейших российских музеев под открытым небом и обладает богатым собранием, отражающим историю и культуру

разных сообществ уникального региона. Одним из параметров уникальности является наличие в составе местного населения большого количества старообрядцев, предки которых были переселены

сюда во второй половине XVIII в. и получили название «семейские». В фондах музея имеются коллекции, в которых представлены разные аспекты архитектуры, хозяйства, домашнего и общественного быта старообрядцев. Яркой особенностью, отличающей семейских от других территориально-культурных групп старообрядцев, помимо диалекта и некоторых других специфических черт, является их костюм. В нём проявилось влияние материнской (разных губерний Европейской России), транзитной (Ветка и Стародубье в Речи Посполитой) и принимающей (Западное и Восточное Забайкалье) территории. Анализу разных компонентов семейского костюма посвящены публикации Г.И. Ильиной-Охрименко [1], В.Ф. Иванова [2] и других авторов. Также имеется целый ряд работ, в которых предприняты обзоры этнографических старообрядческих коллекций забайкальских музеев [3-7]. Нас же, в данной исследовательской ситуации, интересуют предметы, составляющие коллекцию женских головных уборов из собрания ЭМНЗ.

Головной убор является одним из важнейших костюмных маркеров в традиционной культуре. Касаются это и старообрядцев, которые на протяжении нескольких веков стремились сохранять как общий строй, так и отдельные компоненты великорусского национального костюма. Варианты последнего зависели от истории сообщества и пространственной локации его расселения. Известно, что на территории Забайкалья это проявилось в виде двух групп семейских –

западной (представители которой проживают в Республике Бурятия) и восточной (представители которой проживают в западных районах Забайкальского края). При всей схожести культуры западный и восточный костюмы имеют некоторые различия, что, кроме прочего, проявилось в отличающихся женских головных уборах. Как отмечалось, скорее всего, это связано с разными территориями происхождения, транзита и размещения доминирующего большинства каждой из этих групп забайкальских старообрядцев. Обратимся к информационному потенциалу старообрядческих головных уборов из ЭМНЗ, отражающему как историю собирания, так и специфическое многообразие семейской культуры.

Количественно коллекция включает в себя 21 кичку, 15 кокошников, 37 позатыльников, 4 шапочки и 4 пояски (налобные ленты с бисером). Всё это дополняется большим количеством косынок («косинок») и шалей. Последние мы оставляем за рамками нашего рассмотрения, так как несмотря на то, что они активно использовались местными девушками и женщинами (в комплексе с составным головным убором), всё-таки имеют фабричное производство. Нас же в большей мере интересуют количество и качество аутентичных компонентов головного убора. Статистика имеющихся предметов может говорить о следующем. Соотношение кокошников и кичек презентует ситуацию, когда количество такого распространённого предмета как

кичка (которая раньше была обязательным атрибутом каждой женщины) ненамного превосходит количество столь редких кокошников. Очевидно, что это связано с тем, что кичка является личным (и в определённом смысле интимным) предметом женского гардероба. Поэтому старообрядцы не всегда были готовы отдать, а их потомки сохранять её. Также нельзя исключать и ориентации собирателей, которых в первую очередь интересуют уникальные, а не обыденные вещи. Показательно и большое количество позатыльников, которое сопоставимо с совокупным количеством кичек и кокошников. Дело в том, что этот компонент головного убора носили как с кокошником, так и с шалью, намотанной на кичку. И если золотошитый кокошник чаще всего был атрибутом праздничного костюма богатой женщины (дольше всего сохранялся как свадебный головной убор молодухи), то позатыльник дополнял праздничную кичку (с бисерной пояской) и намотанную на неё шаль у большинства семейских женщин. Также простые (или старые праздничные) позатыльники носили повседневно. И если кокошник стал уходить из употребления уже в начале XX в., то позатыльник использовался до 1930-х гг. и до этого периода оставался единственной золотошитой (иногда парчевой) частью головного убора. Более того, уход кокошника на фоне продолжающегося использования позатыльников иногда вёл к тому, что последние начинали делать из распоротых кокошников. Поэтому на них иногда

встречаются неполные фрагменты солярной символики, звёзд и т.д. В результате в коллекции представлено большое количество этого предмета, который, с одной стороны, несёт на себе традицию местного золотшвейного искусства, а с другой – не является таким «закрытым» (даже когда не носится), как кичка. Небольшое количество поясок как налобных лент с бисером, которые чаще всего использовали девушки, также показательно. Молодёжь чаще включалась в культурные преобразования 1920-30-х гг., поэтому из её костюма рано начинают уходить элементы традиции и приходят элементы светской моды.

Старообрядческий женский головной убор носит сложный составной характер. И если девичий включает в себя косник, пояску или гумажку, косынку или шаль (в данном собрании косник и гумажка не представлены), то женский – кичку (без или с пояской), позатыльник, кокошник, косынку или шаль. Кичка является основой головного убора замужней женщины и представляет собой чепчик особой формы, под которую прячутся волосы и на которую обязательно наматывается платок. Первый раз она одевается во время брачного обряда при расплетании одной девичей и заплетании двух женских кос. После этого она носится постоянно (кроме ночного времени) и имеет несколько вариантов – обыденная, моленная, праздничная и смеретная. Спереди над очельем имеется плотный «обручок», имеющий у западных и восточных семейских разную форму

(у первых он «рожком», у вторых «гребнем»). Форма «обручка» задаёт форму праздничного кокошника, который одевается на кичку. Соответственно, в Западном Забайкалье он овальный («копытцем»), а в Восточном – круглый. И если кокошник носился по праздникам, то в обычное время на кичку наматывалась косынка или шаль. Сзади на кичку при использовании и кокошника, и шали надевали прямоугольный позатыльник. При походе на моление поверх кички и намотанной на неё косынки вроспуск надевалась шаль, которая на подборке не завязывалась, а застёгивалась булавкой. Также имели место вариации бытования головного убора, в основном заключающиеся в комбинации кички, кокошника и шали (повязывание сложенной шали от подбородка навверх кички, обвязывание сложенной шалью кокошника по кругу). Рассмотрим имеющиеся в коллекции части головного убора по группам.

Помимо 1 кички из с. Урлук Красночикойского района, относящегося к Забайкальскому краю, здесь представлены кички из Тарбагатайского (с. Тарбагатай, Большой Куналей, Нижний Жирим, Пестерёво), Мухоршибирского (с. Шаралдай, Калиновка), Бичурского (с. Бичура) и Селенгинского (с. Ягодное) районов Бурятии. Ещё имеется 6 кичек без указания населённого пункта – в 3 случаях указано «Бурятия», а в ещё 3, имеющих отношение к традиции западных семейских, принадлежность не указана. Таким образом, из 21 имеющейся кички 20 относится к западным и 1 – к восточным

семейским. Это даёт возможность их компаративного соотнесения и выяснения горизонтов вариатности в головных уборах забайкальских староверов (без учёта несемейских групп, например, старообрядцев станицы Доно).

Большая часть кичек, представленных в коллекции, относится к праздничным головным уборам. Об этом говорит наличие пришитой спереди пояски (ленты с бисерной понизью) и других украшений. Бисерная пояска (с бисером разных цветов, но чаще всего с использованием чёрного) могла использоваться как с кичкой, так и без неё, но чаще всего мы видим её пришитой к праздничному головному убору. Помимо подобного украшения встречается бисерная или другая понизь, интегрированная в нижний край очелья. Наиболее интересным в данном случае является использование стеклянных бус дореволюционного времени в одном случае и бирюзовых камней в другом (Ед. хр. НВ-1527). Также иногда встречаются кички, на которых имеются и интегрированная бисерная поднизь, и пришитая поверх бисерная пояска. На некоторых кичках сохранились перья (или их фрагменты), которые были пришиты спереди (Ед. хр. ОФ-3853, ОФ-5747, ОФ-19938, ОФ-5699). Также на кичке из Большого Куналея вместе с пояской имеются висюльки, которые заметно её украшают (Ед. хр. ОФ-6065). Но наиболее уникальным, на наш взгляд, является экземпляр (Ед. хр. НВ-2764), украшенный интегрированной в переднюю нижнюю часть металлической молнией

(половиной металлического замка от покупной одежды). Это наглядное свидетельство не только столкновения эпох, но и их диалога.

Полагаем, что к обыденным кичкам относятся экземпляры, не имеющие каких-либо признаков украшения и имеющих достаточно заметный износ. Таких предметов немного (Ед. хр. ОФ-900, ОФ-958, ОФ-247), потому что если праздничная кичка хранилась в сундуке вместе с другими частями праздничного костюма, то повседневная использовалась постоянно и потом сжигалась. Также некоторые предметы можно отнести к смеретным кичкам (Ед. хр. ОФ-1816, возможно НВ-132). В пользу этого говорит лёгкий материал, неплотное шитьё и состояние, говорящее о том, что предмет не использовался, а хранился (в смеретном узле). Также об этом говорит структура кички-обручка (Ед. хр. ОФ-1816), имеющей выраженный валик-«рубёц», отличающий её от праздничных и обыденных аналогов, но ассоциирующий её со смеретной кичкой семейских, поступившей в собрание Иркутского областного краеведческого музея в 1927 г. (ИОКМ. Ед. хр. 15018А – 1/19).

Что касается кокошников, то их имеется 15 экземпляров. Из них 4 поступили из Восточного и 11 – из Западного Забайкалья. Как уже отмечалось, форма кокошника, как праздничного компонента составного головного убора женщины, находится во взаимозависимости с формой кички, на которую он одевался. В связи с этим представляет интерес то, что среди кичек восточных семейских 3 круглые (Ед. хр.

НВ-1731, ОФ-544, ОФ-566), соответствующие распространённой на Чикое кичке, а один (из с. Осиновка) овальный (Ед. хр. ОФ-578), соответствующий кичке западных семейских. И наоборот, из 11 западнозабайкальских кокошников – 9 овальные (на кичку с «рожком»), а два круглые. С одной стороны, это может говорить о брачных контактах между семейскими разных территориальных групп по линии согласий-Церквей. С другой стороны, наличие круглых кокошников в таких сёлах как Тарбагатай (Ед. хр. ОФ-19) и Нижний Жирим (Ед. хр. ОФ-1252) интересным образом соотносится с упоминаемой уже круглой смеретной кичкой с валиком, привезённой А.М. Поповой из Тарбагатая (или Новой Бряни) в 1927 г. (ИОКМ. Ед. хр. 15018А – 1/19). Эти материалы позволяют нам предположить, что ранее у западных семейских было два варианта кички и кокошника – круглый (с валиком-«рубцом») и овальный (с «рожком»). Позже второй вид почти полностью вытеснил первый, оставив свидетельства о нём только в смеретном костюме и в форме некоторых кокошников.

Более архаический вариант овального кокошника был цельношитым и предполагал ручное золотное шитьё как на верхнем, так и на переднем поле. Подобные экземпляры имеются в других музеях Байкальской Сибири. По два таких предмета имеются в Иркутском областном краеведческом музее (Ед. хр. ВС-7666/14, ВС-7666/15) и в Музее истории Бурятии им. М.Н. Хангалова (Ед. хр. ОФ-12205(1),

ОФ-4173). В собрании Этнографического музея народов Забайкалья представлены овальные комбинированные кокошники, предполагающие ручное золотное шитьё в технике «гладь» по верхнему полю и использование покупного позумента («брозумента») для украшения передней части, к которой она пришивалась в два или в три (всего в 2 случаях) ряда. Для шитья на верхнем поле кокошника чаще всего использована золотная, но в некоторых случаях (Ед. хр. ОФ-1891, ОФ-1020, ОФ-1229) помимо неё использована ещё и серебряная нить. У чикойского овального кокошника из с. Осиновка шитьём украшено верхнее поле, а на переднем имеются только следы позумента. Это один из вариантов бытования подобного предмета убора, когда передняя часть или расшивалась, или украшалась намотанным по кругу атласным платком.

У круглых кокошников украшено только переднее поле, для чего использовано два ряда позумента. Это говорит о том, что старообрядцы и Западного и Восточного Забайкалья начинали более активно включаться в рыночные отношения уже в XIX в., по крайней мере, в его второй половине, как в период создания большей части кокошников коллекции. Как следствие – своё шитьё постепенно начинало вытесняться покупным позументом.

Что касается позатыльников, то их в собрании представлено 37 экземпляров. Часть из них имеет отношение к восточным семейским (Ед. хр. ОФ-545/1, ОФ-545/2,

НВ-1731/1), что проявляется в широком плавном переходе к завязкам (у западных семейских они чаще просто пришиты к прямоугольной основе) и в декоре. В качестве последнего в большинстве случаев использован покупной позумент, но при украшении одного из них мастерица использовала пуговицы (Ед. хр. НВ-1731/1). Основная часть позатыльников коллекции относится к Западному Забайкалью. Из имеющих указание на населенные пункты представлены позатыльники из Тарбагатайского (с. Тарбагатай, Куйтун, Десятниково, Нижний Жирим), Мухоршибирского (с. Шаралдай, Калиновка) и Заиграевского (с. Новая Брянь) районов. При этом всего несколько из более чем 30 таких предметов украшены покупными парчой (Ед. хр. ОФ-20) или позументом, нашитым в один или два ряда (Ед. хр. ОФ-957, ОФ-1021, ОФ-1240). А на одном позатыльнике из с. Десятниково применено комбинирование традиционного золотного шитья, находящегося посередине, и фрагментов парчевой ткани, обрамляющей канитель по краям (Ед. хр. НВ-1144), аналог подобного оформления можно видеть на позатыльнике из Иркутского областного краеведческого музея (Ед. хр. ВС-7666/4). Все остальные экземпляры, имеющие отношение к западным семейским, выполнены с использованием ручного золотного шитья. В качестве основы чаще всего использованы хлопчатобумажные или шерстяные ткани, а также картон и металлизированные нити. В подавляющем большинстве случаев вышивка гладью

создана с использованием золотых нитей, но в одном случае применены серебряные (Ед. хр. ОФ-1988), а в двух других комбинация золотых и серебряных (Ед. хр. НВ-1522, НВ-1271/1) нитей. Основными мотивами вышивки являются растительный (чаще) и солярный (реже) орнамент.

Завершает женское собрание головной убор, представляющий собой кичку, на которую не только намотана, но и закреплена атласная шаль, украшенная брошами (Ед. хр. НВ-4620). Если традиционно на голову сначала одевалась кичка, а только потом на неё наматывалась шаль, то в период фольклорного ренессанса 1990-2000-х гг., некоторые артисты народных певческих коллективов стали упрощать этот процесс и интегрировали кичку и шаль на постоянной основе. В результате убор одевается и снимается сразу весь, что удобнее для концертной деятельности, но совершенно не отвечает традиционным подходам. Тем не менее, этот предмет коллекции отражает дух своего времени (постсоветской эпохи), особенности восприятия и транслирования традиции.

К женским примыкают девичьи и детские головные уборы. Помимо 3 поясок с бисером (одна из которых обозначена как «лента с бисером») и расшитой атласной ленты, это 4 шапочки, которые заслуживают отдельного внимания. Одна из них заметно отличается от

других. Она представляет собой круглый бархатный головной убор, богато расшитый золотой и серебряной нитью (Ед. хр. ОФ-5700). Его декор (растительный орнамент, выполненный канителью) и размер (57 см. в окружности) говорят в пользу того, что это не детская, а девичья праздничная шапочка. Два других являются схожими предметами детского праздничного гардероба семейских и представляют собой шёлковую (Ед. хр. ОФ-1826) и парчово-шёлковую (Ед. хр. ОФ-25) шапочку, украшенную атласными лентами. От них заметно отличается шёлковый бело-голубой чепец с бантом из 4 лент в верхней части. Не исключено, что этот бант символизирует крест, а сам головной убор является крестным, то есть одеваемым на девочку во время обряда крещения вместе с крестом, рубашкой и поясом.

Предпринятый обзор коллекции женских головных уборов из собрания Этнографического музея народов Забайкалья позволяет сделать вывод, что в ходе собирательской деятельности был создан многомерный срез этого параметра быта семейских старообрядцев. Это предоставляет важную источниковую базу для изучения яркой и самобытной группы, позволяет выяснить разные вопросы и приблизиться к содержательной реконструкции как костюма, так и культуры в целом.

Примечания

1. Ильина-Охрименко Г. И. Женский костюм семейских XIX – начала XX вв. и его украшения // Этнография русского населения Сибири и Средней Азии. М. : Наука, 1969. С. 189-220.

2. Иванов В. Ф. Как цветок в янтаре. Народный костюм семейских Забайкалья : научно-популярное издание. Улан-Удэ : Экос, 2018. 124 с.

3. Лиханова Г. З. Этнографические коллекции Читинского областного краеведческого музея. Семейские. Чита : Обл. тип., 1989. 119 с.

4. Левитина Л. Ф. Обзор фондовых коллекций по материальной культуре старообрядцев Забайкалья Музея истории Бурятии им. М.Н. Хангалова // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи : материалы 3 междунар. науч.-практ. конф. Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 2001. С. 373-377.

5. Гусейнова Т. Н. Традиционная культура семейских Забайкалья и её отражение в музеях (на примере с. Тарбагатай Республики Бурятия) // Семейские – староверы Забайкалья: история, культура, современность : материалы междунар. науч.-практ. конф. Улан-Удэ : ИПК ВСГАКИ, 2011. С. 185-196.

6. Саяпарова Е. В. Старообрядческая культура в экспозициях музеев Бурятии (вторая половина XX – начало XXI вв.) // Семейские – староверы Забайкалья: история, культура, современность : материалы междунар. науч.-практ. конф. Улан-Удэ : ИПК ВСГАКИ, 2011. С. 179-185.

7. Гомбоев Б. Ц. История и культура семейских в экспозициях Национального музея Республики Бурятия // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи : материалы 6 междунар. науч.-практ. конф. Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 2015. С. 337-339.

References

1. Plyina-Okhrimenko G. I. Zhenskij kostjum semeiskikh XIX – nachala XX vv. i ego ukrashenija [Women's costume of the Old Believers of the XIX-beginning of the XX centuries and its decorations] // Etnografija russkogo naselenija Sibiri i Srednej Azii [Ethnography of the Russian population of Siberia and Central Asia]. M., 1969. Pp. 189-220. [In Russ.].

2. Ivanov V. F. Kak tsvetok v jantare. Narodnyj kostjum semeiskikh Zabajkalja : nauchno-populjarnoje izdanije [As a flower in amber. Folk costume of the Old Believers of Transbaikalia: scientific popular edition]. Ulan-Ude, 2018. 124 p. [In Russ.].

3. Likhanova G. Z. Etnograficheskiye kollekcii Chitinskogo oblastnogo krajevedcheskogo muzeja. Semejskije [Ethnographic collections of the Chita regional museum of local history. The Old Believers]. Chita, 1989. 119 p. [In Russ.].

4. Levitina L. F. Obzor fondovykh kollekcij po material'noj kul'ture staroobryadcev Zabajkal'ja Muzeja istorii Burjatii im. M. N. Khangalova [The review of the fund collections on the material culture of the Old Believers of Transbaikalia of the Museum of history of Buryatia named after M. N. Khangalov] // Staroobryadchestvo: istorija i sovremennost', mestnyje tradicii, russkije i zarubezhnyje svjazi : materialy 3 Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. [Old

belief: history and modernity, local traditions, Russian and foreign relations : proceedings of the 3rd intern. scient.-pract. conf.]. Ulan-Ude, 2001. Pp. 373-377. [In Russ.].

5. Guseynova T. N. Tradicionnaja kul'tura semejskikh i eje otrazhenije v muzejakh (na primere s. Tarbagatai Respubliki Burjatija) [Traditional culture of the Old Believers of Transbaikalia and its reflection in the museums (village Tarbagatai of the Republic of Buryatia as an example) // Semejskije–starovery Zabajkalja: istorija, kul'tura i sovremennost' : materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. [The Semeyskiye – Old Believers of Transbaikalia: history, culture, modernity : proceedings of the intern. scient.-pract. conf.] Ulan-Ude, 2011. Pp. 185-196. [In Russ.].

6. Sayaparova Ye. V. Staroobradčeskaja kul'tura v ekspozicijakh muzejev Burjatii (vtoraja polovina XX – nachalo XXI vv.) [The Old Believers' culture in the expositions of the museums of Buryatia (the second half of the XX-beginning of the XXI centuries) // Semejskije–starovery Zabajkalja: istorija, kul'tura i sovremennost' : materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. [The Semeyskiye – Old Believers of Transbaikalia: history, culture, modernity : proceedings of the intern. scient.-pract. conf. : proceedings of the intern. scient.-pract. conf.]. Ulan-Ude, 2011. Pp.179-185. [In Russ.].

7. Gomboev B. Ts. Istorija i kul'tura semejskikh v ekspozicijakh Nacional'nogo muzeja Respubliki Burjatija [History and culture of the Old Believers in the expositions of the National museum of the Republic of Buryatia] // Staroobradčestvo: istorija i sovremennost', mestnyje tradicii, russkije i zarubezhnyje svjazi : materialy 6 mezhdunar. nauch.-prakt. konf. [Old belief: history and modernity, local traditions, Russian and foreign relations : proceedings of the 3rd intern. scient.-pract. conf.]. Ulan-Ude. Pp. 337-339. [In Russ.].

Эрдынеева С. Э.

МУЗЕИ И МУЗЕЙНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ДОКУМЕНТАХ ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА КСЕНИИ МАКСИМОВНЫ ГЕРАСИМОВОЙ

Данная статья освещает состояние музейного дела Бурятии во второй половине XX века на основе документов, сохранившихся в личном архиве К.М. Герасимовой.

Ключевые слова: музей, музейное дело, документ, источник.

Erdynееva S. E.

MUSEUMS AND MUSEUM ACTIVITIES IN THE DOCUMENTS FROM THE PERSONAL ARCHIVE OF KSENIA MAKSIMOVNA GERASIMOVA

The article highlights the condition of the museum activities of Buryatia in the second half of the XX century on the basis of the documents stored in the personal archive of K.M. Gerasimova.

Keywords: museum, museum activities, document, source.

Ксения Максимовна Герасимова – ученый-востоковед, религиовед, доктор исторических наук, Заслуженный деятель науки Российской Федерации и Республики Бурятия, один из старейших сотрудников Бурятского института общественных наук (ныне – Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН). Она была одним из первых советских тибетологов Бурятии. Ксения Максимовна работала в Институте монголоведения, буддологии и тибетологии (бывший БИОН), начиная с 1951 г. и до конца своей жизни, в 2011 г. Оказала большое влияние на развитие тибетологии и буддологии, а также внесла значительный вклад в музейное дело Бурятии [5, с. 69].

Личный архив К.М. Герасимовой находится в Центре восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН. Документы из личного архивного фонда К.М. Герасимовой являются ценными историческими источниками, они раскрывают научную и общественную деятельность выдающегося ученого и дают представление о развитии отечественной науки и становлении личности К.М. Герасимовой как ученого.

В состав архивного фонда входят материалы по тибетологии, истории, краеведению, буддийскому искусству, музейному делу. В архивном фонде насчитывается 1574 единиц хранения. Особое внимание для нас представляет раздел «Музеи и Всероссийское общество

охраны памятников истории и культуры (ВООПИК)», насчитывающий 33 единицы хранения.

Ксения Максимовна Герасимова была двигателем в развитии музейного дела Бурятии, в частности Музея истории Бурятии им. М.Н. Хангалова. Она окончила с отличием музейный факультет Ленинградского библиотечного института им Н.К. Крупской (1938-1942), затем после выпуска проработала 3 года в Антирелигиозном музее г. Улан-Удэ. Активно занималась работой с музеями Бурятии. Благодаря ей были созданы восемь выставок в таких городах, как в Ленинград, Москва, Улан-Удэ и в пяти городах Франции. К таким выставкам, как «Искусство Бурятии XVIII-XIX вв.» в г. Москва в 1970 г., «Традиционное искусство бурят XIX-XX вв.», приуроченная к Дням РСФСР во Франции в 1985 г., «Бурятская скульптура XVIII-XX вв.» в 1992 г. и «Этнические традиции в буддизме Центральной Азии» в 1993 г. в Художественном музее им. Ц. Сампилова, сохранились разработки, тематико-экспозиционные планы в архивном фонде.

Как компетентный специалист в области музейного дела, К.М. Герасимова в течении многих лет разрабатывала генеральный тематико-экспозиционный проект по буддийскому искусству Тибета, Монголии и Бурятии для Музея Востока в г. Улан-Удэ, открытие которого, к сожалению, не состоялось. Благодаря стараниям Ксении Максимовны бесценные творения буддийского искусства, выполненные искусными мастерами

Центральной Азии, стали рассматриваться как памятники культуры [5, с. 70].

С 1960-х гг. она фактически была внештатным сотрудником Музея истории Бурятии на общественных началах. Мы рассмотрим подробно дело о сотрудничестве Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН с музеем истории Бурятии им. М.Н. Хангалова. Это один из примеров сотрудничества музеев с научными учреждениями, где взаимодействие способствует более эффективной работе с музейным фондом.

В своей статье «О концепции экспозиции музея истории Бурятии» К.М. Герасимова пишет, что создание научной концепции истории Бурятии должно происходить без давно установившихся стереотипов советской исторической науки. Она считала это отправной точкой разработки музейной исторической экспозиции. Она отмечает, что история Бурятии развивалась в неадекватных условиях после ее вхождения в состав Российской империи [3, с. 204]. Россия была впереди на один или два формационных этапа, что вызвало ускорение, которое сбilo и поторопило естественный ход местной истории и привело к возникновению и сосуществованию различных укладов [1, с. 4].

Интерес представляют такие документы, как «Концепция нового раздела тематико-экспозиционного раздела плана музея истории Бурятии «Духовная культура бурятского общества XVIII – нач. XX вв.», «План работы по повышению роли музеев в

коммунистическом воспитании трудящихся. По художественному музею, краеведческому музею Хангалова», «Тематический план экспозиции «Традиционное искусство Бурятии XIX-XX в.» по программе «Дни РСФСР во Франции», «Тематический план экспозиции музея истории и искусства народов Востока», «Концепция выставки музея Истории Бурятии в художественном музее им. Ц. Сампилова, тема выставки «Этнические традиции в буддизме Центральной Азии», «Выставка Бурятская скульптура XIX начала XX в. и список экспонатов, пояснение к монтажному плану» «Концепция экспозиции музея восточного искусства в г. Улан-Удэ», «Положение «О межведомственном музейном совете при Министерстве культуры Бурятской АССР», «Проект решения 2-го заседания Музейного Совета при Президиуме СО АН СССР (Новосибирск 4-5 апреля 1979 г.)» и др.

В деле №36 «Справка о выполнении программы научно-практического сотрудничества ИМБИТ и Музея истории Бурятии» описано обсуждение строительства Национального музея истории Бурятии на Ученом совете ИМБИТ СО РАН и доклада К.М. Герасимовой о новой концепции экспозиции музея. А Музей истории представил Ученому совету ИМБИТ СО РАН коллективный проект общей структуры блоков новой тематической исторической экспозиции, где проект был обсужден и, в целом, одобрен. И на Ученом совете ИМБИТ СО РАН с участием сотрудников музея истории Бурятии был определен

состав исполнителей программы проекта научно-практического сотрудничества. Все наработки, материалы доклада и его публикация, и программа научно-практического сотрудничества по строительству Национального музея истории Бурятии сохранились в архивном фонде К.М. Герасимовой [4, с. 368].

А в материалах дела №280 «Материалы по Всероссийскому обществу охраны памятников истории и культуры (ВООПИК) (распоряжения, справки, списки районных руководителей, отчет о выполнении плана, протоколы)» описано состояние культурно-исторического наследия республики. Согласно ему, в республике складывалась тревожная обстановка по вопросам сохранения культурно-исторического наследия. Руководители предприятий, организаций, учреждений, использующие и арендующие памятники, на протяжении многих лет не занимались не только реставрацией, но и не обеспечивали текущего ремонта. А Свято-Одигидриевский собор, в котором находились фонды исторического музея республики, разрушался, находился в аварийном состоянии. Уникальные фондовые коллекции были под угрозой уничтожения. Требовалось дополнительное финансирование на строительство фондохранилища или серьезные приспособительные работы по зданию, которые будут выделены для размещения там фондов. Кроме того, необходимы были крупные денежные средства и реставрационные материалы для сохранения памятников деревянного

зодчества по этнографическому музею республики. За годы своего существования здания обветшали. Кровля у большинства зданий протекала, нижние венцы зданий были подвержены гниению [2, с. 13].

В программе «Возрождение и сохранение культурно-исторического наследия народов Республики Бурятия» приводится, что на территории Бурятской АССР на государственной охране и учете состояло более 2 тыс. памятников различных категорий [2, с. 15]. Состояние значительного количества памятников требовало срочного проведения противоаварийных мероприятий, ремонта и реставрации. Большие затраты повлекут ремонтно-восстановительные работы памятников культовой архитектуры, образцов традиционной городской и сельской жилой общественной застройки. Из-за нехватки средств в Бурятии не проводилась работа по музеефикации памятников, медленно велась реставрация, увеличивалось количество аварийных памятников [2, с. 15].

Помимо этого, К.М. Герасимова участвовала в работе

Комитета по образованию, культуре, науке и спорта Народного хурала Республики Бурятия по основным проблемам сохранения памятников и включения их в актив культурной жизни народов республики.

Таким образом, документы из личного архивного фонда К.М. Герасимовой являются ценными историческими источниками, в которых описаны состояние и развитие музея и музейной деятельности в Бурятии. Данные документы в дальнейшем можно использовать для создания выставок и экспозиций. Они освещают нам научную и общественную деятельность выдающегося ученого, а также развитие музейного дела Бурятии. Также из материалов фонда мы узнали о том, ученые ИМБТ СО РАН консультировали и всегда сотрудничали с Музеем истории Бурятии им. М.Н. Хангалова. А Ксения Максимовна Герасимова была фактически двигателем развития музейного дела Бурятии, в частности Музея истории Бурятии им. М.Н. Хангалова.

Примечания

1. Герасимова К. М. О концепции экспозиции музея истории Бурятии им. М. Н. Хангалова // Музей истории Бурятии им. М. Н. Хангалова : сб. ст. Вып. 2. Улан-Удэ, 1999. С. 4-10.

2. ЦВРК ИМБТ СО РАН (Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН). ЛАФ 41. Оп. 1. Д. 280. Л. 13.

3. Эрдынеева С. Э., Герасимова К. М. О концепции экспозиции Музея истории Бурятии им. М. Н. Хангалова // Современные тенденции в развитии музеев и музееведения : материалы 6 Всерос. с междунар. участием науч.-практ. конф. (Новосибирск, 22-23 окт. 2020 г.). Новосибирск : ИПЦ НГУ, 2020. С. 204-210.

4. Эрдынеева С. Э. Научно-практическое сотрудничество ИМБТ СО РАН и Музея истории Бурятии им. М. Н. Хангалова (по материалам личного архива К. М. Герасимовой) // Байкальские встречи – XI: природа, человек и культура в XXI веке: вызовы и ответы : материалы междунар. науч.-практ. конф. (Улан-Удэ, 10-11 дек. 2020 г.). Улан-Удэ : Изд.-полигр. комплекс ВСГИК, 2020. С. 368.

5. Эрдынеева С. Э. Научное наследие К. М. Герасимовой // Инновационные подходы к внедрению передового опыта и его практическому применению : сб. ст. по итогам Междунар. науч.-практ. конф. (Киров, 19 дек. 2020 г.). Стерлитамак : АМИ, 2020. С. 69-74.

References

1. Gerasimova K. M. O koncepcii ekspozicii muzeja istorii Burjatii im. M. N. Khangalova [About the exposition conception of the Museum of history of Buryatia named after M.N. Khangalov] // Muzej istorii Burjatii im. M. N. Khangalova : sb. st. Vyp. 2 [The Museum of history of Buryatia named after M.N. Khangalov : coll. of art. Issue 2]. Ulan-Ude, 1999. Pp. 4-10 [In Russ.].

2. CVRK IMBT SO RAN (Centr vostochnykh rukopisej i ksilografov Instituta mongolovedenija, buddologii i tibetologii Sibirskogo otdelenija RAN). LAF 41. Op. 1. D. 280. L. 13 [COMX IMBTS SB RAS (Center of Oriental manuscripts and xylographs of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan studies of the Siberian branch of the RAS). PAF 41. Inv. 1. C. 280. L. 13. [In Russ.].

3. Erdyneeva S. E., Gerasimova K. M. O koncepcii Muzeja istorii Burjatii im. M. N. Khangalova [About the conception of the Museum of history of Buryatia im. M. N. Khangalov] // Sovremennyye tendencii v razvitii muzejev i muzejevedenija : materialy 6 Vseros. s mezhdunar. uchastiem nauch.-prakt. konf. (Novosibirsk, 22-23 okt. 2020 g.) [Modern tendencies in the development of museums and museology : materials of the 6th All-Russian scient.-pract. conf. with the intern. participation (Novosibirsk, 22-23 Oct. 2020). Novosibirsk, 2020. Pp. 204-210. [In Russ.].

4. Erdyneeva S. E. Nauchno-praktičeskoje sotrudničestvo IMBT SO RAN i Muzeja istorii Burjatii im. M. N. Khangalova (po materialam lichnogo arkhiva K. M. Gerasimovoj) [The scientific and practical conference of the IMBTS SB RAS and the Museum of history named after M.N. Khangalov (on the materials from K. M. Gerasimova's personal archive)] // Baikal'skije vstrechi – XI: priroda, chelovek i kul'tura v XXI veke: vyzovy i otvety : materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Ulan-Ude, 10-11 dek. 2020 g.) [The Baikal meetings – XI: nature, a man and culture in the XXI century: challenges and answers : materials of the intern. scient.-pract. conf. (Ulan-Ude, 10-11 Dec. 2020). Ulan-Ude, 2020. P. 368. [In Russ.].

5. Erdyneeva S. E. Nauchnoje nasledije K. M. Gerasimovoj [K. M. Gerasimova's scientific heritage] // Innovacionnyje podkhody k vnedreniju peredovogo opyta i ego praktičeskemu primeneniju : sb. st. po itogam

mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Kirov, 19 dek. 2020 g.) [Innovative approaches to the advanced experience implementation and its practical use: proceedings of the art. to the outcomes of the Intern. scient.-pract.conf. (Kirov, 19 Dec. 2020)]. Sterlitamak, 2020. Pp. 69-74. [In Russ.].

DOI 10.31443/2541-8874-2022-1-21-57-68

УДК 78.071.1(410)

Дубровин А. Н.

УИЛЬЯМ УОЛТОН. «ПЯТЬ БАГАТЕЛЕЙ». РАЗВИТИЕ ЦИКЛА И ОСОБЕННОСТИ КОМПОЗИТОРСКОЙ ТЕХНИКИ

Цикл для классической гитары английского композитора Уильяма Уолтона «Пять багателей» можно по праву считать одним из лучших камерных сочинений композитора. Будучи в основном композитором «симфонистом», Уолтон мыслил гитару как оркестр, что выражается в многообразии тембров и акустических эффектов, используемых в багателях. Тот факт, что багатели претерпели в творчестве композитора трансформацию в сюиту для симфонического оркестра «*Varii Capricii*», подтверждает необходимость детального анализа цикла и композиторской техники для более глубокого понимания произведения.

Ключевые слова: Уильям Уолтон, Джулиан Брим, классическая гитара, композиторская техника, багатели.

Dubrovin A. N.

WILLIAM WALTON. «FIVE BAGATELLES». CYCLE DEVELOPMENT AND PECULIARITIES OF THE COMPOSITIONAL TECHNIQUE

The cycle for the classical guitar «The Five Bagatelles» of the English composer William Walton can rightly be considered one of his best chamber works. Being primarily a "symphony" composer, Walton thought of the guitar as an orchestra, which is reflected in the variety of timbres and acoustic effects used in the bagatelles. The fact that the bagatelles underwent a transformation into the suite for the symphony orchestra «*Varii Capricii*» in the composer's work, confirms the necessity for the detailed analysis of the cycle and compositional technique for a deeper understanding of the composition.

Keywords: William Walton, Julian Bream, classical guitar, compositional technique, bagatelles.

Выдающийся английский композитор XX века Уильям Уолтон написал множество оркестровых произведений, среди них «Фасад» – сюита для оркестра, кантата «Пир Белшаззара», концерт для

альта с оркестром, две симфонии, так же объемно в его творчестве представлена камерная музыка и музыка к кинофильмам.

В 1959 году Уолтон упоминал в одном из своих писем: «Сейчас я

работаю над циклом песен для Питера Пирса и Джулиана Брима под названием «Anon. in Love» – на шесть известных текстов XVII века. Надеюсь, я закончу большинство из них до того, как уеду» [2, с. 8]. В 1960 году цикл из шести песен для голоса и гитары по заказу певца Питера Пирса был написан. Пирс успешно сотрудничал и давал концерты с гитаристом Джулианом Бримом. Впервые цикл был исполнен на Олдебургском фестивале 21 июня 1960 года в концертном зале Шрубленд Парк. Позднее Уолтон оркестровал этот цикл песен для тенора и камерного оркестра.

«Anon. in Love» – это первое произведение Уолтона с участием гитары. Цикл произвел на Джулиана Брима большое впечатление, и десять лет спустя, в 1970 году, он предложил Уолтону сочинить несколько сольных пьес для гитары. «Уильям Уолтон не был гитаристом и признавался, что никогда не думал писать для этого инструмента, но Джулиан Брим побудил его к этому» [5, с. 72]. Это и стало основной работой Уолтона в то время. И в 1971 году Уолтон закончил свое единственное сольное сочинение для гитары – цикл «Пять багателей», посвященный композитору Малкольму Арнольду, премьеры которого состоялась в том же году в исполнении гитариста Джулиана Брима. «Сочинение багателей проходило совместно Бримом и Уолтоном в Искье, в Италии» [4, с. 58]. Есть также свидетельства того, что композитор Малкольм Арнольд мог помочь Уолтону в написании этого

произведения. В одном из телевизионных интервью Уолтон сказал следующее: «Никогда не думал писать для гитары. Я попросил у Джулиана схему аппликатуры, которая объяснила бы, на что «способна» гитара. В конечном итоге мне удалось написать для него несколько довольно красивых пьес, забавно то, что первые шесть нот первой пьесы нужно играть на открытых струнах. Поэтому, когда он начинал играть, зрители, вероятно, думали, что он настраивает гитару» [7]. Брим, также упомянул эту «схему» в письме композитору и дирижеру Майклу Типпетту: «... однажды я нарисовал схему гитарной аппликатуры. Думаю, она до сих пор хранится у Уолтона. Прелесть ее заключалась в том, что, когда вы сочиняете для гитары, вы могли просто держать ее рядом и видеть все аппликатурные возможности гитары» [6, с. 125].

К багателям, как к форме небольших пьес, обращались в своем творчестве композиторы различных эпох. Среди них наиболее известны три сборника багателей Людвига ван Бетховена – ор. 33, 119 и 126, сборник Белы Бартока – ор. 6, семь багателей Эдисона Денисова. Очень ёмко и глубоко, применительно к багателям, звучат слова советского и украинского композитора Валентина Сильвестрова: «Сущность часто может таиться в пустяках. В пустяке содержится крупинка высокого, как в капле росы отражается солнце. Мы можем обнаружить это в инвенциях Баха, прелюдиях Шопена, где видим ту же высоту, что и в

больших композициях, но сконцентрированную в мгновении» [1, с. 28].

О «Пяти багателях» Уолтона написано мало статей, среди них статьи Майкла Донли и Джона Миллса. В данной статье проводится анализ композиторской техники, делается сравнение цикла «Пять багателей» с сочинениями – «Anon. in Love», «Capriccio Burlesco», «Scarino», «Комедийная увертюра», двумя симфониями, а

также проводится сравнительный анализ рукописи и нот, изданных Оксфордским университетом.

Перейдем непосредственно к анализу багателей. В цикле «Anon. in Love» есть три фразы, которые напоминают фрагменты из «Пяти багателей». Отрывки, показанные на рис. 1 и 2, идентичны по звучанию, за исключением разницы в синкопированном ритме, добавленном в первой багатели:

Рис. 1. «Fain would I change that note» из «Anon. in Love». Партия гитары, такты 18-20.

Рис. 2. Багатель №1, такты 18-19.

На рисунке 3 – отрывок (двухтакт) из Anon. in Love (партия гитары) в котором трижды повторяется арпеджио и понижается на полтона последняя нота (ми, ми – бемоль, ре). Это напоминает

отрывок, из первой Багатели, представленный на рисунке 4, где нижняя нота в арпеджио также трижды понижается на полтона (Соль-диез, соль-бемоль, фа-диез):

Рис. 3. «Fain would I change that note» - «Anon. in Love», такт 34.

Рис. 4. Багатель №1, такты 31-32.

На рисунках 5 и 6 представлен последний такт песни «To couple is

a custom» из «Anon. in Love» и первой Багатели, как видно в обоих

сочинениях используется один и тот же аккорд (ми, ля, ре, ля),

которому предшествует нота «ля» большой октавы:

Рис. 5. «To couple is a custom» из «Anon. in Love», такт 94.

Рис. 6. Багатель №1, такт 120.

Таким образом, видно, что Уолтон явно делал цитаты из цикла «Anon. in Love», когда сочинял «Пять багателлей».

Рукопись «Пяти багателлей», которую Уолтон подарил Малкольму Арнольду на пятидесятилетие, сейчас находится в «Музее Уолтона» в Иске. 1 октября 1989 года Брим написал письмо Майклу Донли. «У Донли были фотокопии рукописи, подаренной Арнольду» [3, с. 10]. Надеюсь встретиться с ним, Джулиан Брим хотел увидеть рукопись и сравнить ее со своим вариантом для понимания некоторых расхождений, которые время от времени возникают не только в

нотах изданных Оксфордским университетом, но и в оркестровой версии Багателлей, известной, как «Varii Capricii».

«В нотах, изданных Оксфордским университетом, несколько тактов заслуживают пристального изучения» [8, с. 3]. Такт 42 первой Багатели, представленный на рисунке 7, напечатан таким образом, что возникает путаница с метром. На самом деле он написан в размере 3/4, но из-за опечатки восьмая пауза создает иллюзию, что она находится над нотой соль, а не перед ней, что создает двусмысленность:

Рис. 7. Багатель №1, такт 42.

В такте 114 пятой Багатели на рисунке 8 есть аккорд – последняя

восьмая в такте. В опубликованных нотах это аккорд – «соль диэз

– си – ре диез». В рукописи указано «ре – соль – си – ре диез». Тот же аккорд в оркестровой версии, в *Varii Capricci* – «ми – соль – си – ре – фа диез». «В переписке с редактором Брим заявил, что Уолтон,

вероятно хотел, чтобы этот аккорд читался как «соль диез – си – фа диез», он считает, что приемлемой альтернативой в исполнении является «соль диез – си диез – фа диез» [10, с. 58]:

Рис. 8. Багатель №5, такт 114.

Сравнение рукописи с Оксфордским изданием на рисунке 9, показывает одно существенное расхождение – это тональность четвертой багатыли. В опубликованной партитуре она написана в ре-мажоре, в рукописи она

написана в си-мажоре. Начиная со 2-го такта, в рукописи присутствует обозначение тремоло (trem.). Этот прием указан в рукописной версии четвертой багатыли в отличие от изданной версии нот:

Рис. 9. Багатель №4.

«Британский гитарист Стюарт Френч записал уникальную интерпретацию четвертой Багатыли в си мажоре» [9, с. 24]. Он постарался как можно точнее следовать рукописи, используя тремоло в первой части. Этот новаторский подход к производству не только открывает

новый ракурс для нашего восприятия, но и сохраняет общую гармоническую структуру «Пяти багателей», как цикла.

Последний такт четвертой багатыли в рукописи завершается си-мажорным доминант – септ аккордом в положении терции (ре-диез):

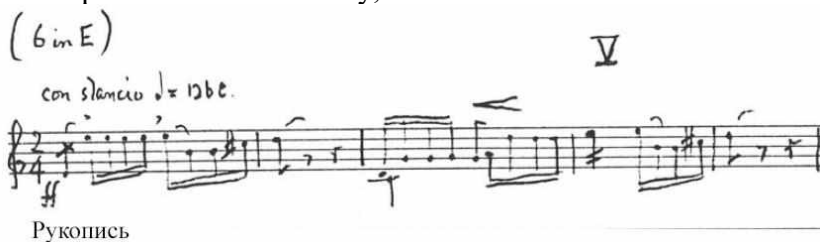

Рукопись

Рис. 10. Багатель №4, такт 23.

При исполнении этого заключительного аккорда, ноту «ре диэз» можно воспринимать как ноту,

тяготеющую в открытую ноту ми – тонику ми минора из пятой багательи:

Рукопись

Рис. 11. Багатель №5, такты 1-3.

Это сглаживает переход между двумя последними частями. Если же исполнять четвертую багатель в ре мажоре, это единство будет разрушено. Однако для того, чтобы сыграть четвертую багатель в си мажоре, необходимо перенастроить все шесть струн на малую терцию вниз. Это, несомненно, было бы проблематично исполнить в концертной обстановке или даже во время записи. Возможно, именно поэтому Джулиан Брим

транспонировал четвертую багатель в тональность ре мажор.

В рукописи обнаруживается довольно много возможных предложений Джулиана Брима – Уолтону, для того чтобы сделать пьесы более удобными для гитары. В такте 52 первой багательи невозможно сыграть аккорды на *pizzicato* в предложенном темпе, как обозначено в рукописи, поэтому в изданной партитуре «пиццикато» было удалено:

Оксфордское издание

Рукопись

Рис. 12. Багатель №1, такт 52.

В тактах 38-39 второй багатели и тактах 1 и 4 третьей багатели флажолеты и удары по струнам написаны только в изданных

нотах. Скорее всего, эти гитарные приемы были рекомендованы Уолтону – Бримом:

Рис. 13. Багатель №2, такты 38-39.

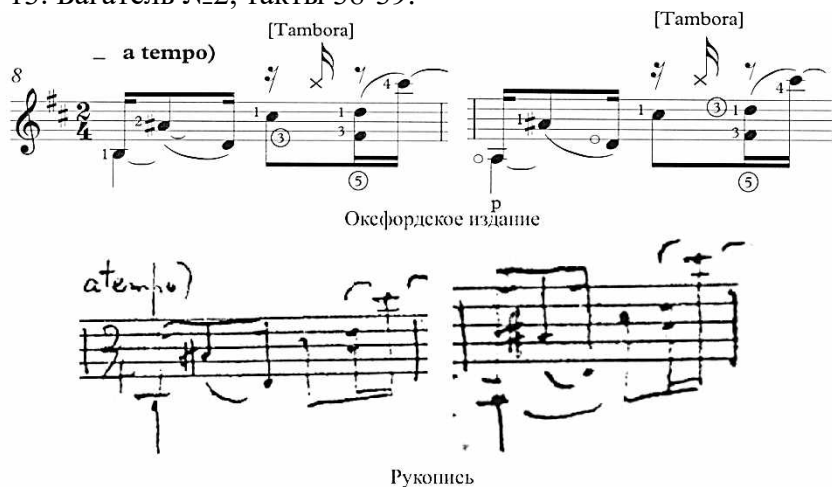

Рис. 14. Багатель №3, такты 1 и 4.

В такте 73 пятой багатели в изданных нотах появляется аккордовый форшлаг, по сравнению с однопольным в рукописи. Опять же, это предложение, скорее всего, это предложение, скорее всего,

исходило от Брима, поскольку он знал, что возможности гитарной аппликатуры позволят сделать этот форшлаг более эффективным таким образом:

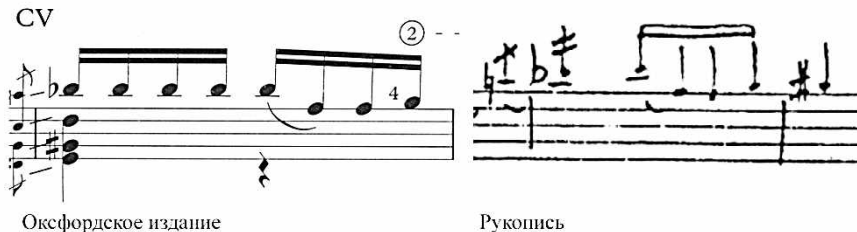

Рис. 15. Багатель №5, такт 73.

В тактах 121-122 той же багатели в изданных нотах добавлены шестнадцатые ноты, которые усиливают ритмическую активность

заключительного раздела, тогда как в рукописи написаны восьмые ноты:

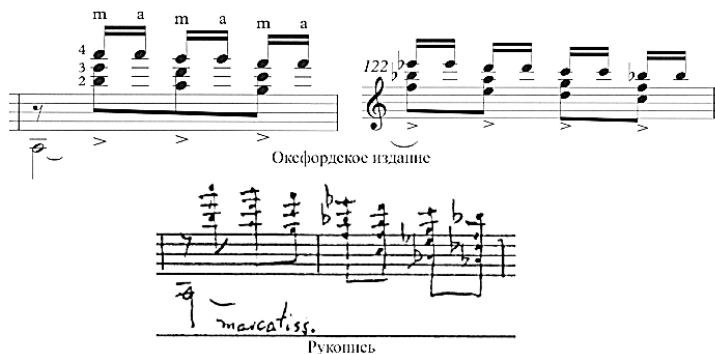

Рис. 16. Багатель №5, такты 121-122.

Эта корректировка могла исходить так же от Брима, учитывая, что Брим предложил Уолтону сделать еще и окончание на октаву ниже, по-видимому, они вместе работали над пересмотром этого раздела.

Проанализируем композиторскую технику. В тактах. 6-8 из Багатели №1, ноты «до диез» и «ре» повторяются восемь раз в течение трех тактов:

Рис. 17. Багатель №1, такты 6-8.

Его пристрастие к этому приему также можно обнаружить в Симфонии № 1, на рисунке 18 и 19

– два примера из четвертой части симфонии, где использование этого приема очевидно:

Рис. 18. Симфония №1, 4 часть, партия 1 скрипок, такты 75-79.

Рис. 19. Симфония №1, 4 часть, партия 1 скрипок, такты 189-197.

Любовь Уолтона к октавным скачкам и репетициям шестнадцатыми нотами проявляется в первой

Багатели, такты 57 и 59. Такой же пример можно найти в Симфонии №2:

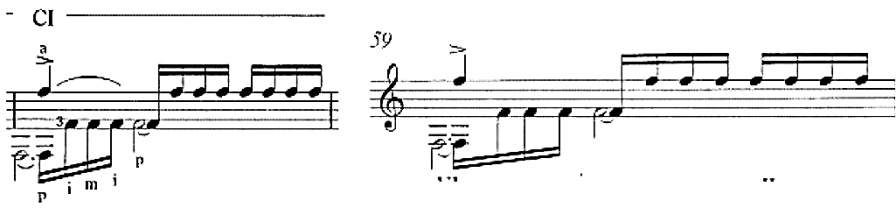

Рис. 20. Багатель №1, такты 57 и 59.

Рис. 21. Симфония №2, 1 часть, партия 1 скрипок, такты 43 и 228.

Пример смешения октавных скачков с повторяющимися интервальными ходами представлен в «Каприччио Бурлеско», где ноты

«си» и «до» повторяются шесть раз в разных октавах. Похожий пример встречается в первой Багатели, такты 112-113:

Рис. 22. «Каприччио Бурлеско» партия первой скрипки, такты 118-120.

Рис. 23. Багатель №1, такты 112-113.

Цикл «Пять багателей» содержит характерное для Уолтона использование напряженных фигураций шестнадцатыми нотами. Один

из примеров можно обнаружить в такте 23 Багатели №1. Нечто подобное встречается в Симфонии № 2:

Рис. 24. Багатель №1, такт 23.

Рис. 25. Симфония №2, Часть 1, партия первых скрипок, такт 126-127.

Постепенный переход от медленных к быстрым ритмическим фигурациям также является частью композиторской техники Уолтона,

пример в тактах 27-28 первой Багатели. Идентичные примеры встречаются в Симфонии № 1 и Каприччио Бурлеско:

Рис. 26. Багатель №1, такты 27-28.

Рис. 27. Симфония №1, 4 часть, партия первых скрипок, такты 46-47.

Рис. 28. Каприччио Бурлеско, партия 1 тромбонов, такты 45-46.

В комедийной увертюре «Scarino» в одном из примеров эта техника сочетается с

синкопированием, которое часто встречается в музыке Уолтона:

Рис. 29. Увертюра «Scarino», партия английского рожка, такты 27-29.

Из вышеприведённого анализа можно сделать несколько выводов. Во-первых, композитор любил использовать широкие интервалы, особенно септимы и ноны. Во-вторых, в музыке Уолтона часто встречаются ложные каденции и перекрещивание интервалов. В-третьих, Уолтон часто использует репетиции на определенных

интервалах. В-четвертых, музыка Уолтона наполнена синкопированными ритмами, что присуще латиноамериканской музыке. Проанализированные элементы композиторской техники и проведенное сравнение рукописи и изданных нот помогут студентам средних специальных и высших учебных заведений глубже понять цикл,

избежать ошибок в интерпретации нотного текста и выстроить художественно верную концепцию развития цикла.

Примечания

1. Нестьева М. Музыка – это пение мира о самом себе... Киев, 2004. 234 с.
2. Donley M. Walton's Five Bagatelles : Part I // Classical Guitar Magazine. 1990. № 9. P. 8.
3. Mills J. A Closer Look // Classical Guitar Magazine. 2002. № 8. P. 20.
4. David L. J. The William Walton Reader: The Genesis, Performance, and Publication of His Works. Oxford : Oxford Univ. Press, 2018. P. 119.
5. Walton S. William Walton: Behind the Façade. Oxford : Oxford Univ. Press, 1988. P. 205.
6. Hayes M. The Selected Letters of William Walton. London : Faber, 2002. P. 158.
7. Interview with Julian Bream // Omnibus: Anniversary of William Walton : [сайт]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=z2USbt2qSBM> (дата обращения: 20.12.2021).
8. Walton W. Five Bagatelles for Guitar. Oxford : Oxford Univ. Press, 1974. P. 17.
9. Donley M. Walton's Five Bagatelles. Part II // Classical Guitar Magazine. 2002. № 10. P. 36.
10. Wade G. The Art of Julian Bream. Blaydon on Tyne : Ashley Mark, 2008. P. 122.

References

1. Nestyeva M. Muzyka – eto penije mira o samom sebe... [Music is the world singing about ourselves...]. Kiev, 2004. 234 p. [In Russ.].
2. Donley M. Walton's Five Bagatelles : Part I // Classical Guitar Magazine. 1990. № 9. P. 8. [In Engl.].
3. Mills J. A Closer Look // Classical Guitar Magazine. 2002. № 8. P. 2. [In Engl.].
4. David L. J. The William Walton Reader: The Genesis, Performance, and Publication of His Works. Oxford : Oxford Univ. Press, 2018. P. 119. [In Engl.].
5. Walton S. William Walton: Behind the Façade. Oxford : Oxford Univ. Press, 1988. P. 205. [In Engl.].
6. Hayes M. The Selected Letters of William Walton. London : Faber, 2002. P. 158. [In Engl.].

7. Interview with Julian Bream // Omnibus: Anniversary of William Walton : [сайт]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=z2USbt2qSBM> (20.12.2021). [In Engl.].

8. Walton W. Five Bagatelles for Guitar. Oxford : Oxford Univ. Press, 1974. P. 17. [In Engl.].

9. Donley M. Walton's Five Bagatelles. Part II // Classical Guitar Magazine. 2002. № 10. P. 36. [In Engl.].

10. Wade G. The Art of Julian Bream. Blaydon on Tyne : Ashley Mark, 2008. P. 122. [In Engl.].

Ткачев В. В.

**ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ СОБРАНИЙ ПРЕДМЕТОВ
ИСКУССТВА ИРКУТЯНАМИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX –
НАЧАЛЕ XX ВВ. (НА МАТЕРИАЛАХ ФОНДОВ ИРКУТСКИХ
КОЛЛЕКЦИОНЕРОВ)¹**

В исследовании проводится анализ архивных документов, которые раскрывают жизнь и деятельность отдельных представителей интеллигенции в контексте их влияния на процесс приобщения иркутян к искусству во второй половине XIX – начале XX вв. Выявлены учредительные и сопроводительные документы, отчёты и планы, афиши и объявления, источники периодической печати, которые подтверждают участие коллекционеров в событиях. Работа позволяет рассмотреть историю создания собраний предметов искусства иркутянами, проведения художественных мероприятий как международного, так и регионального уровня. В результате исследования было доказано то, что деятельность интеллигенции влияла на процесс приобщения горожан к предметам искусства второй половины XIX – начала XX вв. В статье проведён анализ содержательной стороны не исследуемых ранее исторических источников, что даёт возможность рассмотреть работу коллекционеров с разных сторон.

Ключевые слова: история Сибири, Иркутск, городская культура, художественная жизнь, коллекционирование, галереи, музеи.

Tkachev V. V.

**FROM THE HISTORY OF CREATION OF THE COLLECTIONS OF
ART OBJECTS BY THE IRKUTSK INHABITANTS IN THE SECOND
HALF OF THE XIX – BEGINNING OF THE XX CENTURIES (ON
THE MATERIALS OF THE IRKUTSK COLLECTORS' FUNDS)**

The study analyzes the archival documents that reveal the life and activities of some representatives of the intelligentsia in the context of their influence on the process of introducing art to the Irkutsk inhabitants in the second half of the XIX – beginning of the XX centuries. The constituent and accompanying documents, reports and plans, posters and announcements, sources of periodicals which confirm the participation of the collectors in the events have been found. The work allows to consider the history of creating the collections of art objects by the Irkutsk inhabitants, holding art events on both international and

---

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке гранта Иркутского государственного университета для молодых ученых № 091-21-322 «Художественная жизнь в городах Байкальской Сибири второй половины XIX – начала XX вв.: история и особенности развития»

regional levels. As a result of the study, the activities of the intelligentsia were proved to have influenced the process of familiarizing the townspeople with the objects of art of the second half of the XIX – beginning of the XX centuries. The article analyzes the content of the previously unexplored historical sources, which makes it possible to consider the work of collectors from different angles.

Keywords: history of Siberia, Irkutsk, urban culture, art life, collecting, galleries, museums.

Исторические исследования современности направлены на то, чтобы восстановить историю главных культурных событий, которые проводились в Иркутске во второй половине XIX – начале XX вв. Известно, что в этом активно принимали участие коллекционеры, такие как А. П. Богословский, Р. С. Пророков, А. Н. Турунов, М. Я. Лейбович. Взаимодействие их с разными представителями художественной интеллигенции из Москвы и Петербурга расширяло знания о том, как эффективно реализовывать проекты в регионе (от экономического планирования до воплощения в действительности).

Во второй половине XIX – начале XX вв. происходил процесс приобщения иркутян к отечественному и зарубежному искусству. Важным условием в проведении любого художественного мероприятия является то, что в этих событиях должны были принимать участие специалисты, которые хорошо понимали все особенности построения экспозиций, музейной работы. Научные труды историков, культурологов, музееологов направлены на то, чтобы дать определённую оценку деятельности коллекционеров, исследователей, которые создавали выставочные пространства в Иркутске. Данные работы подчёркивали активное

участие отдельных представителей художественной интеллигенции в мероприятиях. Деятельность интеллектуалов, таких как А. П. Богословский, Р. С. Пророков, А. Н. Турунов, М. Я. Лейбович, была направлена на развитие художественного пространства. Историки пишут о том, что особенностью развития городской среды является то, что в данный период активно расширяют свою деятельность общественные и научные организации по приобщению жителей к предметам искусства. Художники, коллекционеры поддерживали работу иркутских учёных и совместно с ними участвовали в создании выставочных пространств, где знакомили городское общество с живописными полотнами и другими ценными экспонатами.

Данная работа подтверждает то, что коллекционеры принимали участие в деятельности общественных организаций, которые проводили выставки, создавали новые учебные заведения по развитию искусства в регионе. Таким образом, можно определить цель исследования – изучить историю создания собраний предметов искусства иркутянами во второй половине XIX – начале XX вв. Задачи отмечены следующие: используя фонды Государственного архива Иркутской области и Иркутского

областного художественного музея им. В. П. Сукачева, провести анализ выявленных свидетельств о деятельности иркутских коллекционеров; изучить собрания предметов искусства, с которыми знакомы жители; восстановить историю организации художественных мероприятий; выделить трудности и особенности в процессе планирования и реализации выставочных проектов.

В настоящем исследовании используются материалы Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества (далее – ВСОИРГО) (ГАИО. Ф. 293), Общества распространения народного образования и народных развлечений в Иркутской губернии (далее – ОРНОиНР) (ГАИО. Ф. 197), входящие в состав Государственного архива Иркутской области и личные дела художников, коллекционеров из собрания Иркутского областного художественного музея им. В. П. Сукачева. Анализируются материалы о А. П. Богословском, Р. С. Пророкове, А. Н. Турунове, М. Я. Лейбовиче, которые состояли в творческих и научных организациях Иркутска. Данные источники показывают то, как представители художественной интеллигенции (художники и коллекционеры) принимали участие в научных экспедициях, в создании выставочных пространств города во второй половине XIX – начале XX вв.

Жизнь и деятельность А. П. Богословского, Р. С. Пророкова, А. Н. Турунова, М. Я. Лейбовича изучали многие сибирские исследователи. В трудах В. Ф. Чиркова, Б. С.

Шостаковича, Л. Н. Снытко, Т. П. Огородниковой и других восстановлена история формирования собраний предметов искусства в Иркутске [6, с. 8-13; 17, с. 1007]. Изучению особенностей культурного взаимодействия между разными представителями городского общества посвящены работы В. П. Шахерова и Н. И. Гавриловой [18, с. 6 ; 19 ; 20].

Многие исследования по истории отдельных предметов искусства в музейных фондах Иркутска актуальны на настоящий момент, так как они дают направления для более глубокого изучения коллекций, которые формировались во второй половине XIX – начале XX вв [7, с. 12 ; 8, с. 7]. В научных трудах А. Д. Фатьянова, Т. Г. Ларевой, Ю. П. Лыхина представлены сюжеты, связанные с художественной жизнью Иркутска [9, с. 24 ; 10, с. 73-75 ; 11, с. 40-41]. В качестве примера можно привести работы А. Д. Фатьянова, которые были направлены на изучение истории появления уникальных предметов искусства в Иркутском областном художественном музее им. В. П. Сукачева [15, с. 32 ; 16, с. 20]. Также историю организации художественных мероприятий в Иркутске продолжает изучать настоящий автор [14].

Таким образом, историки, культурологи, музеологи изучали жизнь и деятельность А. П. Богословского, Р. С. Пророкова, А. Н. Турунова, М. Я. Лейбовича, но многие аспекты, связанные с перемещением предметов искусства между разными владельцами коллекций, включение известных

живописных полотен в состав экспозиций передвижных выставок в Иркутске во второй половине XIX – начале XX вв., не представлены в полной степени. Данное исследование, где использованы новые источники, восстанавливает историю формирования собраний предметов искусства иркутянами и создания выставочных пространств для горожан.

Современные исследователи в своих трудах подтверждают то, что во второй половине XIX – начале XX вв. иркутские коллекционеры участвовали в научной, просветительской деятельности ВСОИРГО и ОРНОиНР [12, с. 19 ; 13, с. 22]. Всё это даёт возможность рассмотреть их работу в городе более подробно.

Алексей Петрович Богословский – инженер путей сообщения, художник, исследователь художественной жизни Иркутска. А. П. Богословский занимался активно общественной работой, связал всю свою жизнь с искусством. Алексей Петрович участвовал в организации мероприятий ВСОИРГО, так как был его членом с 1894 г [1]. Он активно проводил мероприятия как международного, так и регионального уровня; собирал исторические, этнографические материалы; изучал музейные коллекции; публиковал свои статьи в издании ВСОИРГО [2]. С 1903 г. Алексей Петрович состоял и постоянно поддерживал деятельность ОРНОиНР, организовывал художественные мероприятия в Иркутске. Историю данного объединения стоит рассмотреть отдельно, так как А. П. Богословский во многих

вопросах разбирался, предлагал решить определённые трудности, с которыми сталкивалось общество.

ОРНОиНР было создано 6 июня 1900 года. Данная организация занималась изучением состоянием дел в сфере образования, науки и просвещения. В этой деятельности принимали участие известные учёные, коллекционеры, художники, учителя и другие представители общественности. Исследователи участвовали в процессе формирования художественной жизни Иркутской губернии, приобщения городского общества к произведениям искусства. Они привлекали к участию в просветительских мероприятиях жителей, так как считали это полезным для развития интеллектуального потенциала сибирского общества. Благодаря взаимодействию горожан и членов ОРНОиНР, возможно было определить интересы и предпочтения жителей в науке, искусстве, культуре, что направляло организацию на использование новых форм работы.

Работа ОРНОиНР по приобщению жителей Иркутской губернии к искусству определяется несколькими направлениями: проведение лекций; художественных выставок, концертов и спектаклей с демонстрацией живописных полотен и развитие художественного образования. Деятельность ОРНОиНР заключалась в изучении состояния сферы образования, культурной среды Иркутской губернии. Так, члены объединения принимали участие в экспедициях по всей территории региона. Они собирали информацию о том, как

развиваются населённые пункты, где жители получают своё первое образование и т.д. По результатам обработки полученных данных обществом было предложено развивать просветительскую и образовательную среды. Одна из идей заключалась в проведении публичных лекций по искусству.

В рамках второго направления деятельности ОРНОиНР по приобщению иркутян к искусству организовывались концерты, спектакли, вечера, где демонстрировались живописные полотна сибирских мастеров. Другим направлением, которым занималось ОРНОиНР, являлось художественное образование и просвещение. В отчёте за 1900-1901 гг. сообщается: «Почин к открытию рисовальной школы был положен художником Н. И. Верхотуровым и учителем рисования М. А. Рутченко, исходатайствовавшими уже разрешение господина иркутского гражданского Губернатора. Желая придать большую прочность предприятию, они обратились к обществу, чтобы школа была открыта от его имени и с некоторой гарантией предстоящих издержек» [3]. Инициативу создания учебного заведения поддержал и А. П. Богословский.

Занятия в иркутской рисовальной школе начались 18 декабря 1900 г. Было принято на курсы 34 человека из разных городов Иркутской губернии и Забайкальской области. В рисовальной школе проводили занятия Н. В. Денисов, М. А. Рутченко, Н. И. Лыткин, Л. А. Венюков, Н. И. Верхотуров, В. Ф. Попов, Иоанн Дроздов. В дальнейшем на заседаниях общества

поднимались вопросы о недостаточности средств для поддержания школы, не хватало материалов (инвентаря), преподавательский состав требовал выделение дополнительных помещений для занятий и проведения выставок. К сожалению, в совете не было таких средств для рисовальной школы, поэтому на общем заседании в 1901 г. было принято решение её закрыть.

Многие художественные мероприятия Иркутска проводил известный собиратель предметов искусства и исследователь художественной жизни региона Р. С. Пророков (1858-1936). Руфин (Руфим) Самойлович – член распорядительного комитета ВСОИРГО, заведующий астрономической обсерватории. С 1908 по 1917 гг., в течение десяти лет, при музее данной научной организации он устраивал художественные выставки, привлекая для участия в них не только местных профессиональных художников, но и любителей. В последующем привлекал на мероприятия мастеров и из других городов Сибири и даже столицы России. С выставок этих он приобретал произведения и лично для своей коллекции. В его собрании были работы сибиряков В. Д. Вучичевича-Сибирского, Г. Гуркина, Н. В. Лодейщикова, П. Кислелькова, И. Шешунова, а также этюды самого известного представителя русской художественной школы, создателя исторических полотен В. И. Сурикова. После кончины его вдова передала Иркутскому художественному музею несколько картин из его коллекции, а также весь архив

Р. С. Пророкова, связанный с организацией выставок, переписка с художниками, фотографии отдельных картин и экспозиции в музее ВСОИРГО, каталоги и списки экспонированных произведений с оценкой их стоимости для продажи. Под его руководством в Иркутске было проведено 9 художественных выставок с 1909 по 1917 гг. [4].

Сведения о работе Руфина Самойловича в Иркутске можно встретить в переписке А. Н. Турунова с сотрудниками Иркутского областного художественного музея им. В. П. Сукачева. Анатолий Николаевич Турунов участник выставок: сибирских художественных картин, скульптур и рисунков. В собрании Иркутского областного художественного музея им. В. П. Сукачева находится четыре акварели мастера: «Голод», «Лама», «Крестьянин» и «Могилы».

В одном письме к сотрудникам Иркутского областного художественного музея им. В. П. Сукачева А. Н. Турунов сообщал интересные сведения о сибирских художниках и о работах, которые выставлялись коллекционерами в Иркутске в начале XX в.: «Уважаемые товарищи! Ваш ответ на запрос о работах художника М. И. Пескова получил. Благодарен за сообщение сведения и обещание прислать фотоснимки с имеющихся у Вас двух художественных работ М. И. Пескова. Было бы интересно собрать в Вашем музее фотоснимки всех известных работ этого художника. Возможно, что в Иркутске можно найти и другие его работы. Я уже сообщал Вам, что на выставке

«Старый Иркутск» (кажется в 1914 г.) экспонировались два портрета его работы «Лаврентьевых» (из собрания Собакарева). Возможно, что они и сейчас имеются в семье Собакаревых. Жена Собакарева урождённая Лаврентьева. Хорошо бы сфотографировать эти портреты. Собакаревы жили где-то в районе улицы Желябова (б. Мало-Трапезниковая). На выставку «Старый Иркутск» приходила сестра М. И. Пескова и обещала дать сведения о художнике, но тогда никто не заинтересовался и даже не спросили её адреса. Позднее в местной газете печатали вызов к работам М. И. Пескова, но никто на него уже не откликнулся» [5]. Историком сообщается также о том, что недавно в Иркутске умер Р. С. Пророков (1936 г.), который много лет заведовал астрономической обсерваторией. Он сохранил записи о сибирских художниках и о создании своих живописных полотен, так как принимал активное участие в устройстве художественных выставок и общался со многими мастерами в начале XX в.

Также художественные мероприятия проводил коллекционер М. Я. Лейбович. Моисей Яковлевич – сын иркутского купца. Известно, что он собирал редкие и уникальные книги, был поклонником изобразительного искусства. Ему удалось сохранить богатую книжную коллекцию, а картины были отданы на хранение в фонды Иркутской картинной галереи. В коллекции М. Я. Лейбович находились произведения видных французских и итальянских живописцев конца XIX в. (Паллар, Прателла и

др.) и рисунки русских мастеров В. Борисова-Мусатова, М. Добужинского, Л. Пастернака, И. Репина, К. Сомова, а также иркутян. В собрании Иркутского областного художественного музея им. В. П. Сукачева находятся более тридцати картин и рисунков русских и иностранных художников, подаренные М. Я. Лейбович в 1921, 1925, 1928 и 1930 гг.

Таким образом, деятельность А. П. Богословского, Р. С. Пророкова, А. Н. Турунова, М. Я. Лейбовича влияла на формирование художественного пространства, развитие общественной инициативы,

приобщение иркутян к предметам искусства во второй половине XIX – начале XX вв. Они поддерживали общественные, творческие и научные организации. Их жизнь была связана с искусством. Коллекционеры постепенно собирали материалы, уникальные картины, эскизы, рисунки, скульптуру, книги; изучали творчество и истории создания живописных полотен сибирскими и иностранными мастерами. Источники показали то, что в процессе проведения художественных мероприятий в Иркутске развивалась и общественная инициатива.

Примечания

1. ГАИО (Государственный архив Иркутской области). Ф. 293. Оп. 1. Д. 282. Л. 20.
2. ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 315. Л. 8.
3. ГАИО. Ф. 197. Оп. 1. Д. 4. Л. 6.
4. Архив Иркутского областного художественного музея им. В. П. Сукачева (Архив ИОХМ). Личное дело Р. С. Пророкова. Л. 2.
5. Архив ИОХМ. Личное дело А. Н. Турунова. Л. 3.
6. Завещано потомкам: художественная коллекция В. П. Сукачева в Иркутске : художественный альбом. Иркутск, 2009. 237 с.
7. Копылов А. Н. Очерки культурной жизни Сибири XVII – начала XIX века. Новосибирск, 1974. 252 с.
8. Кошман Л. В. Город и городская жизнь XIX столетия: социальные и культурные аспекты. М., 2008. 447 с.
9. Ларева Т. Г. История изобразительного искусства Прибайкалья XX начала XXI века : научное издание. Иркутск, 2015. 615 с.
10. Лыхин Ю. П. Художественная жизнь Иркутска (первая четверть XX века). Иркутск, 2002. 336 с.
11. Лыхин Ю. П., Крючкова Т. А. Иконописцы, мастера и художники Иркутска (XVII век – 1917 год) : биобиблиографический словарь. Иркутск, 2000. 412 с.
12. Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1881-1901 гг. Иркутск, 1993. 542 с.
13. Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1902-1924 гг. Иркутск, 1994. 274 с.
14. Ткачев В. В. Из истории бытования предметов искусства в жизни иркутян во второй половине XIX – начале XX вв. : по материалам

сибирских газет // Вестник Вост.-Сиб. гос. ин-та культуры. 2021. № 1(17). С. 5-14.

15. Фатьянов А. Д. Судьба сокровищ. Иркутск, 1967. 168 с.
16. Фатьянов А. Д. Художники, выставки, коллекционеры Иркутской губернии. Иркутск, 1995. 192 с.
17. Чирков В. Ф. Изобразительное искусство Сибири XVII – начала XXI вв. : словарь-указатель : в 2 т. Т. 1. Тобольск, 2014. 1648 с.
18. Шахеров В. П. Иркутск купеческий: история города в лицах и судьбах. Хабаровск, 2006. 176 с.
19. Шахеров В. П. Купеческие библиотеки в культурном наследии Иркутска // Историко-экономические исследования. 2021. Т. 22, № 3. С. 518-528.
20. Шахеров В. П. Роль купечества в становлении художественной жизни городов Байкальской Сибири в конце XVIII-XIX вв. // Сукачевские чтения – 2020 : материалы науч. конф. Иркутск, 2020. С. 14-22.

References

1. GAIО (Gosudarstvennyj arkhiv Irkutskoj oblasti) [SAIR (State Archive of the Irkutsk Region)]. F. 293. Inv. 1. C. 282. L. 20 [In Russ.].
2. GAIО [SAIR]. F. 293. Inv. 1. C. 315. L. 8. [In Russ.].
3. GAIО [SAIR]. F. 197. Inv. 1. C. 4. L. 6. [In Russ.].
4. Arkhiv Irkutskogo oblastnogo khudozhestvennogo muzeja im. V.P. Sukachjeva (Arkhiv IOKHM). Lichnoje delo P.S. Prorokova. L.2 [The archive of the Irkutsk regional art museum named after V.P. Sukachev (The archive of IRAM). The personal file of P.S. Prorokov. L. 2]. [In Russ.].
5. Arkhiv IOKHM. Lichnoje delo A.N. Turunova. L. 3 [The archive of the IRAM. The personal file of A. N. Turunov. L. 3]. [In Russ.].
6. Zaveshchano potomkam : khudozhestvennaja kollekcija V. P. Sukačeva v Irkutске : khudozhestvennyj al'bom [Bequeathed to the descendants: V. P. Sukachev's collection in Irkutsk: art album]. Irkutsk, 2009. 237 p. [In Russ.].
7. Kopylov A. N. Očerki kul'turnoj zhizni Sibiri XVII – nachala XIX veka [Essays on the cultural life of Siberia in the XVII – beginning of the XIX centuries]. Novosibirsk, 1974. 252 p. [In Russ.].
8. Koshman L. V. Gorod i gorodskaja zhizn' XIX stoletija: social'nyje i kul'turnyje aspekty [City and urban life of the XIX century: social and cultural aspects]. M., 2008. 447 p. [In Russ.].
9. Lareva T. G. Istorija izobrazitel'nogo iskusstva Pribajkal'ja XX nachala XXI veka: nauchnoje izdanije [History of the fine arts of the Baikal region of the XX beginning of the XXI century: scientific edition]. Irkutsk, 2015. 615 p. [In Russ.].
10. Lykhin Yu. P. Khudozhestvennaja zhizn' Irkutсka (pervaja chetvert' XX veka) [The artistic life of Irkutsk (first quarter of the XX century)]. Irkutsk, 2002. 336 p. [In Russ.].
11. Lykhin Yu. P., Kryuchkova T. A. Ikonopiscy, мастера i khudozhniki Irkutсka (XVII vek – 1917 god) : biobibliografičeskij slovar' [Icon painters,

craftsmen and artists of Irkutsk (XVII century – 1917) : biobibliographic dictionary]. Irkutsk, 2000. 412 p. [In Russ.].

12. Romanov N. S. Letopis' goroda Irkutska za 1881-1901 [Chronicle of the city of Irkutsk during 1881-1901]. Irkutsk, 1993. 542 p. [In Russ.].

13. Romanov N. S. Letopis' goroda Irkutska za 1902-1924 [Chronicle of the city of Irkutsk during 1902-1924]. Irkutsk, 1994. 274 p. [In Russ.].

14. Tkachev V. V. Iz istorii bytovaniya predmetov iskusstva v zhizni irkutjan vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv.: po materialam sibirskikh gazet [From the history of art objects in the life of Irkutsk inhabitants in the second half of the XIX – beginning of the XX centuries: based on the materials from the Siberian newspapers] // Vestnik Vost.-Sib. gos. in-ta kul'tury [Bulletin of East Sib. state In-te of culture]. 2021. No. 1 (17). Pp. 5-14. [In Russ.].

15. Fatyanov A. D. Sud'ba sokrovishch [The fate of treasures]. Irkutsk, 1967. 168 p. [In Russ.].

16. Fatyanov A. D. Khudozhniki, vystavki, kollekcionery Irkutskoj gubernii [Artists, exhibitions, collectors of the Irkutsk province]. Irkutsk, 1995. 192 p. [In Russ.].

17. Chirkov V. F. Izobrazitel'noye iskusstvo Sibiri XVII – nachala XXI vv. : slovar'-ukazatel': v 2 t. T.1 [The Fine Arts of Siberia of the XVII – beginning of the XXI centuries : dictionary-index : in 2 v. V.1]. Tobolsk, 2014. 1648 p. [In Russ.].

18. Shakherov V. P. Irkutsk kupecheskij : istoriya goroda v licakh i sud'bakh [The merchant Irkutsk: the history of the city in persons and fates]. Khabarovsk, 2006. 176 p. [In Russ.].

19. Shakherov V. P. Kupecheskije biblioteki v kul'turnom nasledii Irkutska [The merchant libraries in the cultural heritage of Irkutsk] // Istoriko-ekonomicheskije issledovaniya [Historical and economic research]. V. 22, № 3. 2021. Pp. 518-528. [In Russ.].

20. Shakherov V. P. Rol' kupechestva v stanovlenii khudozhestvennoj zhizni gorodov Bajkal'skoj Sibiri v konce XVIII-XIX vv. [The role of merchants in the artistic life creation of the Baikal Siberia cities at the end of the XVIII-XIX centuries] // «Sukachevskije chteniya – 2020» : materialy nauch. konf. [Sukachev's readings – 2020 : materials of the scient. conf.]. Irkutsk, 2020. Pp. 14-22. [In Russ.].

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

DOI 10.31443/2541-8874-2022-1-21-78-83

УДК 82-3.09

Нимаева И. Б.

ПРОБЛЕМЫ ДОБРА И ЗЛА В ПРОЗАИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

В данной статье говорится о нравственных проблемах, затрагиваемых в художественной литературе. В частности, в прозаических произведениях Ю. Бондарева, Ч. Айтматова, В. Дудинцева, Н. Лугинова, А. Лыгденова и других писателей решение нравственных проблем может служить ориентиром в духовном развитии личности в процессе ее приобщения к общечеловеческим ценностям.

Ключевые слова: литература, писатель, прозаик, литературный герой, духовность, нравственность, роман, рассказ, повесть, произведение и др.

Nimaeva I. B.

THE PROBLEMS OF EVIL AND GOOD IN THE PROSAIC WORKS OF MODERN WRITERS

The article tells about the moral problems touched upon in fiction. The solution of moral problems might serve guidance in the personality's spiritual development in the process of her/his inculcation to human values in the prosaic works of Yu. Bondyrev, Ch. Aitmatov, V. Dudintsev, N. Luginov, A. Lygdenov and other writers, in particular.

Keywords: literature, writer, novelist, literary character, spirituality, morality, novel, story, work.

В современном обществе важное значение приобретает актуализация понятия «духовность». Есть общечеловеческие ценности — добро, справедливость, милосердие, ответственность, совесть, уважительность, добропорядочность и многие другие, приобщение к которым является гражданским долгом каждого члена общества для того, чтобы

становиться духовно развитой личностью. В связи с этим, необходимо отметить, что в произведениях современных писателей, наряду с классикой, затрагиваются нравственные проблемы, способствующие процессу духовного развития личности, обеспечивающие её внутреннюю свободу, чувство собственного достоинства, позитивное мировосприятие.

Проблемы добра и зла рассматриваются в прозаических произведениях, в частности, Юрия Бондарева, Валентина Распутина, Чингиза Айтматова, Владимира Дудинцева, Виктора Астафьева, Николая Лугинова, Александра Лыгденова и многих других прозаиков. Их имена навсегда вошли в золотой фонд современной отечественной и национальной литературы. Каждый из них по-своему, через своих неповторимых литературных героев, решает эти проблемы. По мнению современных аналитиков, в обществе наблюдается «кризис экологии духа». В связи с этим, вполне можно утверждать, что всех вышеназванных писателей объединяет равнодушие к судьбе человечества в целом, интерес к отдельно взятой личности, ищущей свое достойное место в этом мире, а также к богатству и красоте окружающей природы, естественно. Мы же остановимся здесь на некоторых из них.

Так, роман Юрия Бондарева «Выбор» [2], название которого настраивает читателей на решение актуальных проблем, до сих пор не утратил своего значения для современных читателей. Страх, равнодушие, жестокость, злоба, зависть, потребительство имеют место и в нашем обществе, как нам кажется. «...Скромность стали считать глупостью и недотепством, хамскую грубость – силой характера... Зависть, жесточайше душу гложущая, расцвела волшебным розмарином в новом мещанстве. Завидуют страшно, как сумасшедшие, и по всем габаритам – деньгам, новой квартире, здоровью, даже

миниатюрному, мало-мальскому успеху. И вследствие этого, тайно... радуются чужому неуспеху, безденежью, болезни... Завидуют повально – и дворник, и актер, и замминистра...». Этот небольшой отрывок из диалога героев романа говорит о том, насколько актуальным остается содержание романа Юрия Бондарева и в наши дни.

В то же время в этом произведении читатель откроет для себя удивительный мир своих современников, в данном случае, из среды интеллигенции. Их отношение к жизни, людям, любви, долгу, дружбе, совести, славе, таланту, труду, семье, показанные автором, вызывают глубокий интерес ко всему происходящему. Образы художника Васильева, его фронтального друга Ильи Рамзина всегда вызвали весьма противоречивые оценки у читателей. Автор в своем романе подробно раскрыл образы этих героев, со всеми их сильными и слабыми сторонами, для того чтобы у читателя была возможность давать собственную, неоднозначную оценку их поступкам, продиктованным в зависимости от разных обстоятельств, от разных ситуаций.

Далее, в романе Владимира Дудинцева «Белые одежды» [3] затрагиваются нравственные, философские, социальные, экологические проблемы, тесно связанные между собой. Читателей глубоко волнует судьба одного из главных героев романа, ученого-исследователя Ивана Ильича Стригалева, который обеспокоен, в свою очередь, за судьбу истинной науки в

условиях сплошного запрета и гонения. Об этом говорит тот факт, что Стригалев продолжает проводить эксперименты по выведению нового сорта картофеля, основанные на законах запретной в те времена науки генетики, в строжайшей тайне от официальных чинуш от науки. Стригалёва отличает гражданское мужество, его готовность к самопожертвованию ради высших интересов науки.

Немалый интерес у читателей вызывает и образ другого героя романа, Федора Ивановича Дежкина, который всё-таки смог увидеть и понять суть происходящих событий, связанных с несправедливостью по отношению к честным людям. И он сделал всё возможное, чтобы справедливость восторжествовала, хотя это ему удавалось нелегко – слишком жестким было давление внешних обстоятельств, слишком тяжело давалась борьба с самим собой по преодолению внутренних страхов.

Автор вышеназванного произведения Владимир Дудинцев заставляет своих читателей философски размышлять над природой понятий «добро» и «зло». Устами своих героев он пишет: «...У нас говорят об относительности добра и зла. Мол, в одном месте это считается злом, а в другом – добром... Вчера – зло, а сегодня – добро. Энциклопедии, словари, учебники – всё так. Но это всё далеко, далеко не так. Нельзя говорить «вчера», «сегодня», если о зле и добре. Что провозглашалось вчера как добро, могло быть замаскированным злом. А сегодня с него сорвали маску. Всем видное вчера зло

может перейти в наши времена и остаться тем же злом, но наденет хорошую маску и будет причинять страдания. Практика жизни установила..., что зло и вчера и сегодня будет одно и то же... И вчера, и сегодня оно выступало в виде умысла, направленного против другого человека, чтоб причинить ему страдания...».

Проблема добра и зла находит своё отражение и в произведении якутского писателя Николая Лугинова «Кустук» [4]. В частности, через образы семерых упряжных собак одного хозяина по имени Байбал, жестокого и беспощадного по отношению к ним, великолепно показаны в этой повести человеческие характеры с их положительными и отрицательными чертами. Так, собаки Кырбый и Кустук в душе очень свободолюбивы, у них есть чувство собственного достоинства, есть умение гордо и молчаливо терпеть до поры, до времени унижения со стороны их хозяина, умение сопереживать и сострадать чужой боли. Мужественный пёс Кустук постоянно думал о том, что он обязан выжить в экстремальных, опасных ситуациях, иначе грош цена всем его мыслям о свободе, которая согревала его душу. Кустук наконец смог вырваться на свободу, уйти от злого и жестокого хозяина. В нем очень крепко сидело сильнейшее желание непременно увидеть своего прежнего, любимого хозяина, который всегда по-доброму относился к нему. На наш взгляд, ощущение внутренней свободы, нестигаемая воля, смелость и мужество, умение преодолевать трудности, упорство и

настойчивость в достижении цели – все эти черты сильных личностей в ярких красках, в истинно художественной форме, изображены в данной повести якутского писателя, что делает его произведение вполне современным и актуальным.

Далее, весьма неординарный образ собаки показан и в рассказе бурятского писателя Александра Лыгденова, который называется «Хэрмэч» – «Белкач» [5]. Хозяин, главный герой рассказа, от лица которого ведется повествование, и его верный друг, собака Хэрмэч, вместе охотились в тайге. Хозяин постоянно разговаривал со своей собакой, как с человеком, делясь своими сокровенными мыслями и чувствами, которые в тонких красках передаются автором рассказа. Собака была бесстрашной, смелой, преданной своему хозяину. Они отлично понимали друг друга, искренне сопереживали друг другу. Это была настоящая дружба. В финале рассказа собака Хэрмэч погибает, сорвавшись с высокой скалы. «...Хэрмэч не рассчитывала на то, чтоб устоять на скале... Она не думала о собственной гибели, а если даже и подумала, то не испугалась, не отступила назад, она разлетелась над скалой, как мощная птица в полете. Какой это был прекрасный прыжок! Последний раз... Она прыгнула, как дикая горная коза, как сильный горный барс! Не от немощной старости, не от мучений и страданий – она ушла из жизни, как и должна была уйти!... Умнейшая собака, ничуть не хуже человека и ему подобных... Она всё понимала и всё осознавала...»,

- пишет автор, от лица которого ведется повествование. Произведение А. Лыгденова завершается тем, что герой рассказа впоследствии так и не смог справиться со своим великим горем, с вечной тоской по своему погибшему другу, он глубоко переживал за свою собаку, считая себя виноватым в её гибели. И здесь автор через образы героев своего рассказа показал такие качества характера, как доброта, человечность, умение понимать других, сострадание и сопереживание, преданность в дружбе, умение находить верные решения в экстремальной ситуации, которые весьма актуальны и в наше время.

Проблемы добра и зла находят своё отражение и в романе «Плаха» Чингиз Айтматова [1], наряду с другими его замечательными произведениями. Надо сказать, что в этом романе есть весьма разноплановые литературные герои. К примеру, читателям до конца понять и оценить образ Авдия очень сложно. Тем не менее, многие из них считают, что образ Авдия Каллистратова является воплощением истинной нравственности, так как он противится злу, для него естественно совершать добро, помогать людям. «...Авдию Каллистратову стоило немалой выдержки не реагировать на все вопиющие подробности, поскольку он поставил себе задачу – постичь природу этих явлений, затягивающих в свои тенета всё новых и новых молодых людей. И чем больше вникал он в эти печальные истории, тем больше убеждался, что всё это напоминает некое подводное течение в обманчивом спокойствии

поверхности житейского моря и что, помимо частных и личных причин, существует общественная причина, допускающая возможность возникновения такого рода болезней молодежи. Причины эти, на первый взгляд, было трудно уловить... Видимо, для того чтобы поднять тревогу о неблагополучии в какой-то части общества нужно было еще не бояться поступка во вред себе. К счастью или к несчастью своему, Авдий Каллистратов был свободен от бремени такого затаенного страха. Но пока все житейские открытия были впереди. Он только вступал на этот путь, только соприкасался с той стороной действительности, которую он из сострадания к заблудшим душам жаждал познать на собственном опыте, чтобы помочь хотя бы некоторым из этих людей, и не нравочениями, не упреками и осуждением, а личным участием и личным примером доказать, что выход из этого пагубного состояния возможен лишь через собственное возрождение, и что в этом смысле каждому из них предстоит совершить революцию в масштабах хотя бы своей души. Но опять же

он не предполагал, как дорого придется платить за такие прекраснотушные идеи...».

Таким образом, из всего сказанного нами выше можно сделать вывод о том, что в рассмотренных произведениях современных прозаиков наличествуют богатство жизненного опыта, перенесённого в художественный мир, глубина в философском осмыслении мира, природы и человека, одухотворенность многих литературных образов, благодаря тонкости в выражении их чувств и эмоций авторами произведений, позитивное мировосприятие и мироощущение в целом с их стороны, что, несомненно, передается читателям. Проблемы добра и зла, затронутые в рассмотренных произведениях в нравственном, философском, социальном, психологическом, экологическом аспектах, являются весьма ценностными ориентирами для личности читателя, имеющего все возможности для духовно-нравственного развития, благодаря большому литературно-художественному опыту писателей-прозаиков в процессе их приобщения к общечеловеческим ценностям.

Примечания

1. Айтматов Ч. Т. Плаха : роман. М. : Молодая гвардия, 1987. 302 с.
2. Бондарев Ю. В. Выбор : роман. М. : Молодая гвардия, 1981. 319 с.
3. Дудинцев В. Д. Белые одежды : роман. М. : Книжная палата, 1988. 688 с.
4. Лугинов Н. А. Кустук : (повесть). Якутск : Изд-во ЯГУ, 1999. 23 с.
5. Лыгденов А. Г. Хэрмэч // Отцовская коновязь : рассказы. Улан-Удэ, 2005. С. 59-67.

References

1. Aitmatov Ch. T. Plakha : roman [Scaffold : novel]. M., 1987. 302 p. [In Russ.].
2. Bondarev Yu. V. Vybor : roman [Choice : novel]. M., 1981. 319 p. [In Russ.].
3. Dudintsev V. D. Belyje odezhdy : roman [White clothes : novel]. M., 1988. 688 p. [In Russ.].
4. Luginov N. A. Kustuk : (povest') [Kustuk : (story)]. Yakutsk, 1999. 23 p. [In Russ.].
5. Lygdenov A. G. Хэрмэч // Otcovskaja konovjaz' : rassказы [Father's hitching post]. Ulan-Ude, 2005. Pp. 59-67. [In Russ.].

Матвеева Е. В.

МОДЕЛЬ ИГРОВОГО ПРОСТРАНСТВА: ПРЕДПОСЫЛКИ И НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье предложена концепция исследования игры, как явления, присущего человеческой природе. Автором проанализированы некоторые из научных теорий феномена игры с опорой на возрастные особенности игрового поведения человека. В качестве авторской интерпретации выявлены и охарактеризованы несколько ступеней процесса формирования игрового сознания: игра, как импульс; игра как познание, игра, как способ социальной саморегуляции. Сформулированы исследовательские установки, цель и задачи предстоящего конкретного эмпирического исследования, которое по замыслу автора, позволит смоделировать пространство для детского игрового творчества, в основу которого будут заложены ценности игровой культуры, присущие этносам, проживающим на территории Восточной Сибири.

Ключевые слова: игра, детство, творчество, игровое сознание, игровое поведение

Matveeva Ye. V.

THE GAME SPACE MODEL: PREREQUISITES AND DIRECTIONS OF RESEARCH

The article suggests the conception of studying the game as a phenomenon inherent to human nature. The author analyzes some of the scientific theories of the game phenomenon based on the age-related peculiarities of human playful behavior. Several stages of the process of game consciousness formation are identified and characterized as the author's interpretation: game as an impulse; game as cognition, game as a way of social self-regulation. The research guidelines, the purpose and objectives of the coming concrete empirical research are formulated, which, in the author's plan, will allow to model the space for children's play creativity, the basis of which will comprise the values of game culture inherent to ethnic groups living in Eastern Siberia.

Keywords: game, childhood, creativity, game consciousness, playful behavior.

Введение. Игра – явление историческое. Корни игровой культуры человечества уходят в глубокие слои, к началу цивилизаций. С опорой на результаты наблюдений за

детенышами животных и детьми, ученые делают вывод, что игра, как особый способ жизнедеятельности, является одним из первородных качеств и сопровождает

человека на протяжении всей жизни. С возрастом игры усложняются, но человек не прекращает играть, часто делая это неосознанно, подчиняясь внутренним инстинктивным регуляторам, сформированным в раннем детстве и, далее, на протяжении всего периода социализации.

Развитие самосознания в раннем возрасте осуществляется, в первую очередь, в первородной игровой сфере. Игра также способствует развитию интеллекта, воображения и оказывает положительное влияние на развитие физических качеств. Игровое поведение, сформированное в раннем детстве, позволяет личности в дальнейшем с легкостью осуществлять социальные коммуникации. Игра способствует формированию и закреплению социальной рефлексии.

Предпосылки исследования.

Среди научных теорий XX столетия, к которым принято обращаться при анализе методологии игры, наиболее ярко выглядит историко-культурный анализ общественных явлений Й. Хёйзинги. Он один из первых, кто подметил ранее не улавливаемую связь между процессом общественного развития (филогенезом) и развитием отдельной личности (онтогенезом) через игровую деятельность. Как отмечают современные исследователи, его описание феномена культуры в историческом разрезе в масштабах целой цивилизации в работе «*Homo ludens*» – это «конструкция культурантропологии» [1, с. 353]. Используя методы этнографии, социологии, лингвистики, фольклористики и других наук, он

проанализировал роль игры в становлении человеческой цивилизации и сделал вывод о непреходящем значении игры в формировании и развитии человеческой цивилизации.

Роже Кайуа – последователь теории игры, разрабатываемой Й. Хёйзингой. В своей работе «Игры и люди» [2] Р. Кайуа ищет проявления игры в природе, в поведении животных и в игровой деятельности детей, в исторических фактах, оказывающих свое влияние на культурные процессы.

Игры могут быть систематизированы, считает Р. Кайуа, по четырем признакам, в зависимости от их воспроизводства людьми. В первом случае, это агон – игры, в основе которых лежит состязание и борьба, чтобы выявить лучшего, сильного, интеллектуального, цель – победа.

Другой тип игры – alea, в которых используется жребий. В эту классификацию отнесены азартные игры. Важнее всего в таких играх – фатум, случай, везение. Нередко итогом игры могут стать крупные проигрыши, которые влекут за собой жизненные коллизии.

Третий тип игр у Р. Кайуа – mimicus. Это игры подражания, игры имитации. К этой типологии может быть отнесено сценическое искусство, театрализации, деловые и ролевые игры.

И последний из типов игр – стихия, считающаяся самой непредсказуемой и неуправляемой, цель этих игр – риск. Сюда мы можем отнести вслед за автором, игры, в которых игрок сознательно подвергает себя испытанию, в

результате которого он может получить увечья или даже погибнуть.

По мнению Р. Кайуа, каждый из типов игры обязательно имеет свою локацию – место, пространство. Это спортивный зал, казино, сцена, или сама жизнь играющего.

Теория игры стремится ответить на вопросы о происхождении игры. Сегодня имеют место несколько направлений поиска. В работе В.А. Гущина [3] мы обнаруживаем подходы, выявленные и систематизированные им с опорой на исследования многих ученых прошлого и современности.

Первый подход – культурологический. Основным методом исследования здесь становится культурно-исторический метод, с помощью которого обозначаются фрагменты истории, нравов и быта народов, позволяющие идентифицировать их с игрой. Приверженцем этого подхода является И. Хейзинга и его последователи.

Другой подход – психологический. При таком подходе анализируют и осмысливают игру как интуитивное начало человеческой личности, основанное на чувственной энергии, посредством которой люди способны осваивать мир и налаживать социальное взаимодействие. Среди тех, кто изучает игру в этом контексте – И.С. Кон, Л.С. Выготский, А.А. Леонтьев, Эрих Фромм, Зигмунд Фрейд и многие другие.

Еще один подход, который В.А. Гущин называет социороловой, при котором игра опосредуется как способ успешной и эффективной самопрезентации. Среди исследователей, использующих

этот подход при анализе феномена игры, автор называет Дж. Г. Мид, Ч. Кули и других.

Также автор выделяет герменевтический подход, при котором игра позволяет осмысливать вербальный и невербальный смысл (семантику) языка. Среди исследователей этого направления в изучении игры – Л. Витгенштейн, Ю.М. Лотман и многие другие.

Направления исследования. На наш взгляд, можно выделить несколько ступеней процесса формирования игрового самосознания, оказывающего свое влияние на поведение. Они сформулированы в контексте нашего объекта исследования как *игра как импульс; игра как познание, игра как способ социальной саморегуляции*. Формирование каждой из ступеней соответствует определенному возрастному периоду, в котором концентрация указанного игрового эффекта наиболее высокая. Каждая из приведенных ступеней характеризует особый возрастной период в развитии человека.

Для анализа эффекта игры на разных этапах взросления обратимся к ставшей классической в возрастной психологии, системе возрастной периодизации Д. Элконины, основанной на различии ведущего типа деятельности детей, подростков и юношества [6].

Для удобства анализа игровой деятельности применительно к нашей классификации ступеней игрового самосознания, оказывающего свое влияние на поведение, выделим период раннего детства (от рождения до 1-3 лет), период детства (от 4-х до 7 и до 10 лет) и

период подросткового возраста (пубертат) (11-17 лет).

Период раннего детства (от рождения до 1-3 лет): игра как импульс. Импульсивные влечения – это эмоции. Они присущи человеку, а в период младенчества и раннего детства импульсивность ребенка проявляется в его произвольности реакций и поведения. Психическое состояние ребенка в этом возрасте подвержено резким колебаниям настроения от безутешного горя до безграничной радости и счастья. Эмоциональная координата настроения у детей этого возраста напоминает волновую структуру: эмоции то положительные, то отрицательные. Ведущим типом игровой деятельности детей этого периода становятся простые манипуляции с предметами. Мы видим, как ребенок сначала учится ухватывать предметы и удерживать их, затем он их обследует, засовывает в рот, стучит ими, бросает на пол, наблюдая за тем, как предметы падают – со стуком или плавно, тихо или громко. Затем ребенок обучается простым манипуляциям со шнурками, с цветными формами, с разными текстурами. Им овладевает азарт, направленный на овладение простейшими предметами и выявление закономерностей их существования в среде – предметы плавают или тонут, имеют объем или совершенно плоские, они сминаются или крошатся, застревают или пролазят. Каждый новый предмет, попавший в его поле зрения, подробнейшим образом исследуется, чтобы затем найти свое место в его

системе взаимодействия со средой и в его играх с этими предметами.

Период детства (от 4-7 до 10 лет). Еще одна ступень игрового поведения обозначена нами как *игра – познание*. Познавательные способности человека формируются в раннем детстве и совершенствуются на протяжении всего периода его развития. Можно выделить несколько уровней познания у ребенка: чувственный, образный, понятийный (абстрактный). К 10 годам у ребенка посредством обучения, воспитания и уже сформированного произвольного восприятия окружающего мира имеют место все типы познавательной деятельности. Дети этого возраста, и девочки, и мальчики, физически выносливы, у них сложившаяся скелетно-мышечная структура и система кровообращения, их организм может выдерживать значительные нагрузки. Игровая деятельность детей сконцентрирована на познании своих физических свойств в сочетании с разнообразными видами индивидуальной и коллективной деятельности, осуществляемой в подвижных играх, играх на состязательность, спортивных развлечениях.

Помимо того, детям 10-ти лет в значительной степени подвластны мыслительные процессы, обозначенные некими абстракциями, т.е. понятиями, сформированными в определениях, а не только познаваемые через ощущение и чувственный анализ. К примеру, если в начале обучения ребенок 7-ми лет простые мыслительные операции счета не может осуществить без наглядно-образных ассоциаций –

палочки для счета, пальцы на руке, птички на ветке, то уже в 10-ти летнем возрасте ребенок может складывать «в уме» трехзначные числа и запоминать таблицу умножения. Игры с элементами соревнования на победителя как на физическую выносливость и ловкость, так и на выявление «самого-самого» в интеллектуальных викторинах и конкурсах очень притягательны для детей этого возраста.

Период подросткового возраста (пубертат) (11-17 лет): игра как способ социальной саморегуляции. В период полового созревания в организме подростка происходят очень важные процессы, способствующие изменению его мышления и поведения. В основе изменений поведенческих реакций лежат нейронные процессы в коре головного мозга, где усложняющиеся формы организации групп нейронов способствуют совершенствованию регуляторных механизмов и повышению адаптивных возможностей организма подростков, а в лобной части коры головного мозга формируются нейронные связи, которые оказывают свое влияние на волевую регуляцию произвольных форм деятельности и эмоционального поведения [4]. Таким образом, известная подростковая эмоциональность, взрывчатость, нигилизм – не что иное, как внешний ответ на органические изменения, связанные с формированием новых участков коры головного мозга.

Именно поэтому игры, направленные на саморегуляцию поведения, в данном возрасте имеют высокий социальный эффект,

поскольку организуют энергию подростка, его мыслительные процессы, его эмоции на решение социальных и адаптивных проблем. Как ни в каком другом возрасте для подростка становится важно выражение своего «Я», поиск и нахождение себе подобных, с похожими идеями, мыслями, ощущениями и поведением.

Мышление подростка выражается углубленным самосозерцанием, анализом своего поведения и поиском механизмов встраивания в социум с адаптацией к его законам, морали, ценностям. Подросток стремится уверенно существовать среди сверстников и ищет новые формы сотрудничества, солидарности в ходе игрового творчества. Поиск игрового сообщества единомышленников в этом возрасте осуществляется в разветвленных игровых социальных сетях для установления взаимоотношений и осуществления той или иной ролевой стратегии поведения [5].

В игре у подростков продолжают формироваться их социальные качества. Так, весь комплекс физиологических, эмоциональных и интеллектуальных потребностей этого возрастного этапа определяет пространство игрового поведения, в границах которого важнее всего для подростка формирование социоролевого поведения, определяющего его «самость» в системе связей и отношений с внешним миром.

Если охарактеризовать *метод*, при помощи которого планируется осуществить анализ игрового поведения подрастающего поколения, с целью моделирования игрового

пространства, то можно обозначить этот метод анализа игры в контексте поставленной проблемы как *педологический*, поскольку, цели педологии, как науки предполагают исследование личности в контексте комплекса наук, что как нельзя более подходит нам в ходе изучения игры и ее значения в процессе развития человека и общества.

Рабочие гипотезы исследования: 1. Мы склонны предполагать, что игра является ведущим типом деятельности человека, и от одного этапа взросления до другого, игра, насыщаясь индивидуальным социальным опытом, проходит все стадии взросления – от простых манипуляций с предметами до социальных ролевых игр и имитаций, в ходе которых личность «примеряет» множество масок, подвергает тренировке свой характер, свою волю, свои интенции, чтобы не выходить за рамки, идентифицированной им как «своя», общности и чтобы быть принятым этой общностью и ментально слиться с нею. 2. На наш взгляд, каждый из этапов взросления характеризуется особым игровым поведением, продиктованным в свою очередь, потребностью организма ребенка, подростка, юноши в познании окружающего с помощью понятных и ими воспринимаемых артефактов и символов, применяемых в игровой деятельности. 3. Возможно, что одним из факторов, оказывающих свое влияние на игровое поведение детей, подростков, юношества является этническая культура, визуализированная в культурном коде в системе

родства, в семейных отношениях, в межличностных коммуникациях.

Таким образом, *предметным* полем для изучения игры в контексте нашего исследования становится человеческая жизнь вообще и то, как потребность в познании окружающего мира, которая присуща человечеству по умолчанию, приводит в действие такой познавательный инструмент, как игра и что из этого получится в процессе роста индивида, его развития и социального взросления исходя из внешних факторов, оказывающих на индивида свое влияние. Например, в ходе такого метода, как наблюдение мы видим, как через манипулятивную деятельность младенца с предметами, характерными для кочевой культуры, осуществляется его познание быта и образа жизни сородичей. Этот чувственный опыт позволит будущему кочевнику легко влиться в природную и социальную среду кочевого образа жизни, а, к примеру, юноше урбанистического общества игра поможет закалить свой характер, когда он учится сдерживать эмоции и подчинять свою волю системе стрессовых факторов большого города посредством игрового поведения, называемого у Р. Кайуа игрой в масках.

Цели и задачи исследования, которые выдвигаются нами в ходе анализа игровой деятельности человека, сопряжены с общими методологическими принципами познания и могут быть сформулированы так: целью исследования станет изучение того влияния, которое оказывает игра на индивида на

протяжении его роста, развития и взросления.

При этом мы исходим из предпосылки, что индивид включен в систему значимых природно-климатических и социальных факторов, несомненно, оказывающих на его поведение свое непосредственное влияние. Социальными факторами, оказывающими влияние на выбор игрового поведения, становятся статус (врожденный и приобретаемый), этническая принадлежность со значительным набором ее элементов, такими как язык, верования, религия, фольклор и пр.; наличие и степень развития институтов образования, искусства, политики, культуры; система родства, институт семейного и общественного воспитания и многое другое, что опосредует игровое поведение человека. Образ жизни, сформированный под воздействием климата, обрядовая и ритуальная культура, приносят свои кардинальные отличия в игры и заботы детей, подростков и юношества.

Задачами исследования станут такие, как:

- диагностика наличия и содержания игрового поведения у современных поколений;

- выявление факторов, влияющих на выбор форм игровой деятельности (пол, возраст, место рождения и место жительства; тип семьи – полная, неполная, традиционная расширенная, нуклеарная; психотип и степень социализации личности и др.);

- анализ потребностно-мотивационной структуры и характера этнокультурной самоидентификации;

Заключение. Итогом всей экспериментальной исследовательской работы должна стать модель игрового пространства для детей и юношества, построенная с учетом выявленных в ходе исследования закономерностей и связей между органическим и социально-психологическим взрослением и системой потребностей, интересов, ценностей, развиваемых в гармонично выстроенной игровой среде для наиболее полного раскрытия всех типов игрового поведения современных детей, подростков и молодежи. Предполагается, что акценты в такой игровой среде будут сделаны на этнокультурных ценностях игровой культуры, присущих этносам, проживающим на территории Восточной Сибири.

Примечания

1. Тавризян М. Йохан Хейзинга // Философы двадцатого века. [редкол.: И. С. Вдовина (отв. ред.) и др.]. Кн. 2. М., 2004. 366 с.
2. Кайуа Р. Игры и люди. Статьи и эссе по социологии культуры / Р. Кайуа ; сост., пер. с фр. и вступ. ст. С. Н. Зенкина. М. : ОГИ, 2007. 304 с.
3. Гущин В. А., Гущина Е. В. Место игры в процессе становления личности и профессиональной компетенции студентов // Вестник Российского университета кооперации. 2012. № 2 (8). С. 94-100.
4. Шумейко Н. С. Возрастные изменения ансамблевой организации двигательной области коры большого мозга у подростков от 13 до 16 лет

// Новые исследования. 2012. № 2 (31). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voznrastnye-izmeneniya-ansamblevoy-organizatsii-dvigatel'noy-oblasti-kory-bolshogo-mozga-u-podrostkov-ot-13-do-16-let> (дата обращения: 04.03.2022).

5. Пономарёв В. Д. Педагогика игрового сообщества и социальное творчество личности в сфере досуга // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 41-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pedagogika-igrovogo-soobshchestva-i-sotsialnoe-tvorchestvo-lichnosti-v-sfere-dosuga> (дата обращения: 04.03.2022).

6. Эльконин Д. Психология игры. М.: Владос, 1999 г. 360 с.

References

1. Tavrizyan M. Jokhan Khejzinga [Johan Huizinga] // Filosofiy dvadcatogo veka [Philosophers of the twentieth century] [Editorial board: I. S. Vdovina (chief ed.), et al.]. Book 2. M., 2004. 366 p. [In Russ.].

2. Caillois P. Igrы i ljudi. Stat'i i esse po sociologii kul'tury [Games and people. The articles and essays on sociology of culture] / R. Caillois; compiled, transl. from French and introd. by S. N. Zenkina. M., 2007. 304 p. [In Russ.].

3. Gushchin V.A., Gushchina Ye.V. Mesto igry v processe stanovleniya lichnosti i professional'noj kompetencii studentov [The place of game in the process of a personality's formation and students' professional competence] // Vestnik Rossijskogo universiteta kooperatsii [Bulletin of the Russian university of cooperation]. 2012. № 2 (8). Pp. 94-100. [In Russ.].

4. Shumeyko N. S. Vozrastnyje izmeneniya ansamblevoj organizatsii dvigatel'noj oblasti kory bol'shogo mozga u podrostkov ot 13 do 16 let [Age changes of the ensemble organization of the motor area of the cerebral cortex and teenagers from 14 to 16 years] // Novye issledovaniy [New research]. 2012. №2 (31). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voznrastnye-izmeneniya-ansamblevoy-organizatsii-dvigatel'noy-oblasti-kory-bolshogo-mozga-u-podrostkov-ot-13-do-16-let> (04.03.2022). [In Russ.].

5. Ponomaryov V. D. Pedagogika igrovogo soobshchestva i social'noje tvorchestvo lichnosti v sfere dosuga [Pedagogy of game community and a personality's social creativity in the sphere of leisure] // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Kemerovo state university of culture and arts]. 2017. № 41-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pedagogika-igrovogo-soobshchestva-i-sotsialnoe-tvorchestvo-lichnosti-v-sfere-dosuga> (04.03.2022). [In Russ.].

6. Elkonin D. Psikhologiya igry [Psychology of game]. M., 1999. 360 p. [In Russ.].

Харитонова С. А.

НАРОДНЫЕ ИГРЫ И СОВРЕМЕННЫЙ РЕБЕНОК

В статье рассматриваются особенности организации игровой деятельности современного ребенка, описываются изменения, которые претерпела игра сегодня. Автор выделяет положительные стороны народных и национальных игр, рассматривает их значение в становлении подрастающего поколения.

Ключевые слова: ребенок, игра, игровая деятельность, народные игры.

Kharitonova S. A.

FOLK GAMES AND A MODERN CHILD

The article considers the features of organizing the play activity of a modern child, describes the changes that the game has undergone today. The author highlights the positive sides of folk and national games, considers their importance in the formation of the younger generation.

Keywords: child, game, play activity, folk games.

Стремительное развитие общества во всех сферах влечет за собой трансформацию самого ценного – детства. Сегодня психологи и педагоги не утверждают, а кричат о том, что современные дети разучились играть. А утрата умения играть ведет к серьезным проблемам в будущем, начиная с проблем в обучении, адаптации, социализации, общении и заканчивая увлечением опасными или азартными играми.

На наш взгляд, это связано с рядом причин. Во-первых, это требование достижений успехов, преимущественно познавательных с раннего возраста. Современные взрослые (родители, воспитатели) стремятся с дошкольного возраста многому научить ребенка,

подготовить его к школе, тем самым прерывая естественный процесс игровой деятельности и обращая его в учебный. Во-вторых, дети, зачастую не знают, как играть в игры, их нужно научить, показать им. Родители часто этого не делают, тоже по ряду причин: нехватка времени, неумение, т.к. сами относятся к поколению детей с насыщено обучающими элементами. В-третьих, у современных детей отсутствует возможность полноценного общения со сверстниками и более старшими ребятами, которые могли бы стать механизмом передачи игрового опыта. В-четвертых, занятость ребенка в учреждениях дополнительного образования, постоянное нахождение «в поле зрения

взрослых», ограниченность свободного времени, организация игры «один на один» со взрослыми по их правилам, частые «мимоходные» игры (по дороге в детский сад, в машине и т.д.) – все это приводит к тому, что ребенок теряет интерес к живой игре и начинает отдавать предпочтение телевизору, компьютеру и различным гаджетам, которые нарушают ведущую деятельность ребенка и становятся его единственным развлечением.

Детскую игру рассматривают различные специалисты: педагоги, психологи, социологи, историки и др., но все сходятся во мнении, что она кардинальным образом изменилась. Изменились манера игры, сюжеты стали преимущественно из масс-медиа, и отличаются скудностью образов, примитивизмом, сократилось количество и качество сюжетно-ролевых игр, характер игр стал более жестоким и агрессивным, часто игра не достигает развития и остается на низком уровне. А ведь именно игра способствует качественному развитию личности ребенка. Мы согласны с утверждением Е. Смирновой, которая отмечает, что «только у детей, умеющих «хорошо» играть, любая деятельность является катализатором личностного развития, способствует становлению самосознания, устойчивых мотивов, инициативности и ответственности, творческого воображения, воли и произвольности» [1, с. 24].

О важности игры говорили и говорят многие специалисты. Еще А.С. Макаренко утверждал: «Игра имеет в жизни ребёнка такое же

значение, как у взрослого деятельность – работа, служба. Каков ребёнок в игре, таков во многом он будет и в работе, когда вырастет. Поэтому, воспитание будущего деятеля происходит, прежде всего, в игре...» [6]. Сегодня игровая деятельность ребенка подробно расписана и регламентирована во ФГОС ДО, в котором делается акцент на конкретные особенности игрового процесса, его цели и задачи, основные принципы организации, рассматриваются виды игр и их значение для развития ребенка.

В стандарте отмечается, что игра это своеобразный инструмент для познания окружающего мира и делается акцент на активную деятельность самого ребенка через игру, т.к. именно игра способствует повышению эмоционального и жизненного тонуса ребенка, удовлетворяет его основные интересы и социальные потребности, помогает усвоить знания и развивает познавательные психологические процессы, а главное, «дает большую возможность для проявления детской непосредственности» [7].

Интересен тот факт, что специалисты, работающие в области образования будущего, отмечают, что ребенку необходимо уметь играть не только в компьютерные игры, многие из которых направлены на выработку умения думать, правильно принимать решения, делать моральные выборы, приобретать полезные психологические знания, но прежде всего, в корпоративные и командные игры, которые способствуют выработке, так называемых 4-х «К»: креативность,

критическое мышление, коммуникация и кооперация. Эти навыки – своеобразные требования современного общества, они необходимы ребенку для успешной социализации и дальнейшей жизнедеятельности. Поэтому нужно учить ребенка играть в командные игры, которые дают возможность проигрывать многие процессы, ситуации и тренироваться на них.

В какие же игры играют современные дети? Чаще всего все игры современных детей оснащены специализированными игрушками, которые отражают культуру современного общества, следуют современным тенденциям и технологиям (многонациональная Барби, мистические куклы Monster High, многосборные трансформеры и пр.). Мы согласны с утверждением Н.С. Денисенковой и Т.Н. Счастной, которые утверждают, что «осваивая новые игрушки, дети готовятся к будущему, учатся тому, что их родители осваивают лишь во взрослой жизни. Именно поэтому дети, вырастая, гораздо успешнее входят в современный предметный мир, осваивают новую реальность. Все это обеспечивает не только успешность молодого поколения, но и развитие цивилизации» [5].

Но, как замечают родители (по данным социологических исследований), изобилие игрушек ведет к снижению интереса к ним и игре, в частности. Отмечено, что дети новыми игрушками играют, от силы 2-3 недели, потом они надоедают и ребенок переключается на гаджеты и новые современные технологии, которые мешают полноценному

физическому, творческому, трудовому развитию ребенка, а главное, нарушают процесс общения с окружающими.

Однако в образовательных учреждениях, под руководством педагогов дети с большим желанием играют в новые, неизвестные им игры, не требующие атрибутики (игрушек). Речь идет о народных, национальных играх. Хочется вспомнить пословицу: «Все новое – это хорошо забытое старое». Являясь новыми для современных детей, народные и национальные игры, независимо от направленности (подвижные, речевые, пальчиковые и пр.), очень интересны, занимательны, увлекательны, направлены на выработку новых, полезных умений и навыков, как в поведении, так и в отношениях, а главное, имеют коллективный характер и создают положительную эмоциональную атмосферу, которой сегодня не хватает современным детям.

Кроме того, знакомство детей с народными играми позволяет не только решать первостепенные задачи по воспитанию (физическому, духовно-нравственному, умственному, гражданскому, трудовому и др.), но и приобщать ребенка к культурным ценностям и традициям начиная от этнических и заканчивая мировыми.

Определений народной игре существует множество. В.И. Даль, В.Ф. Афанасьев, К.Ш. Ахияров, Н.И. Пирогов, Л.Н. Толстой, Г.Б. Венгер, А.М. Дорман, К.Д. Ушинский, Г.С. Виноградов, Г.М. Науменко, Г.Н. Волков, Н.Н. Еговцева, А.П. Усова, М.Ю. Новицкая

и др. дают разные трактовки понятия, в зависимости от позиции рассмотрения: с точки зрения психологии, истории, педагогики, социологии, культурологи и т.д. Но нас заинтересовало определение, данное И. В. Гороховой, О. А. Школьниковой, Л. М. Новиковой в статье «Народная игра как вид игровой деятельности дошкольника». Авторы разбирают смысловое значение «древнерусских буковиц»: «И – соединение, Г – движение, Ра – солнечный свет. Таким образом, в названии «игра» наши предки зашифровали «соединение желания и действия в устремленности к лучшему, к солнцу» [2]. Действительно, во все времена игра была определенной школой воспитания и подготовки подрастающего поколения к жизни. Неслучайно, «передовая педагогическая теория высоко оценивает значение народных игр, в силу чего они входят как составной материал в программу воспитания в детских садах и школах» [4].

Народные игры имеют ряд особенностей, которые, кстати, помогают развивать навыки 4-х «К» (упомянутых выше):

- коллективный характер, который позволяет регулировать взаимоотношения, находить выход из конфликтных ситуаций, развивать самостоятельность;

- реализуются на принципе добровольности, который связан с проявлением инициативы, самостоятельности, организованности, ведущими к развитию творческого мышления;

- вырабатывают культуру общения, взаимопомощи, поддержки

через положительные чувства, эмоциональное раскрепощение, проявление радости, сочувствия, снятие зажатости;

- способствуют освоению социально-ценностных стереотипов поведения, формируют ум, волю, характер, самоконтроль, развивают нравственные чувства и др.

- свобода во взаимоотношениях со средой, которая основана на структуре и вариативности игры;

- способствуют проявлению организаторских способностей.

Современные исследователи игры отмечают, что функциональная нагрузка народных игр, которую составляют: «познавательная, организационно-деятельная, импровизационно-творческая, коммуникативная, компенсаторная, социокультурная, развивающая, коррекционная, развлекающая, функция воспитания и обучения, моделирование, подготовительная (подготовка через игру к жизни), прогнозирующая и др. обеспечивает возможность для формирования межличностной и инструментальной составляющей готовности к познанию и общению, является специфическим путем получения знания, возможностью воссоздать в активной наглядно-действенной форме многообразные сферы деятельности, выходящей за пределы личной практики обучающихся» [2]. Поэтому системное включение народных игр в воспитательно-образовательный процесс будет способствовать не только приобщению ребенка к народной, этнической культуре, выработке у него основ полиэтнической культурной

компетентности и навыков толерантного поведения, но и развитие необходимых социальных качеств, полноценной культуры общения патриотизма, духовности.

Поскольку большую часть времени дети находятся в образовательных учреждениях, мы проанализировали учебные образовательные программы дошкольных учреждений, начальной школы и дополнительного образования детей на предмет наличия в них фольклора и народных игр, в частности.

Современные дошкольные учреждения, согласно экспертизе программ ДОУ реализуют принципы личностно-ориентированного взаимодействия взрослых с детьми, развивая познавательную активность, коммуникативные навыки, общие и творческие способности ребенка через ряд основных образовательных программ (в рамках реализации которых, могут применяться и специальные программы):

- «Гармония развития»;
- «Детский сад – дом радости»;
- «Детство»;
- «Золотой ключик»;
- «Истоки»;
- «Открытия»;
- «Развитие»;
- «Детский сад 2100»
- «Детство»;
- «Мир открытый»;
- «ПРОдетей»;
- «От рождения до школы»;
- «Ступеньки к школе»;
- «Мозаика» и др.

Практически во всех программах прописана «тесная

взаимосвязь образования с гуманистическими традициями народной педагогики, фольклором, многонациональным искусством России и мировой культуры...» [3] и реализация принципа тесной взаимосвязи национального и общечеловеческого в воспитании, который также реализуется через широкое обращение к народной педагогике, национальным традициям, фольклору, и приобщение к национальной и общечеловеческой культуре» [3]. По результатам анализа программ, во всех образовательных областях дошкольного образования (физическое, социально-коммуникативное, познавательное, речевое, художественно-эстетическое развитие) встречается достаточно большое количество фольклорных произведений, преимущественно малые формы поэтического детского фольклора (как русского, так и народов мира) и игровой фольклор. На наш взгляд, это закономерно, так как именно фольклор понятен детям, и имея огромные дидактические возможности, позволяет взрослому легко осуществлять педагогическое воздействие, устанавливать эмоциональный контакт, учитывать возрастные и индивидуальные особенности ребенка, применяя метод гуманизации воспитания. Кроме того, народные игры представлены большим видовым разнообразием, что позволяет педагогу легко подобрать нужную игру в развитии определенного качества личности ребенка.

Средние общеобразовательные школы сегодня выбирают программы, разрешенные ФГОС (но

каждый год перечень уточняется и изменяется), в их число входят:

- «Ритм»;
- «Перспективная начальная школа»;
- «Гармония»
- «Планета знаний»;
- «Перспектива»;
- «Начальная инновационная школа»;
- «Школа России»;
- «Система развивающего обучения Д.Б. Эльконина-В.В. Давыдова»;
- «Начальная школа 21 век»;
- «Школа 2100»;
- «Сферы»;
- «Программа для детей с ОВЗ».

Во всех программах фольклорные произведения в среднем составляют 5-6% общего объема материала и представлены в основном русским фольклором в разнообразных жанрах (поговорки, загадки, сказки, былины, детский фольклор, песни и др., но игровой фольклор не встречается). На национальный компонент в среднем отводится 10% (в которые можно включить национальный фольклор). В основном фольклорные произведения встречаются в программах по литературному чтению и небольшая часть в программах по физическому воспитанию (разминки, игры).

Казалось бы, это закономерно, так как ведущим видом деятельности в школе является учение, но современные дети продолжают играть в школе, принося с собой игрушки антистресс (fidget Cube, танглы, лизунов-«мялок»,

спиннеры, различные пупырки и пр.). Так почему бы не использовать народные и национальные игры, которые полезнее и познавательнее.

Несомненно, существуют программы с фольклорным уклоном по внеклассной работы с детьми, но таких программ единицы.

Проанализировав направления примерных дополнительных общеразвивающих программ, можно сделать вывод, что приоритет отдается научно-техническому, проектным, естественно-научным направлениям. Появляются такие программы как «Космическая техника», «Разработка мобильных приложений», «Материаловедение и нанотехнологии», говорящие о растущем интересе к научно-техническому направлению. Дополнительные общеразвивающие программы в области искусства в основном представлены хореографией, театральным искусством, изобразительным искусством и дизайном. Направления декоративно-прикладное искусство и художественная направленность (фольклорные студии и ансамбли) представлены минимально.

Обобщив анализ видов общеобразовательных программ, можно сделать вывод, что фольклор, и народные игры, в частности, в достаточном количестве представлены в дошкольном образовании. В программах по уровням образования количество фольклорных произведений уменьшается с каждым годом обучения, а игровой фольклор используется только на уроках физической культуры и во

внеклассной работе, преимущественно в НОО.

Народная пословица гласит: «Если вы хотите узнать душу народа, приглядитесь, как и во что играют ваши дети». Может быть взрослым стоит задуматься о том, что у детей совершенно потерялся интерес к народным и национальным играм, что забывается история

и родовые корни, что чаще дети стали играть в игры, приходящие с запада. А ведь игра – это школа воспитания и социализации.

Сегодня перед педагогами и родителями стоит сложнейшая задача, сделать детство ребенка полноценным, наполнив его игрой, а помочь в этом могут народные и национальные игры и забавы.

Примечания

1. Во что играют наши дети? : игры и игрушки в зеркале психологии / [Смирнова Е. и др.]. М. : ЛомоносовЪ, 2009. 220 с.

2. Горохова И. В., Школьников О. А., Новикова Л. М. Народная игра как вид игровой деятельности дошкольника // Молодой ученый. 2015. № 13 (93). С. 613-616. URL: <https://moluch.ru/archive/93/20564/> (дата обращения: 05.02.2022).

3. Крылова Н. М. Образовательная программа дошкольного образования «Детский сад - дом радости». URL: <https://firo.ranepa.ru/obrazovanie/fgos/184-obrazovatelniye-programmi-doshkolnogo-obrazovaniya> (дата обращения: 14.02.2022).

4. Психолого-педагогические особенности народной игры как жанра детского фольклора. URL: <https://vuzlit.ru/556609/psihologo-pedagogicheskie-osobennosti-narodnoy-igry-zhanra-detskogo-folklora> (дата обращения: 05.02.2022).

5. Счастливая Т. Н., Денисенкова Н. С. Современная игрушка: бедствие или культурная реальность // Современное дошкольное образование. Теория и практика. 2016. № 3 (65). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-igrushka-bedstvie-ili-kulturnaya-realnost> (дата обращения: 27.01.2022).

6. Федотова Н. И. Современная игровая деятельность в условиях ФГОС. URL: https://www.adou.ru/conference_notes/201 (дата обращения: 31.01.2022).

7. Шайдуллина Л. М. Значение игры в жизни современных дошкольников. URL: <http://doshkolnik.ru/pedagogika/21186-znachenie-igry-v-zhizni-sovremennyh-doshkolnikov.html> (дата обращения: 31.01.2022).

References:

1. Vo chto igrajut nashi deti? : igry i igrushki v zerkale psikhologii / [Smirnova E. i dr.] [What do our children play? : games and toys in the mirror of psychology / [Yelena Smirnova et al.]. Moscow, 2009. [In Russ.].

2. Gorokhova I. V., Shkolnikova O. A., Novikova L. M. Narodnaja igra kak vid igrovoj dejatel'nosti doshkol'nika [Folk game as a kind of preschool child's playing activity] // Molodoj uchjenyj [Young scientist]. 2015. № 13 (93).

Pp. 613-616. URL: <https://moluch.ru/archive/93/20564/> / (05.02.2022). [In Russ.].

3. Krylova N. M. Obrazovatel'naja programma doshkol'nogo obrazovaniya «Detskij sad - dom radosti». URL: <https://firo.ranepa.ru/obrazovanie/fgos/184-obrazovatelniye-programmi-doshkolnogo-obrazovaniya> (14.02.2022). [In Russ.].

4. Psikhologo-pedagogicheskiye osobennosti narodnoj igry kak zhanra detskogo fol'klora. [Psychological and pedagogical features of folk games as a genre of children's folklore]. URL: https://vuzlit.ru/556609/psihologo_pedagogicheskie_osobennosti_narodnoy_igry_zhanra_detskogo_folklor (05.02.2022). [In Russ.].

5. Schastnaya T. N., Denisenkova N. S. Sovremennaja igrushka: bedstvije ili kul'turnaja rea'nost' [Modern toy: disaster or cultural reality] // Sovremennoje doshkol'noje obrazovaniye. Teorija i praktika [Modern pre-school education. Theory and practice]. 2016. No. 3 (65). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-igrushka-bedstvie-ili-kulturnaya-realnost> (27.01.2022). [In Russ.].

6. Fedotova N. I. Sovremennaja igrovaja dejatel'nost' v uslovijah FGOS [Modern gaming activity in the conditions of the FSES]. URL: https://www.adou.ru/conference_notes/201 (31.01.2022) [In Russ.].

7. Shaidullina L. M. Znachenije igry v zhizni sovremennykh doshkol'nikov [The game significance in the life of modern preschool children]. URL: <http://doshkolnik.ru/pedagogika/21186-znachenie-igry-v-zhizni-sovremennyh-doshkolnikov.html> (31.01.2022) [In Russ.].

Неманова Э. А.

РОЛЬ НАРОДНОГО ТЕАТРА В ЖИЗНИ СЕЛЬСКОГО ОБЩЕСТВА БУРЯТИИ

Расцвет самодеятельного народного творчества характеризуется ростом числа народных театров, которые оказывали и продолжают оказывать значительное влияние на культурную жизнь Республики Бурятия. Данная статья посвящена описанию истории становления народного театра на примере с. Ехэ-Цакир Закаменского района. Народный театр рассматривается как один из ярких примеров формирования новой системы сохранения и передачи основ традиционной культуры в сельской местности.

Ключевые слова: культура, народные театры, спектакль, пьеса, художественное творчество, самодеятельность.

Nemanova E. A.

THE ROLE OF FOLK THEATER IN THE LIFE OF THE RURAL COMMUNITY OF BURYATIA

The flourishing of amateur folk creativity is characterized by an increase in the number of folk theaters which influenced and continue to have a significant impact on the cultural life of Buryatia. The article is devoted to studying the history of the folk theater development in the village Ekhe-Tsakir in the Zakamensk district. The folk theater is considered as one of the brightest examples of the new system formation for preserving and transmitting the basis of traditional culture in rural areas.

Keywords: culture, folk theaters, performance, play, artistic creativity, amateur creativity.

Период 1950-1990-х гг. в культуре Бурятии характеризовался расцветом художественного самодеятельного творчества, когда практически все более-менее крупные клубные учреждения республики имели фольклорные и театральные коллективы. К 1983 г. в Забайкалье насчитывалось около тридцати народных театров, многие из которых к началу 1990-х гг.

носили звание «народный» [1, с. 76].

С распадом сложившейся структуры художественной самодеятельности к середине 1990-х гг. многие самодеятельные коллективы исчезли, в первую очередь, это коснулось театров. Особенный случай представляет собой Закаменский район, где сохранились и успешно функционируют четыре театральных самодеятельных

коллектива: Ехэ-Цакирский, Закаменский и Дутулурский народные театры, а также Закаменский народный театр. Так, вопреки общему застою и развалу, в 1993 году поэтом и драматургом Н.Б. Соктоевым в с. Ехэ-Цакир был основан народный театр «Гэрэл» – «Зеркало», с первых дней ставший источником развития и сохранения локальных культур закаменских бурят.

Н.Б. Соктоев, заслуженный работник культуры Республики Бурятия, автор и режиссер-постановщик пьес «Зургаан хурган» («Шестипалый»), «Монголын хуухэн» («Монголка»), «Душэн юһэн хоног» («Сорок девять дней»), «Жаргалтай булэ» («Счастливая семья»), «Ами наһамни» («Моя жизнь»), яркий пример создания и накопления нетрадиционных способов обращения к драматургии – его пьесы и сценарии основаны на истории села и реальных фактах из жизни. Так, например, спектакль «Ами наһамни» раскрывает непростую историю обычной сельской семьи, с довоенных времен до сегодняшних дней.

Главная героиня проводила на войну мужа, затем сына, оставшись с беременной невесткой. Вскоре жестокая судьба отбирает у неё и мужа, и сына, и невестку. Ей приходится нелегко одной с новорожденным внуком, надо успевать и работать, и вести хозяйство, но односельчане не оставляют её наедине с бедой. Она вырастила внука, он любит и заботится о своей бабушке. Однажды повзрослевший внук приводит домой свою невесту, пожилую

женщину поражает внешнее сходство девушки с её погибшей невесткой, и зовут её так же Жаргалмой... Сердце женщины, мужественно перенесшее все лишения и удары судьбы, в этот раз не выдерживает...

Коллектив самодеятельного театра «Гэрэл» в своих спектаклях показывает историю родного села, уклад жизни и быта человека, проживающего в данной местности. «Если в профессиональном театре первичен замысел режиссера и именно в соответствии с его предощущением актеры из профессиональной труппы назначаются на ту или иную роль, то в любительском театре первичное значение имеют актеры. И чаще всего этим фактором определяется репертуар, который подбирается под определенную творческую индивидуальность исполнителей. И замысел режиссера значительно может измениться в зависимости от реального состава исполнителей» [2, с. 291]. Основа всех любительских театров Бурятии – этнографическое разнообразие, объединенное общей историей и языком. Актеры-любители передают все тонкости живой родной речи, знакомят зрителей с бурятским языком в его диалектном выражении. Составляющим элементом выступает понятие о менталитете каждого села, включающее историю основания, родоплеменной состав, представление о ландшафте и топонимике, размере поселения, особые традиции села в разговорной речи и в локальной певческой традиции. Например, так:

Аглаг найхан Захаамин дай-дын,

Адаг болохо Улэгшэн нютагай

Ажалша, малша арад зон

Аза жаргалтай, амгалан

нуухаяа

Ундэр Баабай уулая тахихаяа

Агта хулэгоороо булта буу-

бад!

О, могучее синее небо,

О, матушка наша земля,

О, хозяин горы Ундэр баабай,

Пришли мы со светлыми помыслами

Поклониться, попросить

Чтобы земля была плодородной

Табуны, стада и отары

Тучнели по Закаменской земле!

В песнях и спектаклях раскрываются различные типы личности односельчанин, одни веселые, другие сильные, третьи певучие, все эти черты и представления составляют основу локальной культуры, например:

Хатагин уг: Хасаг сэрэгтэ албатай.

Хатагин угһаа «Амар сайн!»

Хашан уг: Хашан угай

«Халуун баяр!»

хойһо уг: Минааханһаа эхитэй

хойһо зоной «Мэндээ!»

Шошоолог уг: Шог, дуу

ехэтэй

Шошоологуудһаа «Амар мэндэ!»

Хонгоодор уг: Холо ойрын хонгоодорнууд

Доро дохин «Амгалан тайбан байна гут?»

(Доогуурнь зураатай мурнууд хамта хэлэгдэнэ).

Род Хатагинов:

От могущественных казаков

От рода Хатагинов пламенный привет!

Род Хашан:

Горячее приветствие от древнего рода Хашан

Род хойһо:

Возродившиеся от Минахана, Величественный род хойһо приветствует всех!

Род Шошоолог:

От народа веселых, любящих петь

От рода Шошоологов шумный привет!

Род Хонгоодоров:

С поклоном приветствует всех Славный наш род Хонгоодор!

Вся история возникновения, становления и успеха этого театра отражает процесс развития народных традиций в переходный период, характеризующийся резкими изменениями социальной и культурной среды. Передача и сохранение основ национального языка и мировоззрения, социально-культурное развитие, включая культуру досуга, становятся делом индивидуально-личностным и способно на создание и поддержание национальной идентичности.

В 2002 году Н.Б. Соктоев выпустил свою первую книгу «Дуулажа ябахаб хододоо» («С песней по жизни иду»). В 2003 году при театре был создан детский клуб юмора и сатиры «Пагмушки», в котором занимаются более 30 человек. Таким образом, в сфере современной народной художественной культуры индивидуально-личностные каналы передачи распространяются на сферы, которые в традиции транслировались всем социумом.

С началом 2000-х гг. усилиями Министерства культуры Республики Бурятия наметилась тенденция на возрождение театральной самодеятельности и расширение взаимосвязей между существующими старейшими театральными коллективами, как в рамках национального проекта «Культура», так и в рамках федерального проекта «Творческие люди» на территории Бурятии. Например, республиканский фестиваль народных театров и драматических коллективов «*Мунгэн жолоо*» – «Серебряные поводья», начиная с 2003 года, объединяет самодеятельные коллективы Селенгинского, Окинского, Тункинского, Иволгинского, Баргузинского, Кижингинского районов Бурятии.

Фестиваль включает в себя проект – конкурс по созданию пьес на бурятском языке в рамках реализации государственной программы «Сохранение и развитие бурятского языка в Республике Бурятия». Первый этап проекта – создание пьес на бурятском языке, ежегодно идет с апреля по сентябрь, затем пьесы-победителей рекомендуют для постановки на сценических площадках в районах.

Следующий этап – конкурс на создание спектаклей любительскими театральными коллективами, на этом этапе театры могут использовать для постановки пьесы, представленные на конкурс. Так, в декабре 2012 года впервые на сцене Бурятского драматического театра успешно была поставлена пьеса Н.Б. Соктоева «*Гансардалга*» Курумканским народным театром. Последние годы пьеса

«*Ами наһамни*» вошла в репертуар труппы Аргалейского народного театра «Жаргал» Агинского района Забайкальского края. Помимо участия в конкурсных республиканских и региональных программах театральные коллективы Закаменского района объединяются для постановки крупных спектаклей. Так, в 2020 г. совместно с Закаменским народным театром и с Дутулурским народным театром был разработан сценарий театрально-музыкальной постановки «Блокада Ленинграда». Действия спектакля сопровождались запоминающимся визуальным рядом и музыкой Д. Шостаковича, помогающей глубже передать трагедию умирающего города.

В целом, деятельность любительских театров Бурятии направлена на повышение качества жизни человека через самовыражение и формирование представлений о родном крае, особенно, в сельской местности.

Сегодня в составе Ехэ-Цакирского театра как ветераны, так и молодые актеры с разным багажом знаний и жизненного опыта. Это люди разных возрастов и профессий: преподаватели, воспитатели, рабочие, пенсионеры, всей душой преданные делу. Играя в театре, простые сельчане делают свою жизнь более насыщенной и интересной, поддерживая традицию «всем селом» готовиться к большим праздникам, встрече гостей – шить, мастерить, украшать. Коммуникативные связи, возникающие в ходе разучивания и постановки спектакля – один из важных аспектов успешного

функционирования самодеятельного коллектива, участники входят в реальный пласт традиционной духовно-практической деятельности. Наконец, духовный багаж личности автора, режиссера влияет на уровень восприятия творчества и желание участвовать в процессе. Специфические особенности самодеятельного театра составляют идейную основу народных традиций и выразительности любительского спектакля.

Все возрастающая любовь к древнейшему из видов искусства

театру не уникальное явление для бурятской культуры. Стремление к сохранению и передаче традиционного мировоззрения, расширению духовной среды как неотъемлемое свойство национального менталитета, выразилось в истории развития любительских театров с момента возникновения до сегодняшнего дня. Таким образом, театральная труппа силой своего культурного потенциала оказывает воздействие на формирование новых форм локальной культуры на основе традиционных элементов.

Примечания

1. Пакулина Л. М. Народные театры // Малая энциклопедия Забайкалья. Культура : в 2 ч. Ч. 2 : М–Я. Новосибирск : Наука, 2009. 457 с.

2. Петров В. В. Народные традиции в любительском театре // Национальное культурное наследие России: региональный аспект : материалы II Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Самара : ИПК СамГАКИ, 2014. С. 290-294.

References

1. Pakulina L. M. Narodnye teatry [Folk theatres] // Malaja enciklopedija Zabajkal'ja: Kul'tura : v 2 ch. Ch. 2 : M-Ja [Small encyclopedia of Transbaikalia: Culture : in 2 p. P. 2 : M-Ya]. Novosibirsk, 2009. 457 p. [In Russ.].

2. Petrov V. V. Narodnye tradicii v ljubitel'skom teatre [Folk traditions in the amateur theater] // Nacional'noje kul'turnoje nasledije Rossii: regional'nyi aspekt : materialy II Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastijem [National cultural heritage of Russia: regional aspect: proceedings of the II All-Russian scient.-pract. conf. with intern. participation]. Samara, 2013. Pp. 290-294. [In Russ.].

*Маловичко Е. В.**Научный руководитель – А. С. Фролова*

ФАКТОРЫ СОХРАНЕНИЯ ЧИТАТЕЛЬСКИХ КАРТОЧНЫХ КАТАЛОГОВ МУНИЦИПАЛЬНЫХ БИБЛИОТЕК В ЭКСПЕРТНЫХ ОЦЕНКАХ

Изложена сравнительная характеристика электронного и карточного читательских каталогов, охарактеризованы функции бумажной версии каталога как важной составляющей справочно-поискового аппарата библиотечно-информационного учреждения и источника справочно-библиографического обслуживания различных категорий потребителей информации. Проанализированы взгляды крупных теоретиков современной отечественной библиотечной науки (Э. Р. Сукиасяна, Л. Б. Зупаровой и др.) на вопрос о целесообразности параллельного ведения традиционных каталогов и их цифровых аналогов. Рассмотрены основные факторы, обуславливающие решение библиотек в пользу поддержания карточных каталогов в актуальном состоянии. По авторскому заключению, сохранение карточных каталогов в эпоху цифровой трансформации информационной среды гарантировано совокупностью условий, базовым из которых является востребованность со стороны читательской аудитории библиотеки.

Ключевые слова: электронный читательский каталог, традиционный читательский каталог, карточный читательский каталог, бумажный читательский каталог, справочно-поисковый аппарат библиотеки, справочно-библиографическое обслуживание, цифровые компетенции потребителей информации.

*Malovichko Ye. V.**Scientific supervisor – A. S. Frolova*

FACTORS OF CONSERVATION OF THE READERS' CARD CATALOGUES IN THE MUNICIPAL LIBRARIES IN THE EXPERT ASSESSMENTS

The article gives a comparative analysis of electronic and card library readers' catalogues, characterizes the functions of the paper catalogue as an important component of the reference search apparatus of the library information institution and the source of reference library servicing of different categories of information consumers. The views of the prominent theorists of the modern Russian library science (E.R. Sukiasyan, L.B. Zuparova, etc.) concerning the usefulness of parallel introduction of traditional catalogues and their digital versions have been analyzed. The key factors that condition the libraries' decision

in favor of maintaining paper catalogues in actual condition are considered. In the author's conclusion, keeping card catalogues in the epoch of digital transformation of information environment is guaranteed by the set of conditions the basic of which is the demand from the library readers.

Keywords: library e-catalogue, traditional readers' card catalogue, readers' card catalogue, readers' paper catalogue, reference search library apparatus, reference library servicing, digital competencies of information consumers.

Интенсивная цифровая трансформация отечественного библиотечного дела, начало которой пришлось на первое десятилетие 1990-х гг., открыла перед работниками отрасли новые возможности в области библиотечно-информационного обслуживания, позволила радикально модернизировать формы и методы предоставления и популяризации библиотечно-информационных услуг и продуктов, существенно повысить эффективность коммуникации между пользовательской аудиторией и библиотечными специалистами. Профессиональная лексика библиотекарей обогатилась рядом новых понятий, заимствованных из философии информации, науки о данных, кибернетики, информатики, теории систем: «электронная библиотека», «удалённое библиотечное обслуживание», «виртуальная справка», «библиографическая онлайн-консультация», «электронная доставка документов», «виртуальный читальный зал», «веб-сайт библиотеки», «электронный каталог» и др. Энергичный переход от аналоговых технологий к цифровым, массовое распространение вычислительной техники и персональных портативных коммуникативных устройств, бурное развитие русскоязычного сегмента информационно-телекоммуникационной

сети «Интернет» остро поставили вопрос о необходимости концептуального обновления, технико-технологического и кадрового перевооружения библиотечной отрасли, обусловили обращение работников профильных учреждений к инновационным инструментам для реализации имманентных социальных функций библиотеки в изменившихся условиях.

Цифровизация преобразила привычный облик всех направлений деятельности библиотеки – в т. ч. её библиографического компонента, включающего каталогизацию документного фонда, формирование библиографических ресурсов (пособий разных форм) и справочно-библиографическое обслуживание потребителей информации. По наблюдениям специалистов, *«технологическая революция в библиотечном деле... прежде всего коснулась области обработки и каталогизации»* [1, с. 89]. Библиотечный каталог, представляющий собой упорядоченное собрание библиографических записей, раскрывающий состав и содержание имеющихся в библиотечном фонде документов, называют «ключом» к собранию произведений печати. Появление электронных библиотечных каталогов ожидаемо вызвало оживлённые

дискуссии в профессиональных и научных кругах.

Сторонники новшества приветствовали перевод традиционных каталогов в машиночитаемую форму, считая их полноценной заменой карточным, отрицая необходимость их сохранения и дальнейшей актуализации. Действительно, электронный каталог дублирует часть функций основных традиционного, помогая субъекту информационного поиска ориентироваться в библиотечном фонде. Более того, сравнение поисковых возможностей оказывается невыгодным для карточного каталога: в автоматизированных библиотечно-информационных системах пользователь способен вести оперативный многоаспектный информационный поиск с настраиваемыми поисковыми фильтрами, в т. ч. – удалённо; интерфейс электронных каталогов адаптирован под уровень информационно-поисковой культуры потребителя информации (поисковые операции можно совершать в нескольких режимах: стандартном, расширенном и профессиональном); электронный каталог обладает техническими возможностями для отражения динамики библиотечного фонда, для индексирования документов с использованием данных авторитетных файлов предметных рубрик и встроенных словарей, для установления связи между библиографическими записями и электронными полнотекстовыми версиями индексируемых документов, для глобальной корректировки содержания отдельных элементов библиографических баз данных, для

создания межведомственных и межрегиональных корпоративных проектов, сводных каталогов и т. д.

Другая часть теоретиков и практиков российского библиотечного дела, признавая эти и другие существенные преимущества электронных каталогов, настаивает на необходимости продолжения работы по ведению карточных каталогов – параллельно с электронными – как направления деятельности библиотечно-информационных учреждений. Рассмотрим основные аргументы в пользу этой точки зрения.

Карточные каталоги – важный элемент справочно-поискового аппарата библиотеки. По авторитетному мнению Э. Р. Сукиасяна, крупного отечественного библиотековеда, предметом научного интереса которого были, в т. ч. вопросы каталогизации, доступ читателя к карточным каталогам – обязательное условие полного удовлетворения их информационных потребностей, поскольку электронный каталог не обеспечивает *«тематического (содержательного) поиска с использованием возможностей классификационных систем»*, в связи с чем *«полностью потерял своё когнитивное значение»* [2, с. 28]. Кроме того, деятель советской и российской библиотечной науки считал недалёковидной политику полной замены традиционного каталога электронным из-за неспособности последнего оперативно и с исчерпывающей полнотой отражать изменения в составе фонда библиотеки (актуализация электронного каталога происходит, как правило, один раз в

месяц), что существенно ограничивает доступ потребителя информации к справочно-библиографическим ресурсам учреждения. Наконец, исследователь отмечал, что автоматизация процессов каталогизации была предпринята без учёта базовых принципов построения каталогов, на что указывает, например, отсутствие в структуре электронного каталога ссылачно-справочного аппарата, облегчающего информационный поиск посредством обозначения связей между предметными рубриками. По замечанию Э. Р. Сукиасяна, профессионалы библиотечного дела в Соединённых Штатах Америки, Швеции, Германии и других экономически развитых государствах продолжают актуализировать карточные читательские каталоги в течение, по крайней мере, первых десяти-пятнадцати лет с момента ввода в эксплуатацию электронных каталогов в страховых целях [2, с. 28]. На взгляд эксперта, бумажные каталоги по-прежнему составляют основу справочно-библиографической деятельности любой библиотеки, продолжают играть важную роль в библиотечно-информационном обеспечении потребителей информации.

Автор учебника для обучающихся высших школ по специальности «Библиотечно-информационная деятельность», каталоговед Л. Б. Зупарова также подвергает сомнению способность электронного каталога полностью вытеснить карточный на текущем этапе развития российского библиотечного дела [3, с. 56], обращает

внимание на подчинённую роль электронного каталога, который до сих пор в большинстве провинциальных муниципальных библиотек выступает в качестве одного из структурных элементов разветвлённой системы карточных каталогов. Отказ от сохранения традиционных каталогов несёт риски разрушения стройной информационно-поисковой системы библиотечного учреждения, отрицательного влияния на качественные характеристики электронного каталога: *«Пока разные формы каталогов взаимодополняют друг друга, не следует воспринимать карточные каталоги как что-то второстепенное... Качественный электронный каталог может возникнуть только на основе качественных карточных каталогов»* [4, с. 55]. Эксперт обращает также внимание на угрозу разрушения фундаментальной взаимосвязи между карточными каталогами и бумажными картотеками библиографических данных в результате исключения из единой поисковой системы библиотечно-информационного учреждения традиционных каталогов. Читательский каталог и библиографические картотеки разного функционального назначения (как читательские, так и служебные), разной структуры (алфавитные, систематические, предметные) и степени детализации исполняют роли, соответственно, основной и вспомогательной части справочно-поискового аппарата, раскрывают читателю состав и содержание документного фонда в различных аспектах [3, с. 56]. Поэтому отказ от бумажных каталогов несёт

риски сужения границ информационно-поискового горизонта пользователя.

Кроме того, нельзя забывать, что карточные каталоги дополняют электронные базы библиографических данных, обеспечивая доступ пользовательской аудитории к сведениям о некоторых изданиях в документном фонде библиотечно-информационного учреждения, отсутствующим в электронном каталоге как не имеющим индивидуальных библиографических записей (к таким, в частности, относятся альбомы для раскрашивания, экзаменационные билеты и программы вступительных испытаний, записные книжки, буклеты, листовки, планы парадов, памятки, программы спортивных соревнований, рецепты, рабочие тетради и пр.). По принципу взаимодополнения функционируют, например, электронные читательские каталоги Российской государственной библиотеки и каталоги специализированных фондов крупнейшего национального книгохранилища [5].

Карточные каталоги – страховая копия электронного каталога. Современные библиотечно-информационные учреждения, занятые машиночитаемой каталогизацией, в попытке минимизировать риски утраты цифровых данных о документах в библиотечном фонде в результате технических сбоев, отключения электроэнергии, кибератак и пр., уделяют особое внимание контролю за системой управления электронным каталогом, создают резервные копии и рабочие архивы на различных носителях

(оптических или жёстких дисках, картах памяти и др.), необходимых при восстановлении повреждённых данных. Компьютерные системы весьма уязвимы к угрозам безопасности (несанкционированным проникновениям не-/авторизированных пользователей, вредоносным воздействиям на программное обеспечение посредством удалённого и непосредственного доступа), перебоям в энергоснабжении, проблемам организационно-технического порядка (в т. ч. ошибкам персонала, обслуживающего вычислительные мощности учреждения) и др. Каждое такое разрушительное действие может нанести существенный (или даже непоправимый) урон работоспособности электронного библиотечного каталога. Материальная природа карточного каталога в глазах профессионалов библиотечной отрасли служит гарантом обеспечения физической сохранности массива библиографических данных – именно благодаря ей он, в отличие от своего машиночитаемого аналога, не подвержен воздействию кибератак, аварий в энергосистемах, случайным техническим ошибкам. Кроме того, исключена возможность порчи цифровых данных по небрежности персонала, поскольку с карточными каталогами работает только узкий круг высококвалифицированных специалистов (как правило, это каталогизаторы и систематизаторы отделов комплектования и обработки документов). В скобках заметим, что именно по вышеперечисленным причинам речь о переводе генеральных каталогов российских

библиотек пока вообще не ведётся; генеральный алфавитный каталог занимает ведущее место в системе каталогов любого библиотечно-информационного учреждения, с исчерпывающей полнотой отражает состав и содержание изданий в фонде библиотеки, располагает системой добавочных карточек и разделителей, содержит полный индекс библиотечно-библиографической классификации для систематического каталога, а также инвентарные номера всех имеющихся в библиотеке документов. Генеральный алфавитный каталог располагается в служебных помещениях отдела каталогизации и обработки документов, следовательно, доступ к ним строго ограничен и риск умышленного повреждения или уничтожения данных сводится к минимальному.

Карточные каталоги – важная часть справочно-поискового аппарата библиотеки. Многие ведущие специалисты в области современного российского библиотечного дела, в частности Л. Б. Зупарова [3 ; 4], А. А. Стукалова [6] и др., разделяют мнение Э. Р. Сукиасяна по вопросу сохранения карточных каталогов, отмечая их системообразующую роль в структуре справочно-поискового аппарата библиотечно-информационного учреждения. Система читательских каталогов – инструмент поиска и навигации в документном фонде библиотеки и реальная модель этого фонда, отражающая логику порядка его структурных компонентов, передающий образ типового, предметного, языкового и т. п. разнообразия собрания

произведений печати, аудиовизуальных и электронных документов в зависимости от профиля комплектования учреждения. Сумма функций, исполняемых традиционным каталогом в общем контексте библиотечно-информационного обслуживания потребителей информации, делает его информационным ресурсом, сопоставимым по своей ценности с документным фондом, поэтому прекращение обновления или ликвидация карточных каталогов грозит снижением функциональной состоятельности всей поисковой системы библиотеки.

Карточные каталоги – гарант права на доступ к информации. Библиотека реализует равные права граждан России независимо от пола, возраста, национальности, имущественного положения, убеждений, вероисповедания и т. д. на доступ к культурным ценностям (ст. 44 Конституции Российской Федерации), информации [7]. Информация, знание официально признаются одной из базовых общественных ценностей [8]; современная Россия уверенно вступает в информационную эпоху: государство на постоянной основе субсидирует формирование разветвлённой и устойчивой к кибер-рискам информационно-телекоммуникационной инфраструктуры, новейшие цифровые технологии активно вводятся в гражданский оборот, ключевые вопросы информационной безопасности успешно регулируются на федеральном и региональном законодательном уровнях. Гарантом реализации права на доступ к информации для россиян

является Основным законом страны (2020 г.) [7] и отраслевой федеральный закон «О библиотечном деле» (1994 г.) [9]; последний фиксирует право каждого гражданина «бесплатно получать полную информацию о составе библиотечных фондов через систему каталогов и другие формы библиотечного информирования» (п. 4 ст. 7) [9, с. 4]. Кроме того, Россия – член специализированного учреждения Организации Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), которому «поручено «поддержание, расширение и распространение знаний» через «сохранение и охрану документированных знаний человечества» [10]. В специальной программе ЮНЕСКО «Информация для всех» (2000 г.) доступ к информации и знаниям признаётся «общечеловеческим благом, необходимым для развития образования, науки, культуры и коммуникаций, создания новых возможностей, поощрения культурного разнообразия и стимулирования открытости управления» [10]. Согласно тексту Программы, библиотечные учреждения (наряду с архивами и другими центрами информации) ответственны за «обеспечение доступа к информации и её сохранение, в особенности информации, являющейся общественным достоянием» [10]. Библиотека, деятельность которой подчинена задаче удовлетворения информационных потребностей всех без исключения категорий пользователей, отказываясь от актуализации карточного каталога, лишает читательскую аудиторию свободного доступа к

информации – такая практика вступает в противоречие с действующим законодательством.

Работа с карточными каталогами не требует овладения цифровыми компетенциями. Ещё одной важной причиной сохранения карточных каталогов являются читательские предпочтения – отдельные категории пользователей библиотечно-информационных услуг (граждане старшего поколения) испытывают заметные трудности с освоением базовых компетенций, необходимых для самостоятельной информационно-поисковой работы в цифровой среде, поэтому вынуждены делать выбор в пользу работы с бумажными читательскими каталогами. Кроме того, работа с электронным каталогом требует навыков формулировки корректного поискового запроса, селекции результатов поиска, определения стратегии информационно-поисковой работы в несвязанных информационных системах, уверенного овладения расширенным набором инструментов информационного поиска (в т. ч. усечённым поиском). Недостаточный уровень информационно-поисковой и цифровой грамотности части библиотечной аудитории определяет востребованность традиционных каталогов, что обуславливает их сохранение и актуализации.

Подведём итог. Читательские каталоги – базовый элемент справочно-поисковой системы библиотечно-информационного учреждения, раскрывающий состав и содержание документного фонда в зависимости от профиля

комплектования. В контексте автоматизации и цифровизации библиотечно-информационных процессов ценность карточного каталога для части профессионалов библиотечного дела перестала быть очевидной. Однако электронный каталог не может в полной мере считаться альтернативой традиционному аналогу по целому ряду причин, среди которых, например, неспособность цифрового собрания библиографических записей обеспечить содержательный поиск с использованием

классификационных систем и связей между предметными рубриками, уязвимость аппаратно-программного обеспечения, неспособность выступать наглядной моделью типо-видового, предметного, языкового и др. разнообразия собрания документов, дисфункция справочно-поискового аппарата, вызванная разрывом связи между его основной и вспомогательной частью (в т. ч. картотеками документов, не имеющих индивидуальных библиографических записей) и др.

Примечания

1. Агаркова И. А., Щербинина Г. С. Лингвистическое обеспечение процессов каталогизации научной библиотеки // Библиотеки вузов Урала. 2011. № 10. С. 89-110.

2. Сукиасян Э. Р. Система каталогов. Как мы её долго строили и как быстро ликвидировали // Научные и технические библиотеки. 2019. № 6. С. 28-40.

3. Зупарова Л. Б. Определение понятия «библиотечный каталог» // Библиография и книговедение. 2016. № 3. С. 47-55.

4. Зупарова Л. Б. Что такое библиотечный каталог? // Библиография и книговедение. 2016. № 1. С. 51-56.

5. Рубрикатор материалов, [находящихся на хранении в фондах Российской государственной библиотеки], не имеющих индивидуальных библиографических записей // Российская государственная библиотека. URL: <https://www.rsl.ru/ru/4readers/catalogues/rubrikator-bz> (дата обращения: 11.02.2022).

6. Стукалова А. А. Система каталогов ГПНТБ СО РАН: этапы и перспективы развития // Библиосфера. 2014. № 3. С. 77-81.

7. Конституция Российской Федерации. СПб., 2021. 63 с.

8. Путин: знания должны стать одной из важнейших ценностей общества // Вести.Ru. URL: <https://www.vesti.ru/article/2565345> (дата обращения: 16.12.2021).

9. О библиотечном деле : федер. закон от 29 дек. 1994 г. № 78-ФЗ. М., 2021. 27 с.

10. Программа ЮНЕСКО «Информация для всех» // Информация для всех. URL: <https://ifap.ru/ofdocs/unesco/programr.pdf> (дата обращения: 15.01.2022).

References

1. Agarkova I. A., Shcherbinina G. S. Lingvisticheskije obespechenije processov katalogizacii nauchnoj biblioteki [Linguistic support of cataloging processes of a scientific library] // Biblioteki vuzov Urala [Libraries of the Ural higher educational institutions]. 2011. № 10. Pp. 89–110. [In Russ.].
2. Sukiasyan E. R. Sistema katalogov. Kak my ejo dolgo stroili i kak bystro likvidirovali [The system of catalogues. How long we had built it and how quick we eliminated it] // Nauchnyje i tekhnicheskije biblioteki [Scientific and technical libraries]. 2019. No. 6. Pp. 28–40. [In Russ.].
3. Zuparova L. B. Opredelenije ponjatija «bibliotechnyj katalog» [The definition of the notion «library catalogue»] // Bibliografija i knigovedenije [Bibliography and book science]. 2016. No. 3. Pp. 47–55. [In Russ.].
4. Zuparova L. B. Chto takoje bibliotechnyj katalog? [What is a library catalogue?] // Bibliografija i knigovedenije [Bibliography and book science]. 2016. No. 1. Pp. 51–56. [In Russ.].
5. Rubrikator materialov, [nakhodjashchiksja na khraninii v fondakh Rossijskoj gosudarstvennoj biblioteki], ne imejushchikh individual'nykh bibliograficheskikh zapisej [The rubricator of the materials [stored in the funds of the Russian state library] with no personal bibliographic records] // Rossijskaja gosudarstvennaja biblioteka [The Russian state library]. URL: <https://www.rsl.ru/ru/4readers/catalogues/rubrikator-bz> (11.02.2022). [In Russ.].
6. Stukalova A. A. Sistema katalogov GPNTB SO RAN: etapy i perspektivy razvitiya [The system of catalogues in the SPSTL SB RAS: stages and perspectives of development] // Bibliosfera [Bibliosphere]. 2014. No. 3. Pp. 77–81. [In Russ.].
7. Konstitucija Rossijskoj Federacii [The Constitution of the Russian Federation]. S.-P., 2021. 63 p. [In Russ.].
8. Putin: znaniya dolzhny stat' odnoj iz vazhnejshikh cennostej obshchestva [Putin: knowledge should become one of the most important values of a society] // Vesti.Ru [Vesti.Ru]. URL: <https://www.vesti.ru/article/2565345> (16.12.2021). [In Russ.].
9. O bibliotechnom dele : feder. zakon ot 29 dek. 1994 g. № 78-FZ [About librarianship: federal law dated back to 29 April 1994. № 78-FL]. M., 2021. 27 p. [In Russ.].
10. Programma JUNESKO «Informacija dlja vsekh» [The UNESCO program “Information for All”] // Informacija dlja vsekh [Information for All]. URL: <https://ifap.ru/ofdocs/unesco/programr.pdf> (15.01.2022). [In Russ.].

Езова С. А.

РЕФЛЕКСИЯ АВТОРСКИХ ПУБЛИКАЦИЙ И СТАТЕЙ УЧЕНИКОВ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «БИБЛИОПАНОРАМА» (2009-2020 гг.)

В рамках комплексного исследования кафедры «Библиотечно-информационные ресурсы» «Книжная культура Байкальского региона» одним из направлений библиотечного дела Республики Бурятия в период с 1991 по 2021 гг. были библиотечное общение и этика. Различные ракурсы ее исследования отражались на протяжении 11 лет в журнале «Библиопанорама» (2009-2020 гг.), который выпускала Национальная библиотека Республики Бурятия (ответственный редактор Р.И. Хамаганова). Анализ разработанности этой проблематики посвящена данная статья, в ней автор публикации отразил свой опыт и опыт ряда бакалавров и магистрантов, чьими выпускными квалификационными работами руководил.

Ключевые слова: библиотечное общение, методология, теория, практика, обучение в сфере библиотечной коммуникации, воспоминания, рецензии.

Ezova S. A.

REFLECTION OF THE AUTHOR'S PUBLICATIONS AND STUDENTS' ARTICLES ON THE PAGES OF THE JOURNAL «BIBLIOPANORAMA» (2009-2020)

Within the complex study of the department of library and information resources «Book culture of the Baikal region», library communication and ethics were one of the directions of library science of the Republic of Buryatia within the period of 1991-2021. Various ways of its research have been reflected in the journal «Bibliopanorama» (2009-2020) for 11 years, which was published by the National library of the Republic of Buryatia (executive editor R.I. Khamaganova). The article is devoted to the analysis of the development of this problem, in which the author of the publication reflected her experience and that of some bachelors and magistrates whose graduation projects she had supervised.

Keywords: library communication, methodology, theory, practice, education in the field of library communication, memories, reviews.

Рефлексия способствует авторскому осознанию, анализу сделанного за определенный период, подведению итогов.

Автором уже были опубликованы две статьи, в которых отразены итоги изучения

проблематики библиотечного общения [1 ; 2].

В рецензии на журнал «Библиопанорама» доктора пед. наук, известного библиотековеда А.Н. Ванеева отмечено общетеоретическое значение публикаций по проблемам библиотечного общения [3, с. 4].

Со второго номера в журнале была введена постоянная рубрика «Библиотечное общение и этика», которая пополнялась материалами автора.

Общетеоретические и методологические проблемы библиотечного общения и профессиональной этики раскрыты в следующих ракурсах:

- теоретический анализ понятий: «библиотечное общение», «культура общения», «качество общения» и др. в ракурсе междисциплинарного подхода;

- гуманитарной экспертизе общедоступной библиотеки как центра общения;

- видам библиотечного общения, выстроенным по различным признакам;

- различным видам самоподач библиотекаря, основываясь на теории «Я-концепции библиотекаря».

В журнале освещались результаты региональных исследований этики библиотечного общения, проведенных студентами (под руководством автора) в Бурятии, в республике Саха (Якутия), в Тыве, Иркутской и Читинской областях.

Цикл статей был посвящен обучающим практикам, применяемых автором в обучении бакалавров и магистрантов этико-коммуникативной компетенции и

которые могут быть использованы в системе повышения квалификации библиотечных кадров Бурятии:

- с целью закрепления материала о типах библиотекарей-коммуникаторах, выстраиваемых по разным признакам: актуализатор, манипулятор, авторитарный библиотекарь, «полезный», «вредный» и др. был использован интерактивный метод – «написание» портретов библиотекарей, работа осуществлялась в команде (по 3-4 человека);

- одним из эффективных путей осознания студентами путей реализации пространственного, среднего, контекстного подходов в библиотечной практике, как показал опыт преподавания, были интеллект-карты. Они способствуют развитию ассоциативного мышления, воображения, творческого подхода к пониманию библиотечных явлений;

- важнейшие составляющие профессионального общения: отношения и поведение библиотекарей и пользователей в публичной библиотеке анализировались с помощью декартовой прямоугольной системы координат (таковых автором разработано более 30);

- так как «диалог» является лакмусовой бумажкой подготовки библиотечных кадров, поэтому ему было уделено повышенное внимание в ряде статей его структуре, процессу, видам диалогов, факторам, влияющим на его эффективность, методикам построения диалогов, т.е. межличностному общению;

- с целью подключения студентов к осознанию коммуникативной роли современной библиотеки в обществе, как одной из актуальных проблем библиотечного дела, было использовано окно Джохари.

Для педагога было важно презентовать в журнале материалы студентов, написанные по результатам выпускных квалификационных работ и имеющих научный интерес для библиотековедения. Кратко остановлюсь на характеристике некоторых из них.

В статье магистранта О.А. Эрдынеевой сделана попытка исследовать специфику деятельности клубов по интересам в филиале № 13 ЦГБ им. И.К. Калашникова с целью повышения ее репутации среди молодежной аудитории, проблемы актуальной и слабо разработанной [4].

В исследовании бакалавра Л.В. Проскураковой подтверждена гипотеза о том, что пользователи Национальной библиотеки Республики Бурятия видят ее деятельность в ракурсе поликультурного центра, а культурно-коммуникационная функция является одной из важных. Вследствие этого, в одной из рекомендаций значится целесообразность развития у библиотекарей культурно-коммуникационной компетенции [5].

Ц.Р. Кондратьева на примере Центра чтения юношества им. Д.Р. Батожабая ГАУК РДЮБ г. Улан-Удэ изучила роль в деятельности библиотеки общественного, публичного и частного пространства, разработала рекомендации по их развитию [6].

О.В. Орлова предприняла исследование пользователей на публичных площадках ЦГБ им. И. Калашникова (в публичном пространстве) и разработала систему предложений оптимизации этого вида деятельности среди молодежи [7].

В рамках бакалавриата Т. Заводной по результатам социально-психологического исследования в Национальной библиотеке Республики Бурятия была опубликована статья о качестве библиотечного общения между библиотекарями и читателями. «Качество библиотечного общения рассматривалось как разница между ожиданиями читателя позитивных отношений к себе, активность проявления которых адекватна ситуации взаимодействия и реальным качествам общения» [8, с. 92]. Исследование выявило, что качество обслуживания пользователей выше уровня качества общения [8].

С целью повышения профессионального самообразования библиотекарей Бурятии в журнале печатались авторские рецензии на актуальные библиотечные издания (книги), почти все из них были присланы ему в подарок.

Две рекомендуемые книги Д.К. Равинского освещают роль библиотек в жизни местного сообщества в США, Великобритании, Франции, Японии и других странах в ракурсах: защита и поддержка гражданского и человеческого достоинства, чувства самоуважения и т.д. Интересен опыт взаимодействия зарубежных библиотекарей с коллегами, пользователями.

В другой рецензии идет размышление о креативном библиотечном пособии Н.П. Опариной, посвященном культурно-просветительской деятельности общедоступной библиотеки.

Директор инновационной библиотеки для молодежи И.Б. Михнова представляет ее в своей книге как библиотеку возможностей, в которой реализуется концепция 4С-самообразование, самореализация, самоидентификация, самопознание.

Важным ресурсом для самообразования библиотекарей можно считать книгу С.Г. Матлиной «Библиотечное пространство: воображаемый образ и реальность» (Москва. Библиомир. 2015). В монографии многоаспектно раскрывается процесс реализации пространственного подхода в деятельности публичной библиотеки.

В качестве настольной книги для школьного библиотекаря рекомендуются книги И.И. Тихомировой «Педагогическая деятельность школьного библиотекаря» (об основных направлениях их деятельности: образование, обучение, воспитание, развитие с читателями детьми) и «Библиотечная педагогика или воспитание книгой».

Не обойдена вниманием книга М.Я. Серебряной и Г.Н. Швецовой-Водка о типологии чтения и читателях художественной литературы.

Из книг по проблемам библиотечной профессионалогии Т.Ф. Каратыгиной, отрецензированных в журнале, хочется отметить книгу «Свети и будет светло». Логическая связь с проблематикой этого

издания прослеживается с книгой замечательного специалиста в сфере ББК и многих других библиотечных проблем – Э.Р. Сукиасяна «Библиотечная профессия и кадровый менеджмент».

Рекомендация фундаментальной книги В.С. Крейденко «Библиотечные исследования» тесно связана с воспоминанием о педагоге Владимире Семеновиче, совместной научно-исследовательской работе с ним в студенческие годы.

Особняком стоит рецензия на фундаментальный труд по межличностной коммуникации, написанный психологами, преподающими ее в отечественных и зарубежных вузах: «Межличностная коммуникация: теория и жизнь» (авторы: О.И. Матяш, В.Т. Погольша, Н.В. Казаринова, С. Биби, Ж.В. Зарицкая).

Личность профессионала всегда в центре внимания коллег. С этой целью на страницах журнала опубликовано 11 портретных характеристик библиотечников, библиографов, которые были тесно связаны с Республикой Бурятия, с институтом культуры, с журналом «Библиопанорама».

Среди них имена библиотекарей Национальной библиотеки Республики Бурятия – В.М. Чемерис, Р.И. Хамаганова, педагогов ВСГИК, впоследствии ставших докторами педагогических наук, внесших вклад в разработку значимых профессиональных проблем – Н.С. Карташов, В.С. Крейденко, И.Г. Моргенштерн.

Психологический портрет члена редколлегии журнала,

известного ученого В.К. Ключева раскрыт с использованием трансакционного анализа Э. Берна, охарактеризованы его Эго-состояния: Родителя, Взрослого и Ребенка. В ракурсе Я-концепции личности (Р. Бернса) освещена научная деятельность известного библиографоведа, в прошлом выпускницы и педагога ВСГИК Г.Н. Швецово-Водка. Портретные зарисовки посвящены талантливым педагогам ВСГИК, его выпускникам: З.Д. Дамбиновой и В.В. Гапоненко, Р.Б. Файн, выпускнику вуза, ставшему впоследствии народным пушкинстом, удостоенным почетного

звания участника финальной всероссийской викторины «Ай да Пушкин», педагогу библиотечных дисциплин библиотечного колледжа Биробиджана.

Таким образом, в вышедших за 11 лет номерах журнала «Библиопанорама», было опубликовано более 50 материалов автора. Прделанный опыт работы будет способствовать определению перспективных путей исследования данной проблематики и их освещению в материалах международных, всероссийских конференций и специальной периодике – журналах РИНЦ и ВАК.

Примечания

1. Езова С. А. Библиотечное общение как предмет авторского исследования // Профессиональное общение: новые нюансы и аспекты : науч.-практ. пособие. М. : Либерей-Бибинформ, 2012. С. 88-94.

2. Езова С. А. Этика библиотечного общения: самопрезентация авторского исследования // Сохранение, изучение и популяризация наследия: опыт участия и векторы развития : материалы Всерос. с междунар. участием науч.-практ. конф. (18 апр. 2019 г. Республика Бурятия, г. Улан-Удэ). Улан-Удэ : Изд.-полигр. комплекс ФГБОУ ВО ВСГИК, 2019. Т. 1. С. 235-238.

3. Ванеев А. Н. Профессиональная трибуна библиотекарей Бурятии // Библиотечное дело. 2014. № 19. С. 2-4.

4. Заводнова Т. Качество библиотечного общения (по результатам социально-психологического исследования в Национальной библиотеке Республики Бурятия) // Библиопанорама. 2009. № 1. С. 92-96.

5. Проскурякова Л. В. Национальная библиотека Республики Бурятия как поликультурный центр // Библиопанорама. 2010. № 2. С. 40-43.

6. Орлова О.В. Некоторые аспекты публичной деятельности ЦГБ им. И.К. Калашникова г. Улан-Удэ // Библиопанорама. 2019. № 1. С. 65-71.

7. Кондратьева Ц. Р. Библиотечное пространство (на примере Центра чтения юношества им. Д. Р. Батожабая ГАУК РБ РДЮБ) // Библиопанорама. 2018. № 2. С. 14-17.

8. Эрдыниева О. А. Клубы по интересам: новая парадигма // Библиосфера. 2020. № 1. С. 71-74.

References

1. Ezova S. A. Bibliotechnoje obshchenije kak predmet avtorskogo issledovanija [Library communication as a subject of the author's research] // Professional'noje obshchenije : novyje nuansy i aspekty [Professional communication: new nuances and aspects: scientific and practical manual]. Moscow, 2012. Pp. 88-94. [In Russ.].
2. Ezova S. A. Etika bibliotechnogo obshchenija: samoprezentacija avtorskogo issledovanija [Ethics of library communication: self-presentation of the author's research] // Sokhraneniye, izuchenije i populjarizacija nasledija: opyt uchastija i vektory razvitija : materialy Vseros. s mezhdunar. uchastijem nauch.-prakt. konf. (18 apr. 2019 g. Respublika Burjatija, g. Ulan-Ude [Preservation, study and popularization of heritage: experience of participation and vectors of development: materials of the All-Russian scient.- pract. conf. with intern. participation, 18 April, 2019, Republic of Buryatia, Ulan-Ude city]. Ulan-Ude, 2019. V. 1. Pp. 235-238. [In Russ.].
3. Vaneev A. N. Professional'naja tribuna bibliotekarej Burjatii [Professional tribune of the librarians of Buryatia] // Bibliopanorama [Bibliopanorama]. 2014. No. 19. Pp. 2- 4.
4. Zavodnova T. Kachestvo bibliotechnogo obshchenija (po rezul'tatam social'no-psihologicheskogo issledovanija v Nacional'noj biblioteke Respubliki Burjatija [The quality of library communication (based on the results of the socio-psychological study in the National library of the Republic of Buryatia) // Bibliopanorama [Bibliopanorama]. 2009. No. 1. Pp. 92-96. [In Russ.].
5. Proskuryakova L. V. Nacional'naja biblioteka Respubliki Burjatija as polikul'turnyj centr [National library of the Republic of Buryatia as a multicultural center] // Bibliopanorama [Bibliopanorama]. 2010. No. 2. Pp. 40-43. [In Russ.].
6. Orlova O. V. Nekotoryje aspekty publichnoj dejatel'nosti CGB im. I.K. Kalashnikova g. Ulan-Ude [Some aspects of the public activity of the CSL named after I.K. Kalashnikov] // Bibliopanorama [Bibliopanorama]. 2019. No. 1. Pp. 65-71. [In Russ.].
7. Kondratyeva Ts. R. Bibliotechnoje prostranstvo (na primere Centra chtenija junoshstva im. D.R. Batozhabaja GAUK RB RDJUB [Library space (on the example of the Youth reading center named after D.R. Batozhabai GAIC RB RCUL) // Bibliopanorama [Bibliopanorama]. 2018. No. 2. Pp. 14-17. [In Russ.].
8. Erdynieva O. A. Kluby po interesam: novaja paradigma [Interest clubs: a new paradigm] // Bibliosfera [Biosphere]. 2020. No. 1. Pp. 71-74. [In Russ.].

ОБРАЗОВАНИЕ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА

DOI 10.31443/2541-8874-2022-1-21-120-128

УДК 378.14-056.24(571.54-25)

Редько Т. Л., Сергеева Е. Б.

ОРГАНИЗАЦИЯ ИНКЛЮЗИВНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ В ВУЗЕ КУЛЬТУРЫ

В данной статье рассматриваются особенности организации и возможности образовательной среды вуза культуры для включения инклюзии в образовательный процесс. В статье приводятся данные, на основе которых строится инклюзивное образование с учетом требований, регламентирующих порядок организации образовательного процесса и специальных условий для лиц с инвалидностью и ОВЗ.

Ключевые слова: инклюзия, инклюзивность, образование, инклюзивное образование, образовательная среда, образовательное пространство, культура, инвалидность, лица с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), доступность, организация, сопровождение.

Redko T. L., Sergeeva Ye. B.

ORGANIZATION OF THE INCLUSIVE EDUCATIONAL ENVIRONMENT IN THE HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTION OF CULTURE

The article considers the peculiarities of organizing and possibilities of the educational environment in the higher learning institution of culture for including inclusion into the educational process. The article gives the data on which the inclusive education is built in accordance with the demands regulating the organization of the educational process and special conditions for the people with disabilities.

Keywords: inclusion, inclusiveness, education, inclusive education, educational environment, educational space, culture, disability, peoples with disabilities, accessibility, organization, assistance.

Инклюзия меняет социальное пространство вокруг человека. Формируя каждый компонент, у каждого учреждения образования появляется особая интегративная характеристика – инклюзивность, которую можно оценивать.

Инклюзивность – это разработка специализированных

программ и мероприятий, предназначенных непосредственно для людей с инвалидностью; разработка инклюзивных программ, в которых участвуют как люди с инвалидностью, так и люди без инвалидности.

При определении понятия инклюзивной образовательной

среды как относительно нового явления для отечественного образования, научное исследование которого находится в начале пути, важно акцентировать внимание на субъектном подходе, так как именно субъекты формируют, структурируют среду, наполняют ее смыслами, ценностями, содержанием, способами взаимодействия. Включаясь в нее, субъекты становятся частью среды, носителями ее культуры, испытывают на себе ее влияние, пользуются объектами, ресурсами, при этом преобразовывают, развивают ее в соответствии с поставленными целями [3, с. 143].

В этом аспекте импонирует понимание образовательной среды, данное Е.И. Исаевым, В.И. Слободчиковым: «Само возникновение и существование образовательной среды обусловлено самими субъектами образования – и как живыми носителями предметного содержания культуры, и как персонификаторами данного содержания образования» [1, с. 420].

Исходя из вышеизложенного, можно сформулировать следующее определение инклюзивной образовательной среды. Это часть социокультурной реальности, конструируемой субъектами образования, создающими многообразие актуальных и потенциальных ресурсов для вовлечения в совместную деятельность, общение каждого согласно индивидуальным особенностям и возможностям в целях взаимо- и со-развития, культурно-ценностной общности ее участников. Данное

понимание требует операционализации с целью проектирования, диагностики и оценки инклюзивности среды, динамики развития ее субъектов [3, с. 144].

Среди признаков, характерных для инклюзивного образования, выделяют следующие условия: архитектурная доступность для обучающихся с инвалидностью и с ограниченными возможностями здоровья; материально-техническая оснащенность учебного процесса, применение ассистивных средств в соответствии с потребностями обучающихся; осуществление сопровождения со стороны специалистов; применение адаптированных программ обучения, адаптивных способов обучения и коммуникации; включение всех обучающихся в жизнь коллектива, обеспечение доступного участия в мероприятиях; развитие инклюзивной культуры внутри студенческого сообщества; осуществление методической поддержки педагогов; действие соответствующих локальных нормативных актов, обеспечивающих права инвалида и его семьи на полноценное участие и поддержку в образовательном процессе [2, с. 21].

По данным Федерального реестра инвалидов РФ (<https://sfri.ru/analitika/chislennost/chislennost/chislennost-po-vozzrastu>) на 1 марта 2022 года в стране насчитывается 489 789 человек, в возрасте от 18 до 30 лет, из них 27 791 человек проживает на территории Дальневосточного Федерального округа, в Республике Бурятия – 4254.

Инвалидизация молодого поколения неуклонно растет, а, следовательно, потребность в получении высшего образования молодыми инвалидами и лицами с ОВЗ также будет возрастать.

Создание специальных условий, в частности, в Восточно-Сибирском государственном институте культуры, для получения высшего образования инвалидами и лицами с ОВЗ регламентируется нормативно-правовой базой, опирающейся на основные федеральные законы, нормативные акты профильных министерств и ведомств, ФГОС ВО по направлениям подготовки и специальностям, реализуемым в учреждении; Уставом ФГБОУ ВО ВСГИК; Целевой программой вуза по поэтапному повышению уровня доступности объектов и услуг для студентов категории лица с ОВЗ и инвалидностью на 2016-2030 гг. и др.

Помимо приведенной выше нормативно-правовой базы, организация инклюзивной образовательной среды включает ряд направлений и мер, которые способствуют упорядочению мероприятий интегративной политики вуза. Согласно федеральным требованиям разработаны и утверждены паспорта доступности всех объектов социальной инфраструктуры вуза, ежегодно корректируется и реализуется план работы ВСГИК по улучшению условий доступности для лиц с ОВЗ и инвалидностью.

Центр психологического сопровождения и арт-терапии является структурным подразделением

вуза, в задачи которого входят психолого-педагогическое сопровождение инвалидов и лиц с ОВЗ. Руководителем центра психологического сопровождения и арт-терапии является заведующий кафедрой педагогики и психологии Андреева Л.А. Центром выстроена систематическая работа со студентами с инвалидностью и ОВЗ, проводятся психологические тренинги по успешной адаптации в образовательную и социальную среду вуза, а также занятия, направленные на развитие коммуникативных качеств.

В целях поддержки функционирования системы инклюзивного образования инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья в субъектах Российской Федерации, институт зарегистрирован на портале инклюзивного высшего образования (<http://ivo.mininuniver.ru/>). На данном портале размещены методические рекомендации по работе со студентами с ОВЗ, адаптивные учебно-методические пособия по дисциплинам гуманитарного блока.

На официальном сайте вуза имеется самостоятельный раздел «Доступная среда», на котором размещена информация о нормативных документах (<https://www.vsgaki.ru/available-environment-/information-on-normative-documents/>), регламентирующих порядок организации образовательного процесса и специальных условий для лиц с инвалидностью и ОВЗ. Также внедрена адаптированная версия сайта для лиц с нарушением зрения.

Информация отражена на информационных стендах приемной комиссии вуза, административно-управленческого аппарата, деканатов и профкома студентов. Информация о лицах, обеспечивающих доступность и качество образования для лиц с ограниченными возможностями здоровья содержится на информационных стендах, официальном сайте (<https://www.vsgaki.ru/available-environment-/information-on-individuals-ensuring/>) и других медиаплатформах вуза. Ответственным за работу по повышению доступности и качества образования для категории лиц с ОВЗ и инвалидностью, организацию профориентационной работы, а также содействие по трудоустройству выпускников с инвалидностью является проректор по учебной и воспитательной работе Т.Л. Редько.

Приемная кампания вуза проходит с учетом требований инклюзивного образования, особое внимание уделяется абитуриентам категории лиц с ОВЗ и инвалидностью, этот вопрос входит в компетенции заместителя ответственного секретаря приемной комиссии и ответственного за сопровождение и консультирование людей с инвалидностью и лиц с ОВЗ.

В целях создания комфортной доступной образовательной среды ведется работа по внедрению адаптированных образовательных программ и методов обучения и воспитания, специальных учебников, учебных пособий и дидактических материалов,

специальных технических средств обучения коллективного и индивидуального пользования, предоставление услуг ассистента (помощника), оказывающего лицам с ОВЗ и инвалидностью помощь (при необходимости) и при наличии заявления, проведение групповых и индивидуальных коррекционных занятий, обеспечение доступа в здание института. В институте организовано включенное обучение данной категории обучающихся в составе академических групп.

Перечень адаптационных учебных дисциплин основных профессиональных образовательных программ высшего образования включает 17 учебных дисциплин. По программам уровня подготовки бакалавриат разработано и адаптировано 5 учебных дисциплин, уровень магистратура – 6 учебных дисциплин, для специалитета – 5 учебных дисциплин, для аспирантуры – 1. Рабочие программы учебных дисциплин каждого направления подготовки, вне зависимости от формы обучения, уровня, профиля/направленности содержат методические рекомендации по процедуре текущего и промежуточного контроля обучающихся с ОВЗ и инвалидностью. При необходимости текущий и промежуточный контроль обучающихся с ОВЗ и инвалидностью проводится с использованием фондов оценочных средств, адаптированных к ограничениям их здоровья и восприятия информации, в том числе с использованием специальных технических средств.

Адаптированные профессиональные образовательные программы для обучения лиц с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья разработаны по 100% реализуемым основным профессиональным образовательным программам. Программы размещены на официальном сайте вуза (<https://www.vsgaki.ru/available-environment-education-students/>).

Практическая подготовка, ее форма и содержание реализуется на основе договоров о практике между вузом и базами практик. В договорах о практической подготовке прописаны все условия, с учетом медицинских и индивидуальных показателей и функций организма, до доступности мест прохождения практики. Обучающиеся имеют право на самостоятельный выбор баз практик, помощь и консультирование ответственного за практику, помощь при подготовке ответственных мероприятий и программ.

В рамках реализации запланированных мероприятий изучается рынок труда для данной категории и оценка состояния рабочих мест для инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья; создаются условия, способствующие расширению возможностей рационального трудоустройства 46 выпускников из числа инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья; расширяются формы взаимодействия с социальными партнерами.

Стоит отметить, что в вузе создана материально-техническая

база, приспособленная к пребыванию в здании людей с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья. В учебном корпусе института обеспечены условия беспрепятственного, безопасного и удобного передвижения маломобильных обучающихся, обеспечения доступа к зданию: разработаны и лицензированы план-схемы маршрута, на всех объектах инфраструктуры расположены таблички со шрифтом Брайля, установлен пандус без перепада высот, установлена кнопка с радиоустройством, для вызова сотрудника; лестничный подъемник модели S-Max Sella D135; мнемосхемы; телескопический пандус в столовой; бегущая строка; тактильные знаки. Студгородок института также оборудован пандусами входных групп, кнопками с радиоустройством для вызова сотрудника, мнемосхемами, табличками со шрифтом Брайля. В дальнейшем, в соответствии с регламентирующими требованиями, обеспечивающими включение в образовательную среду людей с инвалидностью, возможно развитие и улучшение материально-технического оснащения здания и доступности среды.

В настоящее время в вузе достигнута цель 100% обучения научно-педагогических работников по программам курсов повышения квалификации и стажировок, тематика которых отвечает современным требованиям включения инклюзии в образовательный процесс. В целом, НПП и вспомогательный персонал вуза

выразили готовность пройти подготовку и повысить свои профессиональные компетенции для работы в условиях инклюзивного пространства.

В целях адаптации образовательного процесса предусмотрены специализированное оборудование и технические средства, для обеспечения учебного процесса и самостоятельной работы лиц с ограниченными возможностями здоровья для лиц с нарушениями зрения, слуха, опорно-двигательного аппарата и других индивидуальных особенностей. Обучающиеся из числа лиц с ограниченными возможностями здоровья имеют свободный и бесплатный доступ к электронным информационным и образовательным ресурсам, программному обеспечению, в т.ч. в формах, адаптированных к ограничениям их здоровья. Образовательные программы реализуются с применением дистанционных образовательных технологий, в том числе система управления обучением Moodle.

Оценивая данные по набору обучающихся категории лиц с ОВЗ и инвалидностью, можно отметить, что за последние четыре учебных года отмечается сохранение стабильных показателей при приеме и обучении в вузе. Студенты данной категории были приняты на все уровни и формы обучения за указанный период. Заслуживает внимания тот факт, что с 2018-2019 учебного года по настоящее время, наибольшее количество обучающихся с инвалидностью и лиц с ОВЗ проходило обучение на гуманитарно-информационном факультете. Оценивая показатели, можно констатировать, что от общей численности обучающихся категории лиц с ОВЗ и инвалидностью в вузе, студенты данного факультета составляют 56,6%. На факультете музыкального и хореографического искусства процент обучающихся составляет 24,1% от общего количества рассматриваемой категории за тот же период времени, на ФСКДНиТ – 14,9%, на факультете искусств – 4,2%.

Таблица 1

Количество обучающихся в ФГБОУ ВО ВСГИК за период
с 2018-2019 уч.г. по 2021-2022 уч. г.

Учебный год	ГИФ	ФСКДНиТ	ФМХИ	ФИС	Итого
Очная форма обучения					
2018-2019 гг.	16	4	6	1	27
2019-2020 гг.	15	4	6	-	25
2020-2021 гг.	15	2	7	1	25
2021-2022 гг.	14	2	6	2	24
Заочная форма обучения					
2018-2019 гг.	4	1	1	1	7
2019-2020 гг.	2	1	1	-	4
2020-2021 гг.	2	2	1	-	5
2021-2022 гг.	-	2	1	-	3

В динамике, по годам обучения, наибольшие показатели по контингенту категории лиц с ОВЗ и инвалидностью можно отметить в 2018-2019 учебном году по очной форме обучения – 27 человек, по заочной форме – 7 человек, далее по годам прослеживается тенденция к небольшому снижению показателей. Наименьшие показатели по вузу можно констатировать в 2021-2022 учебном году: на очной форме обучения – 24 человека из числа инвалидов и лиц с ОВЗ, на заочной форме обучения – 3 человека.

Инклюзивный подход к обучению в вузе для лиц с особыми потребностями определяет интегративный характер образовательной среды. При всестороннем рассмотрении инклюзивной образовательной среды вуза можно выделить основные составляющие:

обучение, социализация, воспитание. Между этими составляющими прочная взаимозависимость, поскольку обучение невозможно без воспитания, включает воспитательную функцию; воспитание базируется на принципах и условиях обучения; социализация и развитие строится на диалектическом единстве и взаимозависимости обучения и воспитания. Выпадение из этой триады даже одного элемента уже не позволяет утверждать, что инклюзия состоялась.

Изучив методологический, методический, организационный и воспитательный потенциал инклюзивной образовательной среды вуза, нами были выявлены основополагающие индикаторы инклюзии в обучении, воспитании и социальном развитии категории лиц с особыми потребностями.

Индикаторы инклюзии в процессе обучения

Обучение	Социализация	Воспитание
<ul style="list-style-type: none"> - адаптация образовательной политики вуза в отношении лиц с ОВЗ и инвалидов; - создание единой психологически комфортной среды для пребывания данной категории обучающихся; - инкорпорация функций, принципов, ценностей, идей инклюзивного образования; - формирование личной позиции руководителей вуза как важнейший показатель инклюзии; - проведение структурных преобразований образовательной среды; - внедрение проектных решений образовательного пространства вуза; - индивидуальная направленность в обучении. 	<ul style="list-style-type: none"> - социальная интеграция; - обеспечение стартовых возможностей для личного, социального и профессионального роста и развития; - устранение коммуникативных барьеров, расширение круга общения; - развитие социальных навыков и позитивного взаимодействия; - обретение социальных статусов и ролей в коллективе; - развивающие и коррекционные подходы в обучении; - сотрудничество педагогов и студентов с ОВЗ и инвалидностью; - развитие инклюзивной культуры внутри студенческого сообщества. 	<ul style="list-style-type: none"> - создание мотивирующего окружения; - интеграция в социально-культурное и воспитательное пространство вуза; - формирование толерантного отношения в студенческой и педагогической среде; - действие принципов социального воспитания; - включение обучающихся с ОВЗ и инвалидностью в жизнь коллектива, обеспечение доступного участия в жизни вуза, основных мероприятиях структурных подразделений.

Рассматривая в данной статье особенности организации и возможности образовательной среды вуза культуры для включения инклюзии в образовательный процесс, был проведен всесторонний анализ существующего порядка интеграции обучающихся с особыми потребностями. В основе своей были приведены данные, на которых строится инклюзивное образование с учетом требований, регламентирующих порядок организации образовательного процесса и специальных условий для

лиц с инвалидностью и ОВЗ. Можно сделать вывод о том, что при трансформации образовательной среды вуза культуры, с учетом современных требований инклюзии, произошли качественные преобразования всех элементов образовательной, организационно-воспитательной, социальной и прочей инфраструктуры вуза, способствующие успешному процессу получения высшего образования во ВСГИК студентами с ОВЗ и инвалидностью.

Примечания

1. Исаев Е. И., Слободчиков В. И. Психология образования человека: Становление субъектности в образовательных процессах : учеб. пособие. М. : Изд-во ПСТГУ, 2014. 432 с.

2. Инклюзивное образование: непрерывность и преемственность : материалы V Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 23-25 окт. 2019 г.) / гл. ред. С. В. Алехина. М. : МГППУ, 2019. 488 с.

3. Макарова Н. В., Анохина В. С., Богомолова К. С. Проектная деятельность студентов в создании инклюзивной культуры педагогического вуза // Педагогический вестник. 2018. Вып. 5. С. 68-71. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_37152034_21897866.pdf (дата обращения: 05.01.2022).

References

1. Isaev E.I., Slobodchikov V.I. Psikhologija obrazovanija cheloveka : Stanovlenije subjektnosti v obrazovatel'nykh processakh : ucheb. posobije [Psychology of human education: Formation of subjectivity in the educational processes : manual]. M., 2014. 432 p. [In Russ.].

2. Inkljuzivnoje obrazovanije: nepreryvnost' i preemstvennost' : materialy V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Moskva, 23-25 okt, 2019 g.) [Inclusive education: continuity : proceedings of the V Intern. scient.-pract. conf. (Moscow, 23-25 Oct. 2019) / chief editor S.V. Alyekhin. M., 2019. 488 p. [In Russ.].

3. Makarova N.V., Anokhina B.S., Bogomolova K.S. Projektnaja dejatel'nost' studentov v sozdanii inkljuzivnoj kul'tury pedagogicheskogo vuza [Students' project activity in creating inclusive culture of the pedagogical higher educational institution] // Pedagogicheskij vestnik [Pedagogical bulletin]. 2018. Issue 5. Pp. 68-71. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_37152034_21897866.pdf (05.01.2022). [In Russ.].

Арбатская О. А.

ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЦИФРОВОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ В ПОДГОТОВКЕ КАДРОВ ДЛЯ СФЕРЫ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА

В статье сформулированы принципы формирования цифровой компетентности в подготовке кадров для сферы культуры и искусства, рассматривается система формирования цифровой компетентности обучающихся в Восточно-Сибирском государственном институте культуры, реализующая эти принципы.

Ключевые слова: цифровая компетентность, цифровые компетенции, общепрофессиональная компетенция, формирование цифровой компетентности, принципы формирования цифровой компетентности.

Arbatskaya O.A.

PRINCIPLES OF DIGITAL COMPETENCE FORMATION IN TRAINING PERSONNEL FOR THE SPHERE OF CULTURE AND ART

The principles of the of digital competence formation in training the personnel for the sphere of culture and art have been formulated in the article. The system of formation of digital competence of the students of East Siberian state institute of culture, which implements these principles, is considered.

Keywords: digital competence, digital competencies, general professional competence, digital competence formation, principles of digital competence formation.

Цифровая компетентность становится одной из важнейших требований к современному профессионалу в любой области, что обусловлено устойчивой тенденцией к глобальной цифровизации во всех сферах жизнедеятельности человека. Сформированная цифровая компетентность признается в работе Шумейко А.А. «одним из показателей качественной подготовки будущего конкурентоспособного специалиста, отвечающего запросам рынка труда» [7]. В

работе Ольховой Т. А. и Садовой В. А. цифровая компетентность студентов университета рассматривается как «ресурс конкурентоспособности будущего профессионала» [3].

Подготовка кадров с необходимым и достаточным для успешной профессиональной деятельности уровнем цифровой компетентности становится одной из целей цифровой трансформации вузов [1]. Для реализации этой целевой установки есть необходимость

обоснования термина «цифровая компетентность», представления о структуре цифровой компетенции выпускника, принципах и специфике её формирования при подготовке кадров гуманитарных специальностей.

В работе Валиулиной Ч.Ф. отмечается многообразие трактовок «цифровая компетентность», цифровая грамотность», разнообразие содержания и наполнения понятий [2]. Особенно это касается толкования терминов «компетенция» и «компетентность», в частности, либо их отождествление, либо толкование компетентности как совокупности компетенций. На недостаточный уровень изученности понятия цифровая компетентность указывается в работе Шумейко А.А. [7].

Полагая, что современные понятия «цифровая компетентность» и «цифровые компетенции» являются родственными понятиям «ИКТ-компетентность» и «ИКТ-компетенции», для которых уже имеется теоретическое обоснование и опыт практической реализации, определение и составляющие ИКТ-компетентности трансформируются в цифровую компетентность. В диссертации Сэкулич Н.Б. ИКТ-компетентность – сложившееся личностное качество выпускника с мотивационной, функциональной и коммуникативной составляющими; ИКТ-компетенции – формируемые качества в процессе достижения компетентности [6]. В работах, посвященных разным аспектам цифровой компетентности выпускника вуза, цифровая компетентность также

рассматривается как «личностно-субъектное обретение, т.к. оно становится результатом саморазвития обучающегося, синтеза его деятельностного и личного опыта» [4], «носит личностно-субъектный характер, поскольку выступает результатом саморазвития обучающегося» [7].

В ряде работ наметились подходы к рассмотрению структуры цифровой компетентности, уровня сформированности цифровой компетентности. В то же время остаются открытыми вопросы траектории, методов и средств формирования цифровой компетентности в ходе вузовской подготовки. В образовательных программах вузов культуры во ФГОСЗ++ предусмотрена одна профессиональная компетенция, от которой приходится отталкиваться, выстраивая систему формирований цифровой компетентности выпускников. Некоторые подходы к путям формирования цифровой компетентности работника культуры намечены в статье Савич Л.Е. и Ключенок Т.И. [5].

В данной работе нами рассматриваются и иллюстрируются принципы формирования цифровой компетентности, на основе которых выстраивалась структура и траектория её формирования в Восточно-Сибирском государственном институте культуры. Процесс формирования цифровой компетентности выпускника вуза рассматривается нами как система, целью которой является подготовка специалиста в области культуры, обладающего цифровыми компетенциями на современном уровне,

необходимыми для профессиональной деятельности. Такой подход требовал выстроить общую концепцию формирования цифровой компетентности у будущих работников культуры, определить содержание дисциплин, формирующих цифровую компетентность, образовательные технологии, учебно-методическую и программно-техническую базу.

Сформулировано шесть принципов формирования цифровой компетентности в вузе культуры: практико-ориентированность; уровневость; профессиональная ориентированность; кластеризация по функциональной направленности; персонализация; динамичность (рис.1).

Рис. 1. Принципы формирования цифровой компетентности в вузе культуры

Согласно принципу уровневости можно различать четыре уровня формирования цифровой компетентности: начальный,

базовый, профессиональный, продвинутый.

Начальный уровень реализуется в школьном образовании: обучающиеся получают общие

теоретические знания и умения по логико-математическим основам цифровых технологий и основам программирования, информационной культуре.

Формирование цифровой компетентности в вузе продолжается на базовом и профессиональном уровнях. С 2020 года в учебные планы по ФГОС3++ всех направлений подготовки бакалавриата и специалитета ВСГИК для первокурсников внедрена новая дисциплина «Информационно-коммуникационные технологии». Назначение этой дисциплины – формирование общепрофессиональной компетенции «Способен понимать принципы работы современных информационных технологий и использовать их для решения задач профессиональной деятельности» на базовом уровне. Нами были определены индикаторы этой компетенции:

1. применяет программные средства для решения стандартных задач профессиональной деятельности;

2. применяет средства телекоммуникаций, информационные системы и сервисы интернета для решения стандартных задач профессиональной деятельности;

3. применяет веб-технологии и веб-сервисы для решения стандартных задач профессиональной деятельности.

Содержание дисциплины «Информационно-коммуникационные технологии» и методика обучения построены в соответствии этими индикаторами.

Дальнейшее формирование цифровой компетенции в вузе

реализуется на продвинутом уровне при обучении в магистратуре, аспирантуре, а также по персональной траектории.

Как видно из формулировок индикаторов, общепрофессиональная компетенция является практико-ориентированной, в отличие от аналогичных компетенций для образовательных программ технического профиля. При реализации дисциплины «Информационно-коммуникационные технологии» используется соответствующее программно-техническое обеспечение. Программно-техническая инфраструктура вуза, обеспеченность доступа к цифровым платформам и сервисам, наличие лицензионного программного обеспечения – это среда, которая обеспечивает качество формирования цифровых компетенций обучающихся.

Образовательные технологии, применяемые при реализации дисциплины «Информационно-коммуникационные технологии», обусловлены её спецификой. Для проведения поточных лекций используется технология визуализации, в которой структура лекции, тезисы, иллюстрации, схемы демонстрируются на экране, в том числе динамическая визуализация примеров в программных приложениях и на онлайн-платформах. На практических занятиях используются технологии мастер-класса преподавателя и решения практической задачи с предоставлением отчета или цифрового информационного продукта, который оценивается путем сравнения с образцом или по совокупности критериев.

Самостоятельные практические работы студентов реализуются в форме персональных профессионально-ориентированных проектов создания цифровых информационных продуктов (реферат, презентация, смета для мероприятия, веб-сайт, анкета, буклет, видеofilm и другие).

В персональных проектах частично реализуется принцип профессиональной ориентированности формируемой цифровой компетентности, которая в дальнейшем продолжает формироваться в рамках специальных дисциплин, на профессиональном уровне.

В учебных планах бакалавриата и специалитета ВСГИК есть два вида дисциплин, формирующих цифровые компетенции [1]:

а) дисциплина, формирующая базовые цифровые компетенции обучающихся всех направлений подготовки – «Информационно-коммуникационные технологии»;

б) дисциплины, формирующие профессионально-ориентированные цифровые компетенции или профессиональные и цифровые компетенции в рамках образовательной программы.

Например, в образовательной программе 51.03.06 Библиотечно-информационная деятельность это: «Информационная культура», «Информационные технологии в библиотечно-информационной деятельности», «Автоматизированные библиотечно-информационные системы», «Web-технологии в работе библиотек»; в программе 54.03.01 Дизайн – «Технология трехмерного моделирования и анимации», «Компьютерная графика в

дизайне», «Графический дизайн», «Цифровая фотовидеофиксация»; в программе 51.05.01 Звукорежиссура – «Информационные технологии в музыке», «Компьютерная аранжировка», «Цифровые аудио-технологии».

При формировании цифровой компетентности на каждом уровне реализуется также принцип кластеризации компетенций по функциональной направленности: обучение, наука, практика (профессиональная деятельность).

Обучение. При формировании базовой цифровой компетенции в рамках дисциплины «Информационно-коммуникационные технологии» предусматривается обучение работе в цифровой среде вуза (ЭИОС). Обучение ведется в электронном курсе на платформе Moodle, где размещены информационные ресурсы курса: лекции, учебно-наглядные пособия, методические рекомендации по изучению дисциплины; обучающие элементы: тесты самоконтроля по каждой теме, задания для практических и самостоятельных работ; итоговый тест.

Наука. Бакалавры получают представление о структуре научного текста, осваивают технологию его оформления, изучают методы поиска в электронных каталогах и электронных библиотеках, правила оформления библиографических списков. В заданиях одной из тем изучаются особенности эксплуатации АИС различных типов, в том числе электронные сервисы для учебной и научной деятельности.

Дальнейшее формирование этой компоненты цифровой компетенции продолжается в рамках дисциплин следующих уровней обучения. Для магистратуры и аспирантуры доля научного кластера возрастает: изучается работа автора в РИНЦ, системе Антиплагиат и др.

Практика. Профессионально-ориентированные проекты создания информационных продуктов (реферат, презентация, смета для мероприятия, веб-сайт, анкета, буклет, видеофильм) выполняются студентами в общем курсе «Информационно-коммуникационные технологии». Этот кластер компетенций получает свое развитие в профессионально-ориентированных дисциплинах направлений подготовки (специальности), а также в курсовых работах (проектах), в ходе практик.

Возможности обучения в электронном курсе позволяют в некоторой степени персонализировать траекторию обучения и формирование цифровой компетенции. Персонализация проявляется и в возможности обучаться в своем темпе, выбирать некоторые задания из предлагаемых вариантов в электронном курсе. Персонализация траектории формирования цифровой компетенции реализуется также при выборе и

выполнении самостоятельных персональных проектов создания информационных цифровых продуктов, а в дальнейшем, посредством изучения курсов по выбору – получения дополнительного образования на факультативах, курсах повышения квалификации и профессиональной переподготовки, в том числе на базе других учебных заведений.

Практика обучения студентов, слушателей различных курсов повышения квалификации и профессиональной переподготовки цифровым компетенциям показала, что в программах подготовки требуются постоянные изменения. Это обусловлено общей тенденцией к динамичному процессу цифровизации во всех направлениях общественной жизни. Поэтому формирование цифровой компетенции не заканчивается на обучении в рамках какой-либо дисциплины в таком-то году, получения диплома или сертификата; это – процесс динамический в соответствии с современной парадигмой.

Реализуемая вузом на основе этих принципов система формирования цифровой компетентности выпускника ВСГИК является открытой для дальнейшего её развития в условиях цифровой трансформации общества, отрасли культуры, вуза.

Примечания

1. Арбатская О. А. Цифровизация образовательной деятельности Восточно-Сибирского государственного института культуры // Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры. 2021. № 4 (20). С. 136-148.

2. Валиуллина Ч. Ф. Формирование цифровой компетентности будущих специалистов в процессе профессиональной подготовки // Вектор

развития управленческих подходов в цифровой экономике : материалы III Всерос. науч.-практ. конф. Казань, 2021. С. 447-452. URL: <https://www.elibrary.ru> (дата обращения: 20.03.2022).

3. Ольховая Т. А., Садова В. А. Цифровая компетентность студентов университета как ресурс конкурентоспособности будущего профессионала // Тенденции развития образования: педагог, образовательная организация, общество – 2021. Чебоксары, 2021. С. 84-91. URL: <https://www.elibrary.ru> (дата обращения: 20.03.2022).

4. Приходько О. В. Особенности формирования цифровой компетентности студентов вуза // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2020. Т. 9, № 1(30). С. 235-238. URL: <https://www.elibrary.ru> (дата обращения: 20.03.2022).

5. Савич Л. Е., Ключенко Т. И. К вопросу о цифровой компетентности работника культуры // Вестник КазГУКИ. 2020. № 4. С. 41-48. URL: <https://www.elibrary.ru> (дата обращения: 20.03.2022).

6. Сэкулич Н. Б. Интерактивная электронная информационно-образовательная среда университета как средство формирования ИКТ-компетенций студентов. Улан-Удэ, 2018. URL.: <https://www.bsu.ru/content/dissert/679/sekulich-n.b.-dissertaciya.pdf> (дата обращения: 20.03.2022).

7. Шумейко А. А. Формирование цифровых компетенций студентов вуза в условиях новой образовательной парадигмы // Обзор педагогических исследований. 2021. Т. 3, № 4. С. 180-184. URL: <https://opi-journal.ru/archives/category/publications/2021g/tom-3-4> (дата обращения: 20.03.2022).

References

1. Arbatskaya O. A. Cifrovizacija obrazovatelnoj dejatel'nosti Vostochno-Sibirskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury [Digitalization of the educational activity of East Siberian state institute of culture] // Vestnik Vostochno-Sibirskogo gosudarstvennogo instituta kultury [Bulletin of East Siberian state institute of culture]. 2021. № 4 (20). Pp.136-148. [In Russ.].

2. Valiullina Ch. F. Formirovanije cifrovoj kompetentnosti budushchikh specialistov v processe professional'noj podgotovki [The formation of the digital competence of future specialists in the process of professional training] // Vektor razvitija upravlencheskikh podhhodov v cifrovoi ekonomike : materialy III Vseros. nauch.-pract. konf. [Vector of development of managerial approaches to digital economy : materials of the III All-Russian scient.-pract. conf.]. Kazan, 2021. Pp. 447-452. URL: <https://www.elibrary.ru> (20.03.2022). [In Russ.].

3. Olkhovaya T. A., Sadova V.A. Cifrovaja kompetentnost' studentov universiteta kak resurs konkurentosposobnosti budushchego professionala [Digital competence of university students as a resource of competitiveness of a future professional // Tendencii razvitija obrazovanija: pedagog, obrazovatel'naja organizacija, obshchestvo – 2021 [Tendencies of education

development: teacher, educational institution, society]. Cheboksary, 2021. Pp. 84-91. URL: <https://www.elibrary.ru> (20.03.2022). [In Russ.].

4. Prikhodko O. V. Osobennosti formirovanija cifrovoj kompetentnosti studentov vuza [The peculiarities of the digital competence formation of the students of higher educational institution] // Azimut nauchnykh issledovanij: pedagogika i psikhologija [Azimuth of scientific research: pedagogy and psychology]. 2020. T. 9. № 1(30). Pp.235-238. URL: <https://www.elibrary.ru> (20.03.2022). [In Russ.].

5. Savich L. E., Kluchenko T. I. K voprosu o cifrovoj kompetentnosti rabotnika kulture [To the issue of the cultural worker's digital competence] // Vestnik KazGUKI [Bulletin of KazSUCA]. № 4. 2020. Pp.41-48. URL: <https://www.elibrary.ru> (20.03.2022). [In Russ.].

6. Sakulich N. B. Interaktivnaja elektronnaja informacionno-obrazovatel'naja sreda universiteta kak sredstvo formirovanija IKT-kompetencij studentov [Interactive electronic information and educational environment of the university as a means of forming students' ICT competence]. Ulan-Ude, 2018. URL.: <https://www.bsu.ru/content/disser/679/sekulich-n.b.-dissertaciya.pdf> (20.03.2022). [In Russ.].

7. Shumeyko A.A. Formirovanije cifrovyykh kompetencij studentov vuza v uslovijakh novoj obrazovatel'noj paradigmy [Digital competence formation of the students of higher educational institution in the conditions of new educational paradigm] // Obzor pedagogicheskikh issledovanij [The pedagogical research review]. 2021. V. 3. № 4. Pp. 180-184. URL: <https://opi-journal.ru/archives/category/publications/2021g/tom-3-4?> (20.03.2022). [In Russ.].

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. Арбатская Ольга Александровна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры библиотечно-информационных ресурсов ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).

2. Болхосоев Станислав Борисович, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой этнологии и народной художественной культуры ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).

3. Бутакова Василина Дмитриевна, бакалавр 4 года обучения направления подготовки 51.03.04 Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).

4. Ваганова Екатерина Викторовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры музеологии и наследия ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).

5. Галданова Юлия Юрьевна, старший научный сотрудник научно-фондового отдела, заведующая старообрядческим комплексом, ГАУК РБ «Этнографический музей народов забайкалья» (г. Улан-Удэ).

6. Гурова Елена Николаевна, старший научный сотрудник, ГАУК «Иркутский областной краеведческий музей имени Н.Н. Муравьева-Амурского» (г. Иркутск).

7. Дубровин Антон Николаевич, преподаватель кафедры оркестрового дирижирования и народных инструментов, факультета музыки, театра и хореографии, ФГБОУ ВО Тюменский государственный институт культуры (г. Тюмень).

8. Езова Светлана Андреевна, кандидат педагогических наук, профессор кафедры библиотечно-информационных ресурсов ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).

9. Костров Александр Валерьевич, доктор исторических наук, профессор кафедры мировой истории и международных отношений ФГБОУ ВО Иркутский государственный университет (г. Иркутск).

10. Маловичко Евгения Валерьевна, магистрант I курса, направления подготовки 51.04.06 «Библиотечно-информационная деятельность», факультета социально-культурных и информационных технологий ФГБОУ ВО Алтайский государственный институт культуры (г. Барнаул).

11. Матвеева Елена Владимировна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социально-культурной деятельности, старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории истории и теории культуры ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).

12. Махачкеева Галина Виссарионовна, независимый исследователь (г. Улан-Удэ).

13. Неманова Элеонора Аликовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры этнологии и народной художественной культуры ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).

14. Нимаева Ирина Бальжинимаевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры литературы и языкознания ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).

15. Редько Татьяна Леонидовна, кандидат экономических наук, доцент, проректор по учебной и воспитательной работе ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).

16. Сергеева Елена Борисовна, старший преподаватель кафедры социально-культурной деятельности ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).

17. Ткачев Виталий Викторович, аспирант 3 года обучения направления подготовки 46.06.01 Исторические науки и археология, ФГБОУ ВО Иркутский государственный университет (г. Иркутск).

18. Харитонова Светлана Александровна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры социально-культурной деятельности ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).

19. Эрдынеева Снежана Эдуардовна, аспирант 1 года обучения, направления подготовки 46.06.01 Исторические науки и археология ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

1. Arbatskaya Olga Alexandrovna, PhD in Philology, associate professor of the department of library information resources, FSBEI HE «East Siberian state institute of culture» (Ulan-Ude city).

2. Bolkhosoev Stanislav Borisovich, PhD in History, associate professor, chief of the department of ethnology and folk art culture, FSBEI HE «East Siberian state institute of culture» (Ulan-Ude city).

3. Butakova Vasilina Dmitrievna, a 4th-year student, specialization 51.03.04 «Museology and protection of the cultural and natural heritage sites», FSBEI HE «East Siberian state institute of culture» (Ulan-Ude city).

4. Vaganova Yekaterina Viktorovna, PhD in History, associate professor of the department of museology and heritage, FSBEI HE «East Siberian state institute of culture» (Ulan-Ude city).

5. Galdanova Yulia Yuryevna, senior researcher of the Scientific fund department, chief of the Old Believers' complex, SAIC RB «The Ethnographic Museum of the Peoples of Transbaikalia» (Ulan-Ude city).

6. Gurova Yelena Nikolaevna, senior researcher, SAIC «The Irkutsk regional museum of local history named after N.N. Muravyev-Amursky» (Irkutsk city).

7. Dubrovin Anton Nikolaevich, teacher of the department of orchestra conducting and folk instruments, faculty of music, theatre and choreography, FSBEI HE «Tumen state institute of culture (Tumen city).

8. Ezova Svetlana Andreevna, PhD in Pedagogy, professor of the department of library information resources, FSBEI HE «East Siberian state institute of culture» (Ulan-Ude city).

9. Kostrov Alexandr Valeryevich, Sc.D. in History, professor of the department of world history and international relations, FSBEI HE «Irkutsk state university» (Irkutsk city).

10. Malovichko Yevgeniya Valeryevna, a 1st-year magistrate, specialization 51.04.06 «Library information activity», faculty of socio-cultural and information technologies, FSBEI HE Altai state institute of culture (Barnaul city).

11. Matveeva Yelena Vladimirovna, PhD in Sociology, associate professor of the department of socio-cultural activity, senior researcher of the scientific laboratory of history and theory of culture, FSBEI HE «East Siberian state institute of culture» (Ulan-Ude city).

12. Makhachkeeva Galina Vissarionovna, independent researcher (Ulan-Ude city).

13. Nemanova Eleonora Alekovna, PhD in History, associate professor of the department of ethnology and folk art culture, FSBEI HE «East Siberian state institute of culture» (Ulan-Ude city).

14. Nimaeva Irina Balzhinimaevna, PhD in Pedagogy, associate professor of the department of literature and linguistics, FSBEI HE «East Siberian state institute of culture» (Ulan-Ude city).

15. Redko Tatyna Leonidovna, PhD in Economics, associate professor, vice-rector in charge of educational work, FSBEI HE «East Siberian state institute of culture» (Ulan-Ude city).

16. Sergeeva Yelena Borisovna, senior teacher of the department of socio-cultural activity, FSBEI HE «East Siberian state institute of culture» (Ulan-Ude city).

17. Tkachev Vitaly Viktorovich, a 3rd-year post-graduate student, specialization 46.06.01 «Historical sciences and archaeology», FSBEI HE «Irkutsk state university» (Irkutsk city).

18. Kharitonova Svetlana Alexandrovna, PhD in Pedagogy, associate professor of the department of socio-cultural activity, FSBEI HE «East Siberian state institute of culture» (Ulan-Ude city).

19. Erdyneeva Snezhana Eduardovna, a 1st-year post-graduate student, specialization 46.06.01 «Historical sciences and archaeology», FSBEI HE «East Siberian state institute of culture» (Ulan-Ude city).

ISSN 2541-8874

2 2 0 0 1

9 772541 887006 >